

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ
по следующим научным специальностям,
по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, независимый исследователь, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородинкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Когай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несева (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь).

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта–Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджисо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткин (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2025

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, independent researcher, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyeva (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising,

Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

<p>Особенности современной исторической эпохи: некоторые проблемы и задачи философии. Статья первая. Переломный этап истории: проблемы и эвристические возможности современной философии
<i>Мусаелян Л.А.</i></p>	5	<p>Peculiarities of the modern historical era: some issues and objectives of philosophy. Part 1. The turning point in history: issues and heuristic capabilities of modern philosophy
<i>Lyeva A. Musayelyan</i></p>
<p>Тема страдания в философии римских стоиков
<i>Королькова А.А.</i></p>	16	<p>The theme of suffering in the Roman philosophy of Stoicism
<i>Anna A. Korolkova</i></p>
<p>«Лицо» и «маска»: проблема подлинности и неподлинности человеческого существования (на материале философии Э. Левинаса)
<i>Кропотина Л.Е.</i></p>	28	<p>«Face» and «mask»: the problem of authenticity and inauthenticity of human existence (based on the philosophy of E. Levinas)
<i>Lilia E. Kropotina</i></p>
<p>Каким образом возможно коллективное экзистирование субъектов массовой музыки
<i>Квятковский Г.Ю.</i></p>	38	<p>What makes possible the collective existence of the subjects of mass music
<i>Georgij Yu. Kwiatkowski</i></p>
<p>Влияние метафизики Б. Спинозы на развитие философии всеединства В.С. Соловьева
<i>Мухрянов А.А.</i></p>	52	<p>The influence of B. Spinoza's metaphysics on the evolution of V.S. Soloviev's philosophy of all-unity
<i>Aleksandr A. Mukhrianov</i></p>
<p>Философия «позитивной» деконструкции Жака Деррида
<i>Купарашвили М.Д.</i></p>	63	<p>Jacques Derrida's philosophy of «positive» deconstruction
<i>Msiya G. Kuparashvili</i></p>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

<p>Саморегуляция и субъектность: пересечение систем
<i>Калугин А.Ю., Митрофанова Е.Н., Скорынин А.А.</i></p>	76	<p>Self-regulation and subjectness: the intersection of the systems
<i>Alexey Yu. Kalugin, Elena N. Mitrofanova, Andrey A. Skorynin</i></p>
<p>Пилотажное исследование совладающего поведения у партнеров, переживающих трудности в романтических отношениях
<i>Рожик М.А., Яценко А.А., Володина К.А.</i></p>	86	<p>A pilot study of coping behavior in partners experiencing difficulties in romantic relationships
<i>Milana A. Rozhik, Anastasia A. Yashchenko, Ksenia A. Volodina</i></p>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

К критике рынка социальных услуг <i>Гасумова С.Е.</i>	99	Toward a critique of the social services market <i>Svetlana E. Gasumova</i>
Стратегии взаимодействия с рабочим коллективом и продолжения занятости работающих пенсионеров <i>Галкин К.А.</i>	113	Strategies for interaction with colleagues and continued employment of working pensioners <i>Konstantin A. Galkin</i>
Сравнительный анализ показателей воспроизводства педагогических кадров: кейс Пермского края <i>Родачев В.А., Волегов В.С.</i>	125	A comparative analysis of the indicators of teaching staff reproduction: the case of Perm Krai <i>Vladislav A. Rodachev, Vladimir S. Volegov</i>
Информация для авторов	139	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.82

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-5-15>

EDN: CDIKPC

Поступила: 01.02.2025

Принята: 25.02.2025

Опубликована: 10.04.2025

**ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ.
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ**

*Мусаелян Лева Асканазович**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

В статье анализируются особенности современной исторической эпохи и показывается, что она является уникальным этапом в истории человечества. В короткий отрезок времени, на стыке XX и XXI вв. произошло наложение множества глубоких кризисов, каждый из которых представляет опасный вызов человечеству. По мнению автора, совпадение по времени такого количества кризисов, имеющих тенденцию к обострению, создают мультипликативный эффект, ускоряющий сползание человечества к катастрофе. История прошлого столетия свидетельствует, что значимым фактором начала Второй мировой войны была максимальная идеологическая конфронтация в мире и оголтелая пропаганда по расчеловечиванию образа людей, избранных в качестве потенциальной жертвы агрессором. По мнению автора статьи, есть основание учесть опыт работы представителей мирового сообщества в ЮНЕСКО, которые после войны, анализируя причины происшедшей трагедии, пришли к выводу о важной роли философа и философии в формировании уважительных отношений между людьми, неприятия национализма и права грубой силы в межчеловеческих и международных отношениях. Можно согласиться с интеллектуалами, представленными в ЮНЕСКО, что философия помогает противостоять различным формам пропаганды, нетерпимости, учит миру, помогает противостоять современным вызовам. В статье исследуется состояние современной философии в мире и у нас в стране для выяснения вопроса — имеются ли у нее эвристические возможности для решения истинно вселенской гуманистической задачи — спасения человечества.

Ключевые слова: современная историческая эпоха, переломный этап истории, кризисы человечества, философия, духовный кризис, идеология, глобализация, монополярный мир.

Для цитирования:

Мусаелян Л.А. Особенности современной исторической эпохи: некоторые проблемы и задачи философии. Статья первая. Переломный этап истории: проблемы и эвристические возможности современной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 5–15. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-5-15>. EDN: CDIKPC

**PECULIARITIES OF THE MODERN HISTORICAL ERA:
SOME ISSUES AND OBJECTIVES OF PHILOSOPHY.
PART 1. THE TURNING POINT IN HISTORY:
ISSUES AND HEURISTIC CAPABILITIES OF MODERN PHILOSOPHY**

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University (Perm)

The paper analyzes the characteristics of the modern historical period and argues that it is a unique stage in human history. In a short space of time, at the turn of the 20th and 21st centuries, numerous deep crises have occurred, each posing a significant challenge to humanity. The author argues that the coincidence of so many overlapping crises, all tending to worsen over time, creates a dangerous multiplier effect that accelerates humanity's descent toward catastrophe. History of the past century shows that one significant factor in the outbreak of World War II was the intense ideological conflict in the world, along with the widespread propaganda aimed at demonizing the image of the victims chosen by the aggressors. According to the author of the article, it is worth considering the experience and findings of the international community representatives at UNESCO. After the war, they analyzed the causes of the tragedy and came to the conclusion that philosophers and philosophy play an important role in establishing a respectful relationships between people, in rejecting nationalism and the use of brute force in personal and international relations. One can agree with these intellectuals that philosophy helps resist various forms of propaganda and intolerance, teaches peace, and also helps in facing modern challenges. The paper examines the current state of philosophy in the world and our country in order to determine whether it has the potential to solve the universal humanistic task of saving humanity.

Keywords: modern historical era, turning point in history, crises of mankind, philosophy, spiritual crisis, ideology, globalization, unipolar world.

To cite:

Musayelyan L.A. [Peculiarities of the modern historical era: some issues and objectives of philosophy. Part 1. The turning point in history: issues and heuristic capabilities of modern philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 5–15 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-5-15>, EDN: CDIKPC

Введение

Для тех, кто следит за международными отношениями, является бесспорным факт роста напряженности в мире в последние десять лет. Очевидно также, что в связи с реализацией завершающего этапа долгосрочного плана НАТО по Украине градус эскалации между коллективным Западом и Россией в последние три года резко возрос. Согласно некоторым анализам, «две предыдущие мировые войны начались из-за куда меньших политических страстей» [Богданов К.В., 2025, с. 29]. Ряд политиков и руководителей военных ведомств стран

НАТО уже определили время начала войны с Россией. Если бы Россия не обладала мощным ракетно-ядерным потенциалом, то, вероятнее всего, новая мировая война, развязанная Западом, была бы уже трагической реальностью. Эскалация военного противостояния НАТО и России на Украине мотивировало стороны на активизацию гонки вооружений и военных технологий. Отсутствие доверия между сторонами и механизмов эффективного контроля создаваемых более эффективных систем вооружений способствовало снижению ядерного порога сдерживания мировой войны. Словом, наметившиеся тенденции в мире свидетельствуют

об усилении рисков глобальной катастрофы и превращения планеты во вселенское кладбище, о чем предупреждал Кант.

В аналитике можно найти разное объяснение чрезмерного обострения международных отношений в мире. В качестве причин называются корпоративные интересы ВПК США и других западных стран, поставляющих оружие украинскому режиму для нанесения стратегического поражения России; связанных с ВПК экономическими интересами политических деятелей ведущих государств НАТО; субъективные (личностные ментальные и когнитивные) особенности современных политических деятелей коллективного Запада; русофобия западных политических элит, желающих взять реванш за исторические поражения и т.д. Безусловно все эти факторы существуют и их необходимо учитывать, но они не могут объяснить длительные тенденции роста турбулентности в мировой политике. Продолжительные политические тенденции всегда имеют «объективные причины, выходящие за пределы индивидуальных психологических факторов...» [Филиппов А.Ф., 2025]. Научный подход к исследованию масштабных негативных трендов требует выявления их объективных причин и по возможности разработки научно обоснованных рекомендаций по блокированию тенденций, угрожающих человеческой цивилизации.

В предложенной статье предпринята попытка показать объективные факторы, вызвавшие тенденции, угрожающие современной цивилизации. По количеству опасных вызовов человечеству, возникших в конце XX – начале XXI вв. современная эпоха, на взгляд автора, является уникальной в истории. Будущее человечества зависит от того, сможет ли оно найти адекватные ответы на существующие вызовы. Это дает основание определить современность как переломный этап истории. Очевидно, что переломным современная эпоха является в первую очередь и для самой России как государства.

Опыт истории свидетельствует о том, что значимым фактором возникновения Второй мировой войны была обострившаяся идеологическая борьба. По авторитетному мнению С.А. Караганова, сегодня «натовско брюссельская пропаганда уже превосходит гитлеровскую» [Караганов С.А., 2025]. Как удалось преодолеть последствия той трагедии идеологиче-

ски подготовленной и осуществленной гитлеровской Германией?

После войны представители мирового сообщества, работавшие в ООН, обратили внимание на исключительные возможности философии в деле преодоления вражды, ненависти между народами и установления цивилизованных отношений между государствами. В этой связи были приняты ряд документов по поддержанию активных философских исследований там, где существуют философские школы и необходимости преподавания философии в образовательных учреждениях в различных странах. В предлагаемой статье исследуется состояние философии в мире и в России с целью выявления проблем, которые существуют в философии, и ее эвристических возможностей в преодолении нарастающей конфликтогенности в мире.

Опасные вызовы, которые в настоящее время угрожают человечеству, относятся к глобальным проблемами современности. Их анализ и возможные методы разрешения, по мнению автора публикации, относятся к задачам философии. Для поиска и нахождения адекватных мер по блокированию опасных вызовов цивилизации необходимо определить кризисную тенденцию, которая является базовой осевой зоной, обуславливающей множество других кризисных тенденций. Очевидно, что для блокирования множества прочих кризисных тенденций необходимо исследовать и блокировать кризисную тенденцию осевой зоны, которая, на взгляд автора, имеет определяющее значение в возникновении турбулентности в мире. Во второй части настоящей работы исследуется эта осевая кризисная тенденция, проявляющаяся в глобализованном мире и у нас в стране. Предлагаются подходы, возможно и спорные для преодоления этого осевого кризиса. По мнению автора, определяющую роль в преодолении указанного кризиса играет философия. В этой связи, если Маркс писал, что философия должна изменить мир, то сегодня следует сказать, что философия должна спасти мир. Она возникла вместе с цивилизацией, и она должна спасти цивилизацию. И в этом ее гуманистическая миссия.

В отличие от понятий «общественно-экономическая формация» и «цивилизация», смысл которых известен всем, кто интересуется философией и историей, концепт «историческая эпоха» в научной литературе используется редко, а его значение считается интуитивно ясным,

хотя и не является таковым. Это понятие характеризует исторический процесс со стороны его содержания, учитывая противоречивый, неравномерный характер развития человечества, выражает ведущую тенденцию в жизнедеятельности человеческой цивилизации. В современной социально-философской и геополитической аналитике фактически сложился консенсус относительно понимания особенностей современной исторической эпохи как переломного этапа истории. В качестве причин такого определения современной исторической эпохи исследователи указывают на различные опасные тенденции, сложившиеся в последние десятилетия, которые, если не принимать экстренных мер, могут привести к крайне тяжелым негативным последствиям, в том числе к гибели человеческой цивилизации.

О особенностях современной исторической эпохи

Как представляется, человечество действительно подошло очень близко к опасной черте невозврата, что обусловлено наложением в конце XX в. нескольких глобальных кризисов. Если иметь в виду количество этих совпавших по времени кризисов и их характер, то можно сказать, что человечество столкнулось с крайне редким, если не уникальным, в мировой истории явлением. Наиболее важные из них: формационный кризис глобального неолиберального капитализма; цивилизационный кризис современных западных стран, объединенных в политической аналитике общим понятием «коллективный Запад»; геополитический кризис, вызвавший острую экономическую, военно-политическую конфронтацию между ведущими мировыми державами; антропологический кризис; кризис международных институтов и международного права; мировоззренческий кризис и кризис пути развития современной цивилизации. Нельзя не заметить, что перечисленные кризисы по своему характеру относятся к трудно разрешимым глобальным проблемам современности и представляют экзистенциальную угрозу для человечества. Решение этих проблем нельзя осуществлять изолировано, ибо они в силу своей глобальной природы имеют взаимосвязанный и системный характер. Кроме того, традиционные способы блокирования и тем более устранения указанных кризисных тенденций, как показывает практика, не только не дают нужного резуль-

тата, но и порождают еще более сложные и опасные для существования человечества проблемы. Очевидно, что эти вызовы требуют всестороннего сущностного анализа, необходимого для разработки научно обоснованных рекомендаций, принятия управленческих решений по их блокированию и устранению.

В настоящее время в жесткой военно-политической конфронтации с Россией «коллективный Запад» важную роль отводит идеологической и психологической войне. Ее цель — расчеловечить человеческую сущность противника и внедрить такое представление в сознание собственного населения для оправдания агрессивной и крайне опасной политики. Как свидетельствует история, подобная практика проводилась фашистской Германией накануне Второй мировой войны и особенно во время вторжения в нашу страну. Используя ложь, дезинформацию государственные структуры Третьего рейха внедряли в сознании немцев откровенное мракобесие, зоологический антикоммунизм и национализм в отношении народов Советского Союза, чьи территории, по мнению идеологов этого государства, по «справедливости» должны быть жизненным пространством высшей, арийской расы. Идеологическая обработка населения Германии (и не только ее) способствовала элиминации из сознания солдат вермахта (и их союзников) любых нравственных переживаний, блокирующих выполнение преступных приказов по тотальному уничтожению противника, в том числе и гражданского населения. Нельзя не видеть, что русофобия сегодня стала определяющим политическим трендом коллективного Запада и тех стран, которые причисляют себя к числу их союзников. Показателен в этом плане тот факт, что правительство ФРГ предоставляет много лет блокадникам Ленинграда еврейской национальности выплаты, но отказывает в этом другим блокадникам, большинство из которых, конечно, были русскими. Сегрегация жертв блокадного Ленинграда по этническому признаку дает основание вспомнить Маркса, который писал: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена,

боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом, освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории» [Маркс К., 1957, с. 119]. Представители политической элиты современной Германии, зараженные бацилами национализма и нацизма, одержимые русофобскими идеями, призывают немцев готовиться к новой войне с Россией и даже определили дату начала реванша.

В прошлом столетии человечество пережило три глобальных кризиса. Первые два привели к мировым войнам. Третий кризис разразился в конце XX в. и продолжается в настоящее время. Современная, крайне острая конфронтация «коллективного Запада» с Россией создала в мире напряженную атмосферу фобий и вражды, во многом похожую на ту, которая сложилась в Европе накануне Второй мировой войны. «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? — вопрошал В. Ключевский. — Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега любит поднявшись, оглянуться на место своего падения» [Ключевский В.О., 1990, с. 390]. Так каким образом произошло падение человечества в яму самой кровопролитной войны в истории? И что представители мирового сообщества предприняли для того, чтобы преодолеть ненависть между народами, многократно возросшую в результате войны? Поставленные вопросы относятся к числу сложных, на которые историки не дают однозначные простые ответы. Начало войны и послевоенное переустройство мира были вызваны многофакторными сложными процессами. Представляется необходимым остановиться на одном аспекте происходящих тогда событий.

ЮНЕСКО о роли идеологической конфронтации в возникновении Второй мировой войны и значении философии в предотвращении новой трагедии

После окончания Второй мировой войны эксперты, работающие в учреждениях ООН, пришли к выводу, что значимым фактором возникновения войны стало обострившееся идеологическое противостояние государств, сеявшее недоверие и вражду между народами. В этой связи в ЮНЕСКО была принята программа по внедрению в общественное сознание разных стран философского мировоззрения. Подобное решение международного института не было случайным. На протяжении почти трех тысячелетий

своей истории философия буквально выстрадала идею о ценности человека и человеческой жизни, о равенстве людей независимо от их национальности, расы, пола, языка и религии. Далеко не случайно то, что первым генеральным директором ЮНЕСКО стал Дж. Хаксли — ученый-эволюционист и философ. Заметим, что в работе этой уважаемой в то время международной организации принимали участие Ж.-П. Сартр, А.Дж Айер, П. Тейяр де Шарден, Р. Мойо, Р. Кайуа и другие известные мыслители [Томский Г.В., 2019]. Это свидетельствует о том, что при реализации своих программ, нацеленных на установление мира и взаимопонимания между народами, ЮНЕСКО придавало большое значение участию в них философов. В меморандуме о программе ЮНЕСКО в области философии (24.07.1946) отмечалось, что философские идеи в общественном сознании будут укреплять «уважение к человеческой личности, любовь к миру, неприятие узкого национализма и права грубой силы, солидарность и преданность идеалам культуры» [Дианова В.М., 2011]. Понимание высокой миссии философии в отстаивании мира дало основание экспертам ЮНЕСКО определить три стратегических направления в развитии философии: философия перед лицом глобальных проблем; преподавание философии в мире; развитие философской мысли и философских исследований [Дианова В.М., 2011]. В последующем для реализации обозначенных направлений развития философии проводились совещания с участием высокопоставленных представителей правительств и экспертов разных стран, входящих в ЮНЕСКО. Учитывая ситуацию, сложившуюся в мире, представляется уместным привести фрагмент из Парижской декларации ЮНЕСКО 1995 г. Участники дискуссии в Париже «Философия и демократия в мире» отмечали, что рассматриваемые философией проблемы «носят универсальный характер для жизни и самого существования человека; что философский анализ может и должен способствовать взаимопониманию и решению вопросов, касающихся взаимоотношений между людьми <...> что преподавание философии способствует развитию открытости умов гражданской ответственности, взаимопониманию и терпимости в отношениях между людьми и группами; что преподавание философии формируя независимо мыслящих вдумчивых людей, способных противостоять различным

формам пропаганды, готовит каждого человека к тому, чтобы принять на себя ответственность за решение серьезнейших вопросов современного мира» [Дианова В.М., 2011, с. 64–65]. Кажутся важными еще два абзаца этого документа. «Преподавание философии должно осуществляться высококвалифицированными педагогами, прошедшими в этих целях особую подготовку, и не должно подчиняться никаким главенствующим экономическим, техническим, религиозным, политическим и идеологическим требованиям; оставаясь независимым преподавание философии должно там, где это возможно быть прочно увязано с научной и профессиональной подготовкой во всех областях» [Дианова В.М., 2011, с. 65].

Осмысливая глубокий духовный кризис, в котором оказалось человечество в 40-е – 50-е гг. прошлого столетия и способы его преодоления, примененные ЮНЕСКО, есть основания полагать, что в настоящее время в условиях глобального многоаспектного кризиса роль философа и философии в современной общественной жизни резко возрастает, философия как мировоззрение есть теоретическая рефлексия кризисной эпохи, в результате которой по-новому осмысливаются и решаются фундаментальные проблемы бытия, что получает свое выражение в возникновении новых философских течений. Поэтому переломные эпохи в истории сопровождаются изменением мировоззрения обществ. Каждое новое философское мировоззрение — это теоретическая рефлексия возникшего глубокого общественного кризиса и, в то же время, концептуальные идеи, социальные идеалы, смысложизненные ценности посткризисного развития общества. Они, образно выражаясь, выступают в роли факела, освещающего людям путь в будущее. В этой связи каждый новый этап в развитии философии, так или иначе, предвещает возникновение новой исторической эпохи. Такая закономерность просматривается в истории европейской цивилизации, и не только европейской. Переломный характер современной исторической эпохи, проявляющийся в наложении множества глобальных кризисов, в том числе кризиса мировоззрения и пути движения человечества в рамках социальной модели глобального неолиберального капитализма, дают основание для вывода, что возникшие глобальные проблемы, представляющие экзистенциальную угрозу человечеству, требуют незамедлительного реше-

ния. Философия должна разработать методологию такого решения. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что на переломных этапах истории, когда возрастает востребованность обществом философии как мировоззрения и методологии, философия не может удовлетворять актуальные запросы общества, поскольку она сама находится в состоянии кризиса. В самом деле, если справедлива мысль Гегеля о том, что философия есть эпоха, выраженная в мыслях, то очевидно, что философия кризисной эпохи не может не находиться в кризисном состоянии. Поэтому решение задачи преодоления современного глобального многоаспектного кризиса должно предвещать формирование нового жизнеутверждающего философского мировоззрения с новыми смысложизненными ценностями и социальными идеалами. Эта философия должна обладать методологией, позволяющей человечеству преодолеть границы саморазрушающей социальной организации, основанной на эгоистических мотивах экономической выгоды, неумеренного потребительства и ригористического индивидуализма. Но каким образом и на каких теоретических основаниях и принципах должна строиться эта философская парадигма, способствующая созиданию новой социальной реальности? Как отмечалось выше, в документах ЮНЕСКО в качестве одного из стратегических направлений развития философии определялось исследование глобальных проблем современности. В последние десятилетия на различных форумах, проводимых ЮНЕСКО, в программных документах к Всемирным философским конгрессам также указывалось на неотложность осмысления и решения проблем, затрагивающих интересы всего человечества [Степанянц М.Т., 2010].

Философия кризисной эпохи, ее проблемы и эвристические возможности

Было бы наивно полагать, что в условиях современного цивилизационного раскола, политического, идеологического и военного противостояния государств их представители, участвуя, скажем, в очередном Всемирном философском конгрессе, придут к консенсусу относительно понимания причин, возникших экзистенциальных угроз и способов их устранения. Сомнения на этот счет усилятся, если принять во внимание, что западная Европа в течении 500 лет занимала ведущие позиции в мире в экономиче-

ской, политической, военной, научно-технической сферах. Это позволило ей определять тенденции в развитии философии, тематику обсуждаемых проблем и даже место проведения Всемирных философских конгрессов, с тех пор как они организовывались. Понятно, что тематика обсуждаемых проблем в публикациях западных ученых по большей части отражала социально-экономическую и политическую реальность, в которой они жили. Поэтому в их исследованиях, как правило, отстаивалась идея европоцентризма, пропаганда западных ценностей и западной культуры как идеала человеческой культуры. Такую позицию своих западных коллег известный отечественный философ акад. Т.И. Ойзерман не без оснований характеризовал как проявление идеологии неокOLONиализма [Ойзерман Т.И., 1984]. Показательно, что к критической оценке европоцентризма в разное время присоединялись некоторые западные философы, например Р. Бернаскони и Б. Дэвис [Davis B.W., 2017].

С завершением холодной войны и формированием глобального монополярного мира тематика обсуждаемых в западной философии и социально-политической литературе проблем заметно изменилась. По большей части она определялась той экономической и социально-политической реальностью, которая сформировалась в результате американизации планеты и соответствовала интересам мирового гегемона. Эталонами для подражания теперь были объявлены американские ценности, образ жизни, демократия. Они представлялись как достижения западной цивилизации.

Процессы глобализации способствовали появлению во второй половине XX в. транснациональных корпораций (ТНК), роль которых в мировой экономике и политике к концу прошлого столетия резко возросла. Существование строгих границ национальных государств противоречило глобальным интересам финансово-промышленных и финансовых групп. Успех их деятельности во многом определялся возможностью быстрого и беспрепятственного проникновения в «материальные жизненные артерии национальных государств» (У. Бек) с последующим влиянием на их внутреннюю и внешнюю политику, если она противоречила интересам ТНК. В этой связи вполне объяснимо появление работ, авторы которых объявляют Вестфальские соглашения и национальный суверенитет госу-

дарства отжившими правовыми институтами [Сорос Дж., 2004, с. 203; Киссинджер Г., 2016, с. 18, 484]. Некоторые из наиболее активных адептов этой точки зрения призывали власти США возглавить процесс последующей десувенинизации государств [Сорос Дж., 2004, с. 200]. Надо признать, что за последние тридцать лет акторы глобального монополярного мира в этом весьма преуспели.

Формирование монополярного неолиберального мира, управляемого финансовым и финансово-промышленным капиталом, означало возникновение новых субъектов мировой политики, действующих вне публичной сферы, и потому вне контроля национального и международного права, с демонстративным игнорированием всякой морали. Именно такая, ничем не ограниченная деятельность деперсонализированных субъектов оказывает более сильное влияние на международную жизнь и складывающийся мировой порядок, нежели деятельность национальных государств [Бек У., 2001, 2007]. Это способствовало вытеснению государств из сферы существенных политических отношений, затрагивающих их национальные интересы и возможности влияния на мировой порядок. Указанные тенденции породили на Западе нарративы, ставящие под сомнение политическую и правовую субъектность национальных государств.

Отрицание суверенитета политической и правовой субъектности национальных государств должно было сопровождаться деобъективизацией (десубстанциализацией) исторических общностей — этносов и наций. Эту миссию попытались выполнить представители философского конструктивизма, объявив нацию «мифом» [Геллнер Э., 1991, с. 34, 114], «воображаемым сообществом» [Андерсен Б., 2001, с. 31]. Подобные воззрения, несомненно, были результатом одностороннего видения процессов, вызванных глобализацией, но они соответствовали интересам транснационального финансово-спекулятивного капитала и потому получили достаточно широкое распространение в научно-исследовательской среде. Словом, глобализаторы сделали неуместной нацию, несмотря на то, что она продолжала существовать [O'Brien R., 1992]. Указанные воззрения распространились и в России.

Как правило, для индивидов значимым и объективным индикатором самопрезентации и

самоидентификации является его принадлежность к социальной группе, социальной общности. Но если нация «не естественный способ классификации людей» [Геллнер Э., 1991, с. 34], а лишь социальный конструкт, то в этом случае человек лишается объективных оснований самоидентификации, теряет свои национальные и социальные корни, превращаясь в абстрактного индивида глобального мира. Поэтому идеи национальной идентичности и патриотизма в общественном сознании вытесняются модной концепцией космополитизма [Бек У., 2008]. По свидетельству М.Т. Степанянц, последний XXV Всемирный философский конгресс в Риме (август 2024 г.) стал воплощением космополитического идеала — человека мира [Степанянц М.Т., 2024, с. 8]. К проблеме планетарного человека мы вернемся несколько позже. К изложенному представляется необходимым добавить, что Запад играл ведущую роль не только в определении тематики обсуждаемых философским сообществом проблем, но и в выборе места проведения мировых философских форумов. За более чем столетнюю историю Всемирных философских конгрессов (первый — Париж, 1900 г.) они проходили в основном в странах коллективного Запада.

Конечно, ситуация в мире за последние 10–15 лет заметно изменилась. В настоящее время мало кто из серьезных исследователей отождествляет философию как мировое явление исключительно с западноевропейской философией. Сегодня и на Западе признают переломный этап истории. Отсюда и отчаянные попытки сохранить монополярный мир, управляемый Америкой. Поэтому говорить о возможности нахождения консенсуса между представителями коллективного Запада и остального мира относительно причин возникновения экзистенциальных угроз человечеству и способа их устранения сегодня не приходится. Чтобы быть правильно понятым, автор этих строк должен отметить, что он не отождествляет философов и политиков, философию и идеологию. Конечно, работа философа может иметь политический и идеологический контекст. Особенно, когда речь идет о социальной и политической философии. Философия как область интеллектуальной деятельности, образно выражаясь, стоит далеко от базисных отношений и не так подвержена влиянию экономических и политических интересов крупных социальных групп и господствующих элит.

Есть «вечные» фундаментальные (метафизические) философские проблемы, над которыми работают мыслители разных стран. В этом случае они без особого труда находят взаимопонимание, получая даже восторженные отклики на опубликованные работы от своих зарубежных коллег [Васильев В.В., 2024]. Но те экзистенциальные угрозы человечеству, о которых говорилось выше, находятся вне поля зрения таких мыслителей. Они относятся к сфере научной деятельности социальных и политических философов, историков, экономистов, геополитиков, правоведов и других ученых, чьи исследования так или иначе затрагивают интересы больших социальных групп и поэтому не могут быть независимы от экономической и политической элиты западных стран, особенно от деперсонализированных сил глобального неолиберального капитала. Однако проблема не только в этом, а в эвристических возможностях современной философии предложить человечеству спасительный рецепт от неминуемого самоуничтожения. Как уже отмечалось, кризисные эпохи истории порождали соответствующие им состояния философии. Три глобальных кризиса капитализма в XX в. определили кризисные тенденции в мировой философии [Мусаелян Л.А., 2022]. Платой марксизма за выход из первого кризиса стал раскол этого течения, условно говоря, на западный и восточный варианты. Последний после победы социалистической революции в России получил наименование ленинский или советский марксизм. Успехи большевиков в строительстве нового типа общества, а затем победа Советского союза в Великой отечественной войне и решающий вклад в исходе Второй Мировой войны, способствовали превращению марксизма во влиятельное учение во всем мире. С другой стороны, эти успехи в немалой степени создали условия догматизации некоторых положений в работах Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, а в последующем абсолютизации опыта строительства советского варианта социализма. Конечно, это не могло не сказаться на творческом потенциале и конкурентоспособности марксистской философии, что со всей очевидностью дало о себе знать в драматических событиях начала 90-х гг. XX в.

Выход западной философии из мирового кризиса в философии произошел за счет отказа от традиций классической, рационализированной философии, мировоззренческих проблем,

идеи исторического прогресса. Сужение философской проблематики сопровождалось тягой западных мыслителей к иррационализму, релятивизму, агностицизму. Указанные тенденции усиливались в течении всего прошлого столетия и рельефно появлялись в воззрениях постмодернистов.

Оценивая современное состояние философии, Дитрих фон Гильдебранд называет западных мыслителей могильщиками философии, поскольку они лишили философию философской проблематики, отказались от собственно философских методов исследования, заменив их естественнонаучными, и при этом не признают объективную реальность. По мнению немецкого философа, у его западных коллег нет философского взгляда на действительность, позволяющего решать сложные философские проблемы. Напротив, своими произвольными умозрительными построениями они преграждают путь к истине [Гильдебранд Д. фон, 1997, с. 6–9].

Негативные тенденции в мировой философии появились и в нашей стране. Этого не могло не быть, если учитывать, что экономический, социально-политический, духовной кризис в России был более глубоким и продолжительным, чем в других странах Восточной Европы. Поэтому оценка состояния не только мировой, но и особенно отечественной философии известными российскими исследователями [Гобозов И.А., 2005, 2010; Каменский З.А., 1995; Миронов В.В. 2005] совпадает с мнением немецкого мыслителя. Современная российская философия, отмечает И.А. Гобозов, свидетельствует о глубоком интеллектуальном кризисе нашего общества, что проявляется в «отсутствии в наше время великих мыслителей, великий ученых, чьи идеи могли охватить массы и помогли бы им избавиться от мещанства, от моральной и духовной деградации» [Гобозов И.А., 2010, с. 5]. «Постклассическая философия, — отмечает В.М. Межуев, — утратила роль главного “властителя дум” своего времени, уступив ее тем, кто далек от всякой философии» [Межуев В.М., 2017, с. 178]. Но если философия в настоящее время не является «властителем дум», не влияет на общество, то она тем более не может влиять на политиков, как правило далеких от всяких теорий и руководствующих прагматическими соображениями. Эти последние раз в 4–5 лет вынуждены учитывать и даже считаться с общественным мнением, что полу-

чает отражение в их предвыборных заявлениях и обещаниях, о которых они после выборов очень часто благополучно забывают. Но не более того. Словом, современная философия перестала выполнять одно из своих общественных предназначений, ради которых она возникла и существовала не одну тысячу лет. Причина утраты философии своей сущностной функции и своих эвристических возможностей есть результат радикального отказа большинства современных философов от традиций классической философии. Как было показано выше, это произошло и в силу изменений социальной реальности, в которой живут и работают современные философы. Тем не менее, существующая ситуация дает основание для вывода, что в настоящее время возник типичный вариант проблемной ситуации. Современная цивилизация остро нуждается в эффективной методологии, в жизнеутверждающем мировоззрении для блокирования существующих экзистенциальных угроз и выхода человечества из глубокого кризиса. Однако сама философия, игравшая до сих пор эту спасительную функцию в каждую историческую эпоху, не в состоянии сегодня эту задачу решить. Словом, мы знаем, что необходимо делать, но не знаем, как это сделать. Как же быть? И что делать?

(продолжение в следующем номере)

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
- Бек У. Власть и ее отношение в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. М.: Прогресс-Традиция: Территория будущего, 2007. 464 с.
- Бек У. Космополитическое мировоззрение: пер. с нем. М.: Центр исслед. постиндуст. об-ва, 2008. 336 с.
- Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
- Богданов К.В. Не здороваться через порог // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-24-29>
- Васильев В.В. Дэниел Деннет: человек и философ // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-8-16-26>

Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? / пер. с нем. А.И. Смирнова. СПб.: Алетейя, 1997. 374 с.

Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3. С. 5–21.

Гобозов И.А. Куда катится философия?! От поиска истины и к постмодернистскому трепу. М.: Изд-ль Савин С.А., 2005. 202 с.

Дианова В.М. Инициативы ЮНЕСКО в области совершенствования и развития философского образования // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. 2011. № 1(2). С. 63–71.

Каменский З.А. Философия как наука: Классическая традиция и современные споры. М.: Наука, 1995. 174 с.

Караганов С.А. Сломать хребет Европе: какой должна быть политика России в отношении Запада // Россия в глобальной политике. Колонка издателя. 2025. 22 янв. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sloamat-hrebet-evrope-karaganov/> (дата обращения: 24.01.2025).

Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милокова. М.: АСТ, 2016. 512 с.

Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. IX: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 363–446.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 115–217.

Межуев В.М. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 4. С. 171–180. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>

Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Соврем. тетради, 2005. 424 с.

Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 78–90. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-78-90>

Ойзерман Т.И. Международный форум философов: мировоззренческий спор: Философия – человек – культура: к итогам XVII Всемирного философского конгресса // Вопросы философии. 1984. № 5. С. 31–47.

Сорос Дж. О глобализации / пер. с англ. А.А. Башкирова. М.: Эксмо, 2004. 224 с.

Степанянц М.Т. Всемирный день философии 2009 // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 6–10.

Степанянц М.Т. «Философия вне границ» (к предстоящему XXV Всемирному философскому конгрессу) // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-2-5-13>

Томский Г.В. Философия, идеалы и ценности ЮНЕСКО // CONCORDE. 2019. No. 2. P. 18–29.

Филиппов А.Ф. Эскалация как осознанное и бессознательное // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 36–44. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-36-44>

Davis B.W. Gadfly of continental philosophy: on Robert Bernasconi's critique of philosophical Eurocentrism // Comparative and Continental Philosophy. 2017. Vol. 9, iss. 2. P. 119–129. DOI: <https://doi.org/10.1080/17570638.2017.1331902>

O'Brien R. Global financial integration: The end of geography. London, UK: Pinter, 1992. 120 p.

References

Anderson, B. (2001). *Voobrazhayemyye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kanon-press-Ts Publ., Kuchkovo Pole Publ., 288 p.

Beck, U. (2001). *Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma — otvety na globalizatsiyu* [What is globalization?]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 304 p.

Beck, U. (2007). *Vlast' i ee otnoshenie v epokhu globalizma. Novaya vseмирno-politicheskaya ekonomiya* [Power in the global age: a new global political economy]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., Territoriya Buduschego Publ., 464 p.

Beck, U. (2008). *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan vision]. Moscow: Tsentr Issledovaniy Postindustrial'nogo Obschestva Publ., 336 p.

Bogdanov, K.V. (2025). [Do not shake hands over the threshold]. *Rossia v global'noy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 23, no. 1, pp. 24–29. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-24-29>

Davis, B.W. (2017). Gadfly of continental philosophy: on Robert Bernasconi's critique of philosophical Eurocentrism. *Comparative and Continental Philosophy*. Vol. 9, iss. 2, pp. 119–129. DOI: <https://doi.org/10.1080/17570638.2017.1331902>

Dianova, V.M. (2011). [UNESCO initiatives in the field of improvement and development of philo-

sophical education]. *Filosofskoe obrazovanie: Vestnik Assotsiatsii filosofskikh fakul'tetov i otdeleniy* [Philosophical Education: Bulletin of the Association of Philosophical Faculties and Departments].

No. 1(2), pp. 63–71.

Filippov, A.F. (2025). [Escalation as the conscious and the unconscious]. *Rossia v global'noy politike* [Russia in Global Affairs]. Vol. 23, no. 1, pp. 36–44. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-36-44>

Gellner, E. (1991). *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow: Progress Publ., 320 p.

Gobozov, I.A. (2005). *Kuda katitsya filosofiya?! Ot poiska istiny i k postmodernistkomu trepu* [Where is philosophy heading?! From the search for truth and postmodern talk]. Moscow: Savin S.A. Publ., 202 p.

Gobozov, I.A. (2010). [Intellectual crisis of society]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 3, pp. 5–21.

Hildebrand, D. von (1997). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 374 p.

Kamenskiy, Z.A. (1995). *Filosofiya kak nauka: Klassicheskaya traditsiya i sovremennye spory* [Philosophy as science: Classical tradition and modern disputes]. Moscow: Nauka Publ., 174 p.

Karaganov, S.A. (2025). [Breaking the back of Europe: what should be Russia's policy towards the West]. *Rossia v global'noy politike* [Russia in Global Affairs (publisher's column)]. Jan. 22. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/slomat-hrebet-evrope-karaganov/> (accessed 24.01.2025).

Kissinger, G. (2016). *Mirovoy poryadok* [World order]. Moscow: AST Publ., 512 p.

Klyuchevskiy, V.O. (1990). [Aphorisms and thoughts about history]. *Klyuchevskiy V.O. Sochineniya: v 9 t. T. IX: Materialy raznykh let* [Klyuchevskiy V.O. Works: in 9 vols. Vol. 9: Materials from different years]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 363–446.

Marx, K. (1957). [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 8. pp. 115–217.

Mezhuev, V.M. (2017). [Philosophy as ideology]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 10, no. 4, pp. 171–180. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>

Mironov, V.V. (2005). *Filosofiya i metamorfozy kul'tury* [Philosophy and metamorphoses of culture]. Moscow: Sovremennye Tetradi Publ., 424 p.

Musaelyan, L.A. (2022). [Who needs this philosophy today? Part 1. Why there is some doubt about the need to teach philosophy in Russian universities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 78–90. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-78-90>

O'Brien, R. (1992). *Global financial integration: The end of geography*. London, UK: Pinter Publ., 120 p.

Oizerman, T.I. (1984). [International Forum of Philosophers: philosophical dispute: Philosophy – man – culture: on the results of the 17th World Philosophical Congress]. *Voprosy filosofii*. No. 5, pp. 31–47.

Soros, G. (2004). *O globalizatsii* [About globalization]. Moscow: Eksmo Publ., 224 p.

Stepanyants, M.T. (2010). [World Philosophy Day 2009]. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 6–10.

Stepanyants, M.T. (2024). [«Philosophy across boundaries» (towards the upcoming 25th World Congress of philosophy)]. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-2-5-13>

Tomskiy, G.V. (2019). [Philosophy, ideals and values of UNESCO]. *CONCRORDE*. No. 2, pp. 18–29.

Vasil'ev, V.V. (2024). [Daniel Dennett: the man and the philosopher]. *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-8-16-26>

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ResearcherID: N-4762-2017

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-16-27>

EDN: CJWLSY

Поступила: 03.10.2024

Принята: 20.01.2025

Опубликована: 10.04.2025

ТЕМА СТРАДАНИЯ В ФИЛОСОФИИ РИМСКИХ СТОИКОВ

Королькова Анна Александровна

Гатчинский государственный университет (Гатчина)

Цель данной статьи — рассмотреть учение римских стоиков с точки зрения их анализа феномена страдания. В процессе исследования раскрывается главный тезис: философия стоиков способна освободить современного человека, поработанного идеей наслаждения, от страха перед опытом боли и страдания. Считаем подход к текстам Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия через призму страдания новаторским, т.к. в критической литературе, исследующей наследие стоиков, гораздо больше внимания уделялось проблеме удовольствия, нежели страдания. В процессе анализа стоической философии разбираются следующие вопросы: являются ли счастье и страдание взаимоисключающими состояниями? Каковы причины страдания? В чем состоят критерии счастливой жизни? При раскрытии указанных выше вопросов используются историко-философский, герменевтический и логический методы. Особенность стоической школы заключается в утверждении созидательной роли боли на пути к становлению самим собой. Идея стоиков о способности страдания высветить духовную силу человека сообщает стоической концепции терапевтическую силу. Экзистенциальная значимость стоического подхода к страданиям подтверждается научно-практической деятельностью австрийского ученого Виктора Франкла. Логотерапия Франкла, основанная на преодолении «экзистенциального вакуума» через поиск смысла, возрождает фундаментальное положение стоической этики: ни один человек не свободен от страданий, однако каждый свободен в выборе своей установки по отношению к страданию. В статье обосновывается общий для всех римских стоиков принцип, утверждающий неразрывную связь между нашими убеждениями и способностью выдерживать удары судьбы. Автор подробно разбирает, какие именно представления обладают целительной силой и составляют основу «терапевтической программы» стоиков. Этика стоиков раскрывается автором статьи не изолированно, но в контексте целостного философского учения, с учетом внутренних взаимосвязей логики, физики и этики. Особую ценность работе придает авторский анализ логической аргументации Зенона и Сенеки, посвященной теме страдания. Проблема актуальности стоицизма в современности обсуждается автором с привлечением как античных, так и современных текстов. В частности, осуществляется критика «поп-стоицизма», сводящего целостное учение стоиков к разновидности психотерапии. В условиях превращения современного стоицизма в настоящую мега-индустрию на Западе, считаем, что именно обращение к философским первоисточникам способно противостоять редукции идей стоиков к набору жизненных советов о том, как стать успешнее.

Ключевые слова: страдание, удовольствие, стоицизм, страсть, счастье, благо, разум, Логос, философия, логика, диалектика, этика, добродетель, смерть.

Для цитирования:

Королькова А.А. Тема страдания в философии римских стоиков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 16–27. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-16-27>. EDN: CJWLSY

THE THEME OF SUFFERING IN THE ROMAN PHILOSOPHY OF STOICISM

Anna A. Korolkova

Gatchina State University (Gatchina)

The article aims to study the Roman philosophy of Stoicism in terms of the Stoics' analysis of the phenomenon of suffering. The main thesis is the following: Stoic philosophy is able to liberate a modern man, enslaved by the idea of pleasure, from the fear of pain and suffering. The author's approach to the writings by Seneca, Epictetus, and Marcus Aurelius through the prism of suffering can be considered innovative since the existing critical literature on the Roman Stoics has paid much more attention to the problem of pleasure than to the problem of suffering. Analyzing the Roman philosophy of Stoicism, the author discusses the following questions: Are happiness and suffering mutually excluding states? What are the reasons for suffering? What are the criteria of a happy life? Elaborating on these questions, the author uses the historical-philosophical, logical, and hermeneutical methods. The distinguishing characteristic of the Stoic school lies in the affirmation of the creative role of pain on the way toward becoming oneself. The Stoics' idea that suffering is able to highlight a person's spiritual power gives Stoic philosophy a therapeutic power. The existential significance of the Stoic approach to suffering is confirmed by the scientific and practical work of the Austrian scientist Viktor Frankl. Frankl's logotherapy, based on overcoming the «existential vacuum» through the search for meaning, revives the fundamental position of Stoic ethics: no human being is free from suffering; however, everyone is free to choose his attitude to suffering. The article substantiates a principle, common to all of the Roman Stoics, asserting the inextricable link between our beliefs and our ability to withstand the blows of fate. The author analyzes in detail what ideas have a healing power and form the basis of the Stoics' «therapeutic program». Stoic ethics is presented not in isolation but in the context of the whole philosophical doctrine, with taking into consideration the internal interrelations of logic, physics, and ethics. Particularly worthwhile in the article is the author's analysis of Zeno's and Seneca's logical argumentation on the problem of suffering. The today's vital importance of Stoicism is discussed using both ancient and modern texts. In particular, «pop Stoicism» is criticized as bringing the holistic teaching of the Stoics to a form of psychotherapy. In the context of modern Stoicism becoming a real mega-industry in the West, the author is strongly convinced that it is close acquaintance with primary philosophical sources that can counter the reduction of Stoic ideas to a set of lifehacks on how to become more successful.

Keywords: suffering, pleasure, Stoicism, passion, happiness, good, mind, logos, philosophy, logic, dialectics, ethics, virtue, death.

To cite:

Korolkova A.A. [The theme of suffering in the Roman philosophy of Stoicism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 16–27 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-16-27>, EDN: CJWLSY

Данная статья посвящена изучению сущности и причин страдания в философских текстах выдающихся представителей римской Стои: Сенеки (4 до н.э. – 65 н.э.), Эпиктета (50 н.э. – 135 н.э.), Марка Аврелия (121 н.э. – 180 н.э.). Философское наследие римских стоиков обладает огром-

ной экзистенциальной и терапевтической силой для современного человека, поработанного идеей наслаждения и испытывающего страх перед опытом боли и страдания. Римские стоики создали идеал сильной личности, способной сохранить жизнь и свое личное достоинство в са-

мых сложных ситуациях, порой бесчеловечных. Непреходящей ценностью стоической философии обладают духовные упражнения, исполнение которых формирует искусство жить в согласии с Логосом.

Именно римские стоики нашли ту этическую призму, благодаря которой философские идеи приобрели поистине экзистенциальное звучание. Мы полагаем, что мысль стоиков о том, что страдание способно раскрыть духовную силу человека и высветить его нравственное достоинство, обрела новую жизнь в учении Виктора Франкла, представителя экзистенциальной философии и основателя логотерапии. Виктор Франкл (1905–1997), потерявший во время войны любимых родителей, брата и жену, сам чудом переживший ужасы трех концлагерей: Освенцима, Дахау и Терезиенштадта, — сумел преодолеть боль отчаяния и сохранить веру в высокое предназначение человека. Получив степень доктора медицины в 1930 г. и доктора философии в 1949 г., австрийский ученый открыл собственную неврологическую клинику в Вене, в которой продолжил изучение ноогенных неврозов уже в мирной жизни. В центре исследований Франкла оказалась проблема экзистенциального вакуума, приводившая людей к суициду. В противовес принципу удовольствия Фрейда и воле к власти Адлера, Франкл избрал волю к смыслу в качестве фундамента своей логотерапии. Если традиционная психотерапия была нацелена на восстановление в человеке способности трудиться и радоваться жизни, то логотерапия, не отрицая значимости этого модуля бытия, направлена на восстановление способности страдать. В своей работе «Человек в поисках смысла» Франкл рассматривает страдание как уникальную возможность для человека перерасти духовно самого себя: «Повсюду человек сталкивается с судьбой, с шансом превратить свои страдания в достижение» [Франкл В., 1990, с. 217]. На наш взгляд, эта идея современного австрийского ученого уходит корнями в философию стоиков, вдохновившую автора на создание данной статьи.

Александр Арнольдович Столяров в своей работе «Стоя и стоицизм» осуществляет глубокое исследование античной Стои и стоицизма как более широкого духовного течения. Отечественный ученый, подробно раскрывая особенности ранней, средней и поздней Стои, объясня-

ет расцвет этого философского учения в Риме направленностью римских мыслителей не только на созерцание первоначал, но и на практическое воплощение идеала мудрости. Римским стоикам удивительным образом удалось откликнуться не только на вызов времени, но и отразить в своей философии вечные запросы человеческого духа: «Стоя создала учение, к которому люди прибегали в поисках вечных, но при этом “человеческих” ценностей...Здесь великая разгадка свободы духа, источник твердости перед лицом безнадежности и умения побеждать несчастья готовностью ко всему» [Столяров А.А., 1995, с. 351–352]. Мужество преодолевать удары судьбы составляет сердцевину стоической концепции, равно актуальной как в эпоху античности, так и в настоящее время.

Возросшая популярность стоических идей в современности связана с острой потребностью человека в обретении незыблемых жизненных ориентиров в ситуации изменчивости и непредсказуемости социальной реальности. Благодаря простоте изложения философских принципов и этической направленности учения идеи стоиков способны помочь даже неподготовленному читателю в преодолении жизненных кризисов. Считаем обращение к текстам стоиков особенно ценным в контексте сравнения античного идеала счастья с современным представлением о счастливой жизни. Подкрепим свою оценку разбором фрагмента из работы Жана Бодрийера «Общество потребления», а также анализом двух видеолекций о стоицизме.

Французский мыслитель и аналитик современного общества Жан Бодрийер (1929–2007) рассматривает счастье в качестве «абсолютной точки отсчета общества потребления», противопоставляя философской идее счастья как внутреннего наслаждения миф о зависимости счастья от внешних критериев успеха: «...Счастье должно быть *измеримо*. Нужно, чтобы оно было *благосостоянием*, измеримым в вещах и знаках, “комфортом”...» [Бодрийер Ж., 2006, с. 73]. Вся логика современной рекламы направлена на то, чтобы человек жил в ритме вещей, а не в ритме идей. Неудивительно, что при расцвете подобной рыночной идеологии в Интернете набирают популярность видеоролики с характерными для современности названиями: «Как молчание в стоицизме может превратить вас в успешного человека» или же

«15 уроков стоицизма для избежания манипуляций». Тщетно пытаюсь обнаружить в указанных видеолекциях следы знакомства с античными первоисточниками, философски образованный слушатель быстро заметит подмену римского стоицизма набором психотерапевтических практик. Представляя стоицизм как легкий путь достижения «эмоциональной автономии» и обретения «внутреннего компаса», авторы видеопосланий почему-то цитируют А. Франк, М. Ганди, Н. Манделу и даже М. Твена, но ни разу не разбирают тексты самих стоиков. Интеллектуальным сюрпризом для критически мыслящей аудитории становится тезис «Заставьте свой разум замолчать!», якобы воплощающий идею стоиков о силе тишины. Насколько этот тезис противоречит всей философии стоиков, понятно любому, кто хотя бы бегло знаком с произведениями античных авторов.

Современная тенденция сводить философию стоицизма всего лишь к разновидности психотерапии стала предметом критического анализа в работах профессора Джорджтаунского университета Нэнси Шэрман (1951). В своей статье «What Pop Stoicism Misses About Philosophy» («Что поп-стоицизм упускает из виду в философии»), опубликованной в «The New York Times» 15 мая 2021 г., автор утверждает: «Modern Stoicism has become an industry. And a mega-industry at that» («Современный стоицизм стал индустрией. Мега-индустрией, к тому же» (*перевод наш. — А.К.*)) [Sherman N., 2021]. Называя современное течение поп-стоицизмом, профессор Шэрман видит единственную возможность противостоять одурманиванию масс рекламными слоганами в том, чтобы самостоятельно и глубоко изучать философские первоисточники: «While self-focused pop Stoicism has thrived in the marketplace, in the classrooms at Georgetown where I teach ancient Stoicism to graduates and undergraduates, it's the promise of that connected self and the potential of contributing to the common good that animate students» («Пока ориентированный на себя поп-стоицизм процветает на рынке, в аудиториях Джорджтауна, где я преподаю античный стоицизм студентам и выпускникам, студентов вдохновляет возможность ощутить свою сопричастность общему делу, а также внести свой вклад в общее благо» (*перевод наш. — А.К.*)) [Sherman N.,

2021]. В частности, Шэрман отсылает своих учеников к произведению Сенеки «О гневе», а именно, цитирует заключительный пассаж из этой работы римского философа: «...давайте пестовать нашу человечность» [Сенека Л.А., 2001, с. 179]. В чем же заключается идея человечности, согласно стоикам, и как ее развить, несмотря на все испытания, как в личной жизни, так и в социуме?

По убеждению стоиков, развитие идеи человечности требует постижения общего закона мироздания и осознания своей включенности в мировое Целое. Главная опасность, которой подвергается античное наследие со стороны поп-стоицизма сейчас, — это тенденция редуцировать целостное учение стоиков до набора жизненных советов о том, как стать успешнее. Эгоцентричная трактовка стоических идей упускает из виду основополагающий принцип стоической философии: невозможно принести пользу себе, не внося при этом вклад в общее благо. Человек, концентрируясь на достижении исключительно своих личных целей, отдаляется не только от своего ближнего, но и от всего общества в целом. Такой человек, согласно Марку Аврелию, подобен ветви, отсеченной от ствола дерева и утратившей свою жизненную силу. Игнорируя диалектическую связь части и целого, человек обрекает себя на неизбежные страдания, поскольку возводит в закон мироздания заботу о собственных эгоистических интересах. Лишь осознав свою причастность Целому, человек сумеет смиренно переносить лишения и научиться быть благодарным за все происходящее с ним: «...поскольку я буду сознавать себя частью, я не буду недоволен ничем, ниспосылаемым Целым, ибо то, что полезно Целому, не может быть вредно части» [Марк Аврелий, 1995, с. 342]. Этот «рецепт счастья» от Марка Аврелия имеет действенную силу только в том случае, если принять всю концепцию стоиков, включая их отношение к страданиям.

Цель данной статьи — рассмотреть учение римских стоиков с точки зрения их анализа феномена страдания. В рамках поставленной цели мы раскрываем следующие вопросы: являются ли счастье и страдание взаимоисключающими состояниями? Каковы причины страдания? В чем заключаются критерии счастливой жизни? Эти философские вопросы получили интересную проработку в учении стоиков.

Полагаем, что в критической литературе, исследующей наследие стоиков, больший акцент делали на проблеме удовольствия, нежели на проблеме страдания. На наш взгляд, французский ученый Мишель Фуко в своей книге «Забота о себе» был пристрастен в своей оценке римских стоиков, утверждая, что они «более всего внимания уделяли “проблеме удовольствий”, точнее говоря, беспокойству по поводу сексуальных наслаждений, возможного к ним отношения и надлежащего применения» [Фуко М., 1998, с. 47]. Конечно, тема половой страсти как источника болезни и зла имеет место в размышлениях римских стоиков, но не в качестве основной нити их дискурса.

Мы считаем дискуссионным тезис Фуко о том, что высшей целью заботы о себе в философии стоиков является «возможность чистого наслаждения самим собой» [Фуко М., 1998, с. 256]. Данный тезис был подвергнут критике еще при жизни автора со стороны его соотечественника Пьера Адо. Спор между Пьером Адо и Мишелем Фуко, развернувшийся вокруг интерпретации этической модели стоиков, прекрасно освещен в статье П.А. Гаджикурбановой «“Духовные упражнения” или “забота о себе” (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко)». В частности, Полина Аслановна указывает на разное понимание целей стоической аскезы, артикулированное французскими мыслителями: «В первую очередь, Адо выступает против трактовки этики греко-римского мира как этики удовольствия... цель стоической аскезы заключается не только в овладении собой и обретении внутренней свободы как источника счастья, но в первую очередь — в трансцендировании, в восхождении на иной уровень существования и обретения себя в перспективе космического целого» [Гаджикурбанова П.А., 2009, с. 41]. С точки зрения Адо, стоические упражнения направлены на достижение гармонического союза с универсальным разумом, а не только на создание эстетики существования, как это утверждает Фуко. Согласно Адо, Фуко развивает идею удовольствия вне контекста целостного учения стоиков. По мнению Адо, Фуко предлагает «чересчур эстетизированную культуру себя, то есть, боюсь, новую форму дендизма — вариант конца XX века» [Адо П., 2005, с. 308].

Доминирующим сюжетом стоической мысли, на наш взгляд, является человек и его судьба в

мире. Лейтмотивом всех рассуждений Эпиктета выступает следующий вопрос: «Так знаем ли мы, что такое человек, какова его природа, каково это понятие?» [Эпиктет, 2022, с. 182] Человек, не знающий, кто он такой, для чего родился и в каком он мироздании, подобен глухому и слепому. Философия, согласно стоикам, рождается не столько из удивления перед красотой и совершенством мироздания, сколько из фиксации противоречивости людских мнений о наиболее важных вещах. Отсутствие единства в представлениях о благе, о счастье, о причинах страдания инициирует философскую мысль, пробуждая стремление к осмысленному поиску нравственных констант: «Философия начинается, у тех, конечно, кто приступает к ней как должно и от порога, с осознания своего бессилия и несостоятельности в необходимых вопросах» [Эпиктет, 2022, с. 121–122]. Римские стоики создали свою концепцию бытия человека в мире, основанную на вере в возможность каждого человека через опору на разум обрести свободу от страхов и ложных представлений о счастливой жизни. Мы убеждены, что обращение современного человека к идеям стоической философии сможет оказать помощь в обретении самого себя и преодолении страдания в круговороте событий мирового и личного порядка.

Особенность стоической школы заключается в утверждении созидательной роли боли на пути к становлению самим собой. Так, Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» пишет: «Я никогда не соглашусь, что не знать боли — благо: боли не ведает цикада, не ведает блоха. Не признаю я благом покой и отсутствие тягот: кто так же празден, как червь?» [Сенека Л.А., 2020, с. 313]. С точки зрения стоиков, не нужно ни избегать страданий, ни осознанно идти к ним навстречу, но вооружиться правильными представлениями, помогающими жить в согласии с божественным Логосом. Именно неправильные представления мешают человеку повиноваться собственному разуму, а не мнениям толпы.

Идеи стоиков способны освободить человека от погони за мнимыми благами и воспитать мужество в перенесении страданий. Римский философ Сенека начинает свое письмо к брату Галлиону со следующего утверждения: «Все люди хотят жить счастливо, брат мой Галлион, но они смутно представляют себе, в чем заключается счастливая жизнь» [Сенека Л.А., 1995,

с. 167]. Античный мыслитель разоблачает общепринятое мнение о том, что обретение счастья доступно каждому и не требует от человека напряженной работы над самим собой. Само стремление к счастью объединяет всех людей, однако представления о том, как его достичь, являются источником как внутреннего разлада, так и разногласий с другими людьми.

В работе «О счастливой жизни» Сенека провозглашает тезис, определяющий доминирующую идею всех стоиков: «...счастлив тот, кто способен правильно рассуждать» [Сенека Л.А., 1995, с. 172]. Именно разум как определенная система представлений выступает в учении стоиков гарантом стойкости духа и радостного принятия любых испытаний судьбы. Философы этого направления обещают своим ученикам «веселость, несмотря на приближение смерти, мужество и радость, несмотря на состояние тела, силу, несмотря на бессилие» [Сенека Л.А., 2020, с. 88]. Однако для обретения всех перечисленных добродетелей и формирования иммунитета от страстей и страданий необходимо не только изменить весь строй мышления, но и подчинить ему свой образ жизни.

Ключ к счастью находится внутри самого человека, поэтому опыт самопознания играет определяющую роль в философии стоиков. Как замечает Эпиктет, и потеря, и спасение заключены внутри нас самих. Рефреном на протяжении всей книги Эпиктета звучит мысль: «...мы и не знаем, кто мы такие» [Эпиктет, 2022, с. 107]. А что иное, как не философия, способно приблизить человека к пониманию самого себя? Первым же шагом на пути к самопознанию является признание собственного несовершенства и необходимости исцеления от пороков души. В этом смысле у философии и медицины общие задачи: «Пусты слова того философа, которыми не врачуетсЯ никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души» [Эпикур, 2023, с. 169]. Эпиктет по-своему развивает идею о сходстве философии и медицины: «Школа философа, люди, это лечебница. Выходить оттуда должны не удовольствие испытав, но боль» [Эпиктет, 2022, с. 263]. Для того, чтобы понять отношение стоиков к опыту боли и страдания, необходимо затронуть не только их этическое учение, но и раскрыть

представление о структуре философского знания в целом.

Основатель школы стоиков Зенон из Китиона первым разделил философское учение на три части: логику, физику и этику, при этом вершинное положение в этой структуре сам Зенон отводил логике, а не этике. В.В. Сапов акцентирует внимание на этом выборе Зенона: «На первый взгляд такая иерархия наук может показаться странной: ведь всем известно, что именно этика представляет собой то центральное ядро их учения, которое вот уже больше двух тысяч лет привлекает к себе внимание и “обычных” читателей, и профессионалов» [Сапов В.В., 1995, с. 7]. Смещение акцентов с логической стороны учения на этическую составляющую происходит в более поздний период развития стоицизма, известный как римский стоицизм. Общим же моментом, объединяющим греческий и римский стоицизм, является утверждение целостности философского знания и неразрывного единства логики, физики и этики.

Диоген Лаэртский осуществляет максимально полный обзор тех метафор, которыми стоики сопровождали свой анализ философской структуры: «Философия, указывают они, подобна живому существу, и логику можно сравнить с костями и жилами, этику — с мясистыми частями, физику — с душой. Подобна она и яйцу, скорлупа которого — логика, белок — этика, желток — физика; или плодоносному полю, ограда вокруг которого — логика, урожай — этика, а земля и деревья — физика; или городу, вокруг которого крепкие стены, и правит которым разум» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 281]. Именно разум как универсальный закон мироздания, как принцип единства мирового порядка объединяет логику, физику и этику в единое целое: «На знамени стоицизма значился Разум, универсальный разум, или Логос, как мировой принцип, зиждущий вселенную, и как принцип истинного знания и истинного человеческого поведения» [Трубецкой С.Н., 1994, с. 81].

Вселенная у стоиков представляет собой живой организм, все части которого разумно согласованы друг с другом, поэтому судьба человека не может быть понята вне связи с мировым Логосом. Эпиктет развивает эту мысль о включенности человека в единое космическое пространство следующим образом: «Ведь что такое человек? Частица града, прежде всего со-

стоящего из богов и людей, а затем — называемого так по ближайшему сходству, который есть некое крохотное подобие вселенского града» [Эпиктет, 2022, с. 105].

Сознание единства своей и мировой судьбы помогает стоику преодолеть страх смерти и смириться с неизбежностью страданий. Достижение счастья как полного отсутствия страданий едва ли достижимо в земной жизни, однако способность преодолевать жизненные невзгоды, по убеждению Эпиктета, находится во власти человека и напрямую зависит от понимания и принятия неотвратимости смерти: «Я ведь не вечность, а человек, частица всей совокупности, как час — дня. Я должен настать, как час, и пройти, как час. Так какая же мне разница, как я пройду, утонув ли в море или сгорев в лихорадке?» [Эпиктет, 2022, с. 103]. Следование закону мироздания дает человеку мудрость смирения перед необходимостью и наполняет душу чувством благодарности за все, ниспосланное судьбой. Согласно примеру Эпиктета, человек, терпящий кораблекрушение, не в силах одержать победу над стихией, но в силах достойно встретить смерть: «Я делаю только то, что могу: тону без страха, без крика, не виня бога, не зная, что рожденное должно и погибнуть» [Эпиктет, 2022, с. 103].

Причина страданий, по убеждению стоиков, может заключаться как в непонимании закона мироздания, так и в нарушении внутреннего строя души. Для счастья необходимо не только осознать свою включенность в единый мировой порядок, но и выстроить этот порядок в собственной душе. Краеугольный принцип стоиков «жить согласно природе» подразумевает не безраздельное господство естественных склонностей над умом человека, а подчинение влечений души разуму.

Выше мы раскрыли единство физики и этики через понятие Логоса как универсального закона мироздания, теперь же перейдем к рассмотрению связи логики и этики. Логическую часть стоики разделяют на риторику и диалектику, подразумевая под диалектикой науку правильно спорить при помощи рассуждений в форме вопросов и ответов. Необходимость владения диалектическим искусством Диоген Лаэртский объясняет так: «Без изучения диалектики мудрец не может быть непогрешим в рассуждении: это она дает распознавать истин-

ное и ложное, различать достоверное и двусмысленное, а без этого невозможны последовательные вопросы и ответы» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 283]. Признавая полезность логики в деле обнаружения истины, римские стоики при этом не наделяют ее абсолютной значимостью. Важно подчеркнуть, что поздние стоики настаивают на утверждении лишь инструментальной функции логики, не освобождающей человека от обязанности совершенствовать себя при помощи правильных убеждений. Так, Сенека выступает против тех ученых мужей, которые умеют ловко сводить силлогизмы к схемам, но не властны над пороками собственной души: «Кто приобрел знания и понял, что следует делать и чего избегать, тот еще не мудрец, если его душа не преобразилась в соответствии с выученным» [Сенека Л.А., 2020, с. 380].

Будучи блестящим оратором, прекрасно владеющим всеми логическими приемами, Сенека изнутри критикует логическое учение стоиков. Задача Сенеки — убедить Луцилия в том, что даже виртуозное искусство обнаружения софизмов и паралогизмов не способно сделать человека счастливым. Философ признает важность логики в раскрытии различных технологий манипуляции, однако указывает на беспомощность логического знания в деле нравственного преображения человеческой души. В частности, философ разбирает умозаключение Зенона, изобличающее порок пьянства: «Пьяному никто не доверит ничего тайного; человеку добра тайны доверяют, значит, человек добра не бывает пьян» [Сенека Л.А., 2020, с. 285]. Осуществим логический анализ данного рассуждения. Приведенный выше силлогизм, построенный в согласии с модусом *Cesare*, формально отвечает обоим правилам второй фигуры простого категорического силлогизма: 1) одна из посылок должна быть отрицательным суждением; 2) большая посылка должна быть общим суждением. Однако лишь формальное соблюдение логических канонов делает это умозаключение чрезвычайно уязвимым для критики.

Сенека анализирует пример, как легко можно привести этот силлогизм к абсурду: «Спящему никто не доверит ничего тайного; человеку добра тайны доверяют, значит, человек добра не спит» [Сенека Л.А., 2020, с. 285]. Посидоний, желая защитить Зенона, указывает на

два значения, в которых используется слово «пьяный»: 1) кто не в себе от выпитого сверх меры и 2) кто всегда напивается и совершенно не властен над этим пороком. Согласно Сенеке, Зенон сам «двусмысленностью искал возможность подвоха, — а этого нельзя делать, если ищешь истину» [Сенека Л.А., 2020, с. 286]. Сенека находит причину зыбкости анализируемого силлогизма в ложности тезиса, будто бы пьяному не доверяют никаких секретов. В целом, разбирая различные логические уловки, Сенека задает вопрос, обнажающий несамодостаточность логического знания: «Со вчерашнего дня меня занимает мысль, ради чего это самые разумные мужи подыскивали для важнейших вещей пустые и путанные доказательства, которые при всей их истинности, так похожи на ложь» [Сенека Л.А., 2020, с. 285].

Сенека анализирует разнообразные примеры логической аргументации стоиков с целью доказать всего лишь методологическую значимость логического инструментария и необходимость поиска иных путей, убеждающих в заботе о чистоте души. Для нашего исследования, посвященного теме страдания, будет интересно рассмотреть под углом критики следующее умозаключение: «Беда — это то, что вредит; вредить — значит делать хуже; но страдание и бедность не делают нас хуже, следовательно, это не беды» [Сенека Л.А., 2020, с. 300–301]. Перед нами сокращенный полисиллогизм, именуемый в логике термином сорит. Сам Сенека опускает подробный разбор логической структуры этого сорита, однако мы восстановим пропущенные звенья исходного умозаключения. Если поменять местами большую и меньшую посылки просиллогизма, то мы распознаем модус *Barbara* первой фигуры, а при восстановлении пропущенного промежуточного вывода «Беда делает нас хуже» вскрыется модус *Camestres* второй фигуры, образующий эписиллогизм. Почему Сенека не углубляется в детализированное исследование логического каркаса данного умозаключения? Ученый заверяет Луцилия в том, что не получает никакого удовольствия от умения высвечивать формальную структуру силлогизмов и приводить их к просчитываемым схемам, однако охотно обсуждает содержательную сторону умозаключения.

Перипатетики, стремясь опровергнуть приведенное выше рассуждение, выдвигают такой

аргумент: «...не всегда вредить значит делать хуже. Буря и непогода вредят кормчему, но не делают его хуже» [Сенека Л.А., 2020, с. 301]. Стоики на это возражают, что буря вредит не искусству кормчего, а лишь его делу, состоящему в приведении корабля к намеченной цели. Непогода, напротив, выявляет истинное мастерство кормчего, ведь в случае затишья с управлением кораблем может справиться любой. Тогда перипатетики, продолжая развивать свое сравнение между кормчим и мудрецом, выдвигают новый тезис: «Значит, и мудреца делают хуже бедность, страдание и прочее в этом роде: они не отнимают у него добродетели, но делу его мешают» [Сенека Л.А., 2020, с. 301]. Сенека не принимает этот тезис, обосновывая свое несогласие с данной позицией установлением различий между искусством кормчего и мудреца. Подобно тому, как врачебное искусство направлено на исцеление других, искусство кормчего подчинено внешней цели: обеспечить безопасную дорогу путешественникам. Мудрость же преобразует не только тех людей, к которым направляет свою речь мудрец, но и самого человека, обладающего знанием первопричин и первоначал бытия. Поэтому можно навредить кормчему, мастерство которого подчинено внешнему заказу, но нельзя навредить мудрецу, чье дело состоит в совершенствовании внутреннего строя души: «...тут бессильны и бедность, и страдание, и остальные жизненные бури» [Сенека Л.А., 2020, с. 302].

Сенека сравнивает мудреца с укротителем диких зверей, только вместо свирепых хищников в подчинении у мудреца оказываются людские страсти и всевозможные жизненные невзгоды. Искусство мудреца заключается в способности усмирять беды: «И страдание, и нищета, и поношение, и темница, и изгнание, повсюду внушающие ужас, едва попадают к нему, становятся кроткими» [Сенека Л.А., 2020, с. 303]. В чем же кроется секрет стоической мудрости?

Разгадка феномена стоического мужества и бесстрашия лежит в понимании их отношения к страданиям. Общим для всех римских стоиков является утверждение неразрывной связи между нашими убеждениями и способностью выдерживать удары судьбы. Эпиктет так формулирует основную причину людских несчастий:

«...настоящее горе наше происходит не от того, что случается с нами, а от того, что мы неразумно думаем о случившемся» [Эпиктет, 1995, с. 216]. В интерпретации Сенеки идея укорененности наших бед в собственном мышлении выражена следующим тезисом: «...горек не сам урон, а мнение о нем» [Сенека Л.А., 2020, с. 116]. Марк Аврелий, следуя идеям своих предшественников, также усматривает истоки страданий в наших представлениях о них: «Если ты огорчаешься по поводу чего-либо внешнего, то угнетает тебя не сама эта вещь, а твое суждение о ней. Но устранить последнее — в твоей власти» [Марк Аврелий, 1995, с. 330]. По убеждению стоиков, достижение счастья невозможно без осознания себя «больным» и последующего освобождения от ложных суждений. Какие же представления, с точки зрения стоиков, обладают целительной силой и составляют основу их «терапевтической программы»?

Так, необходимо разграничить все явления на те, которые зависят от нас, и те, которые не зависят от нас. Согласно завету Эпиктета, в отношении вещей, не зависящих от свободы воли, нужно проявлять смелую уверенность, а в отношении вещей, зависящих от свободы воли, — осмотрительность. Весь вопрос в том, как определить, что в нашей власти, а что вне нашей власти? Связывая свое счастье с вещами преходящими, такими как богатство, успех, слава, человек сам обрекает себя на страдания, ибо удерживать эти дары фортуны не в его силах. Человек, стремящийся сохранить внешние блага любой ценой, ничем не отличается от больного, страдающего лихорадкой или другим телесным недугом: «Когда человек желает того, что ему не дано, и отвращается от того, чего он избежать не может, то у него желания не в порядке: он болен расстройством желаний точно так же, как люди бывают больны расстройством желудка или печени» [Эпиктет, 1995, с. 212].

Согласно Эпиктету, человек должен научиться желать того, чего желает бог. Обретение высшей гармонии требует усвоения следующего принципа: «Благо — это, конечно, добродетели и все причастное им, зло — это пороки и все причастное пороку, а безразличное — это все что между ними: богатство, здоровье, жизнь, смерть, удовольствие, страдание» [Эпиктет, 2022, с. 156]. В том, что касается разграничения блага и зла, стоики не утверждают

ничего революционного, а вот трактовка категории безразличного вызывает немало споров. Тезис о том, что ни красота, ни здоровье не зависят от нас, и вовсе кажется чуждым современному мировоззрению. Так почему же Эпиктет относит к вещам безразличным все то, чего люди боятся больше всего: изгнание, тюрьму, пытки, смерть? Согласно логике философа, ничто из перечисленного выше не зависит от нашей свободы воли, а потому не может навредить нашему душевному строю. Высшее благо в учении стоиков — это добродетель, а ее сохранение находится всецело во власти человека. Различные удары судьбы не только не способны навредить добродетельному человеку, но и должны расцениваться им как прекрасный случай проявить свои внутренние достоинства. Телесные страдания не являются преградой к достижению счастья, а напротив, закаляют дух в борьбе с жизненными испытаниями: «...даже терпящий сильную и непрерывную боль может не быть несчастным и даже быть блаженным...» [Сенека Л.А., 2020, с. 359].

Отдельного рассмотрения заслуживает отношение стоиков к смерти. Эпиктет утверждает, что ни страданий, ни смерти нельзя избежать, т.к. они предопределены самой природой. Неотвратимость смерти должна помочь человеку осознать свое назначение и успеть раскрыть свою природу в отведенное судьбой время. Эпиктет усиливает эту идею через сравнение между смертью человека и гибелью колоса: «А никогда не быть сжатыми это для колосьев — проклятье. Знайте, что вот так же и для людей не умереть — проклятье. Это все равно что не созреть, не быть сжатыми» [Эпиктет, 2022, с. 107].

Понимание конечности человеческого бытия обладает созидательным смыслом для человека, спешащего осуществить себя как нравственное произведение искусства. Незримое присутствие смерти в повседневности обостряет ценность каждого мгновения жизни. Так, лейтмотивом всех размышлений Марка Аврелия выступает следующий принцип: «Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним» [Марк Аврелий, 1995, с. 279].

Еще основатель Стои, Зенон Китийский, стремясь освободить человека от страха смерти, предложил следующее умозаключение: «Зло не

может быть славным, смерть бывает славной, значит, смерть не есть зло» [Сенека Л.А., 2020, с. 278]. Сенека довольно иронично отзывается о способности данного силлогизма избавить в реальности от страха смерти. Согласно Сенеке, не сама смерть является славной, а мужество в ее принятии. И страдания, и смерть приобретают этическую окрашенность только благодаря сочетанию с добродетелью: «Все это само по себе не может быть ни честным, ни славным; но к чему приблизилась и прикоснулась добродетель, то она делает и честным, и славным» [Сенека Л.А., 2020, с. 279].

Особую роль в достижении счастья и воспитании мудрого отношения к страданиям играет искусство жить в настоящем, не жалея о прошлом и не боясь будущего. Сенека, желая научить Луцилия «не быть несчастным прежде времени», анализирует интересную особенность человеческой природы: «Многое мучит нас больше, чем нужно, многое прежде, чем нужно, многое — вопреки тому, что мучиться им вовсе не нужно. Мы либо сами увеличиваем свои страдания, либо выдумываем их, либо предвосхищаем» [Сенека Л.А., 2020, с. 33]. В основе этого любопытного феномена лежит способность воображения доставлять человеку гораздо больше страданий, чем действительность. Прекрасно раскрывая перед Луцилием тезис о том, что вымышленное нередко тревожит нас сильнее, нежели реальность, философ предлагает стратегию освобождения от страха будущих страданий: «Даже если нам предстоит страдание, что пользы бежать ему навстречу? Когда оно придет, ты сразу начнешь страдать, а покуда рассчитывай на лучшее» [Сенека Л.А., 2020, с. 34]. И вновь на помощь Сенека призывает разум, убеждая своего собеседника не тревожить себя напрасными страхами раньше времени: «Но ведь если бояться всего, что может случиться, то незачем нам и жить, и горестям нашим не будет предела. Тут пусть поможет тебе рассудительность...» [Сенека Л.А., 2020, с. 35].

Вера в спасительную силу разума, равно как и стремление к созданию целостной, внутренне непротиворечивой системы взглядов на мир, не освобождает философию стоиков от ряда парадоксов. Некоторые положения стоической этики и вовсе вызывают внутренний протест, т.к. противоречат не только привычному способу мысли, но и кажутся противоестественными.

Трудно удержаться от критики, читая следующие строки: «Какое зло в том, если, целуя дитя, пришептывать: “Завтра ты умрешь”...» [Эпиктет, 2022, с. 277]. Безразличие к смерти, проповедуемое стоиками, достигает абсурда, когда речь заходит не о формировании бесстрашия перед собственной кончиной, а о восхвалении равнодушия к утрате наших близких: «Мудрого не удручает утрата детей или друзей: он с тем же спокойствием переносит их смерть, с каким ждет своей, и как своей смерти он не боится, так о смерти близких не горюет» [Сенека Л.А., 2020, с. 234–235].

Готовность к любым поворотам судьбы, воспитываемая стоиками, безусловно, составляет внутреннюю ценность личности, однако едва ли воплотима в жизнь следующая максима Эпиктета: «Человек, в тюрьму ты должен отправляться радуясь, спеша, опережая уведоляющих тебя» [Эпиктет, 2022, с. 275]. За этими словами Эпиктета стоит убежденность в способности человеческого разума даровать спасение от страхов. Согласно философу, бояться нужно вовсе не смерти и страданий, а неуправляемого страха перед тем, что неизбежно ждет каждого человека. Идеал мудреца, свободного от страхов и мужественно переносящего все испытания судьбы, образует неотъемлемую часть стоической этики.

Неподверженность страстям, к которой должен стремиться мудрец, формирует не только культуру себя, но и чувство благодарности за все, ниспосланное свыше. Стоики исходят из тезиса: «Чем ближе к бесстрастию, тем ближе к силе» [Марк Аврелий, 1995, с. 355]. Сила духа проявляется в отношении человека к страданиям. Мудрец и в тюрьме не сокрушается: «О горе мне!» или «Несчастный я!», — а смиренно принимает волю бога, благодаря за все те дары, которые были даны ему, хоть и на время. Поэтому мы не согласны с Николаем Гартманом в следующей оценке стоиков: «Именно “автаркия мудреца”, которой ничего уже не нужно, есть его отвержение, пустое самолюбование в отказе. Добродетель стоиков оборачивается неблагодарностью к жизни, миру, действительности» [Гартман Н., 2002, с. 150]. Напротив, стоики учат благодарить за каждое мгновение жизни и не роптать на судьбу из-за потери каких-то благ: «Человек, не будь неблагодарным за это, да и не будь

непомнящим о лучшем, чем это. За зрение и слух, клянусь Зевсом, за самую жизнь и все содействующее ей, за сухие плоды, за вино, за оливковое масло будь благодарен богу» [Эпиктет, 2022, с. 175].

Список литературы

Адо П. Размышления о понятии «культуры себя» // Адо П. Духовные упражнения и античная философия: пер. с фр. М.; СПб.: Степной ветер: Коло, 2005. С. 299–309.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 269 с.

Гаджикурбанова П.А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. 2009. Вып. 9. С. 27–42.

Гартман Н. Этика / пер. с нем. А.Б. Глаголева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1979. 622 с.

Марк Аврелий. Наедине с собой: Размышления / пер. с древнегреч. С.М. Роговина // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 271–363.

Сапов В.В. О стоиках и стоицизме // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 5–12.

Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с лат. С.А. Ошерова. М.: АСТ, 2020. 640 с.

Сенека Л.А. О гневе // Сенека Л.А. Философские трактаты / пер. с лат. Т.Ю. Бородай. СПб.: Алетейя, 2001. С. 103–179.

Сенека Л.А. О счастливой жизни / пер. с лат. С.Ц. Янушевского // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 167–192.

Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: Ками Групп, 1995. 448 с.

Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Мысль, 1994. 816 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева и др. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе / пер. с фр. Т.Н. Титовой, О.И. Хомя. Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

Эпиктет. Беседы / пер. с древнегреч. Г.А. Тароняна, В.А. Алексеева. М.: АСТ, 2022. 480 с.

Эпиктет. В чем наше благо? / пер. с древнегреч. В.Г. Черткова // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий / вступ. ст., сост. В.В. Сапова. М.: Республика, 1995. С. 205–251.

Эпикур. Главные мысли / пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова и др. М.: АСТ, 2023. 224 с.

Sherman N. What Pop Stoicism Misses About Philosophy // The New York Times. 2021. May 15. Section A. P. 19. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/14/opinion/stoics-self-help.html?ysclid=m49n06mk26919619451> (accessed: 04.12.2024).

References

Baudrillard, J. (2006). *Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The consumer society: Myths and structures]. Moscow: Respublika Publ., Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 269 p.

Diogenes Laertius. (1979). *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [The lives and opinions of eminent philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., 622 p.

Epictetus. (1995). [What is our good?]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost. V.V. Sapov* [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 205–251.

Epictetus. (2022). *Besedy* [The discourses]. Moscow: AST Publ., 480 p.

Epicurus. (2023). *Glavnye mysli* [Fundamental propositions]. Moscow: AST Publ., 224 p.

Foucault, M. (1998). *Istoriya seksual'nosti – III: Zabota o sebe* [The history of sexuality. Vol. 3: The care of the self]. Kyiv: Dukh i litera Publ., Grunt Publ. Moscow: Refl-Buk Publ., 288 p.

Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah smysla* [Man's search for ultimate meaning]. Moscow: Progress Publ., 368 p.

Gadzhikurbanova, P.A. (2009). [«Spiritual exercises» or «The care of the self» (the stoic ethics in the interpretation by P. Hadot and M. Foucault)]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought]. Iss. 9, pp. 27–42.

Hadot, P. (2005). [Reflections on the idea of the «cultivation of the self»]. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercises and ancient philosophy]. Moscow, St. Petersburg: Steпноy veter Publ., Kolo Publ., pp. 299–309.

Hartmann, N. (2002). *Etika* [Ethics]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 708 p.

Marcus Aurelius. (1995). [Meditations]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost.*

V.V. Sapov [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 271–363.

Sapov, V.V. (1995). [About stoics and stoicism]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost. V.V. Sapov* [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 5–12.

Seneca, Lucius Annaeus (1995). [On the happy life]. *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy, sost. V.V. Sapov* [V.V. Sapov (ed.) The roman stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius]. Moscow: Respublika Publ., pp. 167–192.

Seneca, Lucius Annaeus (2001). [On anger]. *Seneka Lutsiy Anney. Filosofskie traktaty* [Seneca

Lucius Annaeus. Philosophical works].

St. Petersburg: Aleteyya Publ., pp. 103–179.

Seneca, Lucius Annaeus (2020). *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu* [Moral letters to Lucilius]. Moscow: AST Publ., 640 p.

Sherman, N. (2021). What pop stoicism misses about philosophy. *The New York Times*. May 15. Section A, pp. 19. Available at: <https://www.nytimes.com/2021/05/14/opinion/stoics-self-help.html?ysclid=m49n06mk26919619451> (accessed 04.12.2024).

Stolyarov, A.A. (1995). *Stoya i stoitsizm* [Stoa and stoicism]. Moscow: Kami Group Publ., 448 p.

Trubetskoy, S.N. (1994). *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., 816 p.

Об авторе

Королькова Анна Александровна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры педагогики, социальной работы
и гуманитарных дисциплин

Гатчинский государственный университет,
188300, Ленинградская обл., Гатчина,
ул. Роцинская, 5;
e-mail: korolkova-anya@yandex.ru
ResearcherID: LKJ-9870-2024

About the author

Anna A. Korolkova

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Social Work and Humanitarian Disciplines

Gatchina State University,
5, Roshchinskaya st., Gatchina, Leningrad region,
188300, Russia;
e-mail: korolkova-anya@yandex.ru
ResearcherID: LKJ-9870-2024

УДК 1(091)+141.32

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-28-37>

EDN: CLJEAV

Поступила: 01.11.2024

Принята: 27.01.2025

Опубликована: 10.04.2025

«ЛИЦО» И «МАСКА»: ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ И НЕПОДЛИННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФИИ Э. ЛЕВИНАСА)

Кропотина Лилия Евгеньевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Статья посвящена проблеме подлинности и неподлинности человеческого существования, рассмотренной через призму философии Другого Э. Левинаса в терминах лица и маски соответственно. Данный «этико-феноменологический ракурс» открывает новые перспективы в исследовании указанной проблемы и преодолевает этический субъектоцентризм, характерный для экзистенциализма в целом. Рассматриваются основные концепты онтологии субъекта Э. Левинаса — Самотождественность, онтологическая уязвимость субъекта, его «стихийный солипсизм», а также такой «глубокий феномен», как лик Другого. Этот феномен раскрывается в четырех ипостасях: 1) как выражение; 2) как абсолют; 3) как лик этический; 4) как след Бесконечного. В этой связи утверждается, что для подлинного существования нет ни масок со стороны субъекта (как в отношении его самого, так и в отношении Другого), ни масок со стороны Другого. Неподлинное существование, наоборот, связано с наличием маски как следствия самого способа бытия Самотождественного субъекта (с его «безвременностью», «телесностью» и «поглощением»): ее наличие выступает иллюзией, продиктованной «властным солипсическим рефлексом» субъекта и его онтологической уязвимостью к Другому. В таком случае маска (неподлинность) оказывается отношением субъекта к себе, миру и Другому, которое преодолевается только в разрыве Тотальности собственного сознания и этической встрече с ликом Другого. Делается вывод, что подлинность Другого, обнаруживаемая субъектом в его лике и этическом отношении к нему, определяет подлинность самого субъекта.

Ключевые слова: лицо, маска, Эммануэль Левинас, Мартин Хайдеггер, подлинность, неподлинность, Другой.

Для цитирования:

Кропотина Л.Е. «Лицо» и «маска»: проблема подлинности и неподлинности человеческого существования (на материале философии Э. Левинаса) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 28–37. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-28-37>. EDN: CLJEAV

«FACE» AND «MASK»: THE PROBLEM OF AUTHENTICITY AND INAUTHENTICITY OF HUMAN EXISTENCE (BASED ON THE PHILOSOPHY OF E. LEVINAS)

Lilia E. Kropotina

Perm State University (Perm)

The article deals with the problem of authenticity and inauthenticity of human existence considered through the prism of Emmanuel Levinas's philosophy of the Other — using the terms of the face and mask. This «ethical-and-phenomenological perspective» opens up new horizons in the study of this problem and overcomes ethical subject-centrism, characteristic of existentialism in general. The study looks at the main concepts of Levinas's ontology of the subject: Self-identity, ontological vulnerability of the subject, his «spontaneous solipsism», as well as such a «deep phenomenon» as the face of the Other. This phenomenon reveals itself in four guises: 1) as an expression; 2) as an absolute; 3) as an ethical face; 4) as a trace of the Infinite. It is argued that for genuine existence there are neither masks on the part of the subject (both in relation to himself and in relation to the Other) nor masks on the part of the Other. Inauthentic existence, on the contrary, is associated with the presence of a mask as a consequence of the very nature of being of a Self-identical subject (with his «timelessness», «physicality», and «enslavement»): the presence of a mask acts as an illusion dictated by the «imperious solipsistic reflex» of the subject and his ontological vulnerability to the Other. In this case, the mask (inauthenticity) turns out to be the subject's attitude toward himself, the world, and the Other, which is overcome only in the rupture of the Totality of his own consciousness and an ethical encounter with the face of the Other. It is concluded that the authenticity of the Other, revealed by the subject in the face of the Other and ethical attitude toward him, determines the authenticity of the subject himself.

Keywords: face, mask, Emmanuel Levinas, Martin Heidegger, authenticity, inauthenticity, the Other.

To cite:

Kropotina L.E. [«Face» and «mask»: the problem of authenticity and inauthenticity of human existence (based on the philosophy of E. Levinas)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 28–37 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-28-37>, EDN: CLJEAV

Введение

Проблема лица и маски — это преломление общепрофильской проблемы сущности и явления в плоскости человеческой экзистенции, т.е. проблемы подлинного и неподлинного существования. Решение этой проблемы невозможно без обращения к фигуре абсолютно Другого. Эта фигура занимает центральное место в философии Э. Левинаса. Другой, согласно философу, всегда предстает нам в своем *лице*, поэтому и о вопросе подлинности/неподлинности человека необходимо говорить в терминах лица и маски.

Целью данной статьи является анализ проблемы подлинного/неподлинного существования

человека через призму этих понятий — «лика» («лица») и «маски» соответственно. Это задает своеобразный «этико-феноменологический ракурс», который позволяет поставить вопрос следующим образом: как сквозь маску (искусственное, неподлинное) возможно прорваться к лицу Другого (смыслу, подлинному существованию) и, соответственно, обрести свое собственное лицо? Проблема, однако, в том, что сам мыслитель использует в качестве ключевого для своей философии только понятие «лика», но практически не использует понятие «маска»: последняя лишь имплицитно содержится в его философии. Поэтому в данной статье мы эксплицируем эти понятия и рассматриваем феномены

«лика» и «маски» в их диалектическом взаимодействии.

В связи с этой целью выделяются следующие задачи:

1) анализ феномена и понятия «лик» в онтологии Э. Левинаса;

2) определение специфики подлинности/неподлинности существования субъекта с точки зрения отношения («выхода») к Другому;

3) понимание своеобразной диалектической феноменологии «лика» и «маски» как проявления собственного бытия субъекта;

4) выработка на основе анализа «лика» Другого *авторской* точки зрения на проблему подлинности/неподлинности существования человека.

Анализ феноменов «лика» и «маски» в «этико-феноменологическом ракурсе» открывает новые перспективы в исследовании проблемы подлинного/неподлинного существования человека, и, по нашему мнению, позволяет преодолеть своеобразный субъектоцентризм, характерный для экзистенциализма в целом.

1. Онтология субъекта и лик Другого в философии Э. Левинаса

Проблема Другого раскрывается у Э. Левинаса в трех аспектах:

1. *Онтологический*. Другой выступает как условие бытия субъекта вообще, т.е. то, что лежит в самом фундаменте субъективности, и одновременно как то, что доводит его до полноты субъективности (подлинности). Самотождественный, прежде всякого наречения Другого в сознании, всегда уже есть «Иное-в-Тождественном», «взволнованность Тождественного Иным» [Левинас Э., 2006, с. 188]. Иными словами, сама субъективность у Э. Левинаса структурирована как «Иное-в-Тождественном», как изначальная «пассивность, которая пассивнее любой пассивности» и выше претерпевания. Через живую телесность субъект оказывается «открытым для Другого на принципиально нетеоретическом уровне: на уровне наслаждения или страдания» [Ямпольская А.В., 2011, с. 163]. Смысл подобной пассивности в том, что субъект не может не понимать выражение лика Другого, его боль: это — открытая вовне субъективность, обнаженная, уязвимая к Другому; некий «зазор», «надлом» в самой структуре субъективности. В этом смысле субъект предстает онтологически

уязвимым, травмированным, однако это такая «травмированность Благом», которая «не разрушает субъективность, а — благодаря ее ранимости, не-без-чувственности — пробуждает к подлинно человеческой жизни» [Ямпольская А.В., 2019, с. 42].

2. *Экзистенциальный*. Другой открывается мне в реальном, конкретном опыте жизни через феномены смерти, времени, ласки и лика (лица): нравственное, этическое бытие — это всегда живой опыт. Парадокс при этом заключается в том, что в таком живом опыте Другой может быть обнаружен только как отсутствующее. Он явлен только как нефеноменальное: «отсутствие Другого есть как раз его присутствие как Другого» [Левинас Э., 1998а, с. 103].

3. *Этический*. Другой является тем, асимметричным этическим отношением «лицом-к-лицу» (через ласку, речь, вину, ответственность и замену) к которому открывает доступ к измерению ценностей и смысла. Важно, что у Э. Левинаса речь всегда идет именно о моей вине и ответственности, а не о вине и ответственности любого и каждого человека. «От каждого один шаг до анонимности», — замечает И.С. Вдовина, поясняя данную мысль философа [Вдовина И.С., 2009, с. 231]. В этом смысле субъект парадоксальным образом становится незаменимым в своей «замене» («субституции», «подстановке»), т.е. в изначальной способности встать на место Другого, заменить его, чтобы ответить на его нужду. Этическое отношение с Другим, предполагающее изначальную вину, ответственность за всех и перед всеми (и даже за саму ответственность Другого), делает возможным самообнаружение субъекта: происходит индивидуация, когда «Я» становится не просто неким отдельным «Я», а обретает устойчивость, подлинную, «гетерогенную» самость — никто не может ответить на зов Другого ко мне вместо меня. Субъект индивидуализируется «не как тождественный самому себе, а как уникальный, единственный в своем роде»: как тот, к кому обращаются и в ком нуждаются [Ямпольская А.В., 2019, с. 43–44]. Другой обнаруживает меня для меня самого как в оспаривании моей (а не чьей-либо) власти, так и в его обращенности ко мне.

В связи с темой лица и маски уточним некоторые важные понятия философии Э. Левинаса. Во-первых, субъект у Э. Левинаса постоянно находится в становлении, в чередовании двух

условно выделяемых *фаз*: 1) «работа самоидентификации» «самодостаточного», Самотождественного («пред-субъекта») в процессе его частной жизни; 2) достижение субъектом полноты субъективности в его этическом «отношении» с Другим [Ямпольская А.В., 2011, с. 196]. *Субъект первой фазы* — это «эгоизм» и «атеизм» отделения, психика, Самотождественный, «Я», субъект телесный, «воплощенный», который трудится в мире и формирует свое «жилище». Это — «Я» практическое, живущее в мире и удовлетворяющее свои потребности. *Субъект второй фазы* — это субъект в его собственно человеческом существовании и «гетерогенной самости», незаменимый в своей «замене»; субъект в его полноте бытия, когда Другой через «отношение-без-отношения», «лицом-к-лицу» наполняет его жизнь бесконечным этическим смыслом и открывает доступ к измерению ценностей — «измерению выси». «Субъект — не онтологическая данность, но индивидуация или появление отделенной субъективности, ее самостояние — это этический процесс,» — заключает М.Н. Евстропов о связи онтологического и этического в философии Э. Левинаса [Евстропов М.Н., 2013, с. 68].

Во-вторых, фундаментальная установка Самотождественного по отношению к бытию — это, как пишет Э. Левинас, «питание», «поедание», понимаемое как поглощение Иного, «превращение Иного в Тожественное» вообще [Левинас Э., 2024b, с. 134]. Пред-субъект, вступая в повседневности в разнообразные отношения (использование, наслаждение, питание, объективное познание и т.д.) как с внешним, материальным миром, так и с самим собой («своим Иным» в актах рефлексии), неизбежно всегда вступает в отношения обладания: любое Иное¹

(доступное субъекту как актуально, так и потенциально — вроде звезд) поглощается, присваивается им, помещаясь в сферу Тожественного («у-себя») — сферу всех возможностей владения «Я» [Левинас Э., 2024b, с. 77]. Мне «принадлежит все не-мое в той мере, в которой я могу это не-мое помыслить» [Ямпольская А.В., 2019, с. 37]. В этой фундаментальной установке субъекта по отношению к бытию заключается сам способ существования субъекта первой фазы, т.е. механизм формирования собственной субъективности, утверждения себя как отдельного и самостоятельного субъекта.

В этом проявляется сама интенциональная природа сознания, которая делает абсолютную инаковость Иного относительной: это — его установка «по умолчанию» на некий «стихийный солипсизм». Э. Левинас пишет: «Солипсизм — это не софизм, не извращение, а само устройство разума, — не в силу “субъективности” согласуемых им ощущений, а в силу всеобщности знания, то есть беспредельности света, ни для чего не оставляющей возможности остаться вне него» [Левинас Э., 1998a, с. 59]. Так, «пред-субъект» вынужден вечно возвращаться к самому себе, не находя ничего, что было бы «не его»: ничего, что выходило бы за пределы сферы Тожественного — ничего, что было бы Иным. Этот «стихийный солипсизм» субъекта-монады может быть разорван только абсолютно Иным, т.е., в первую очередь, Другим субъектом.

Подобный замкнутый на себе в своей отделенности Самотождественный субъект — это неподлинное существование: он онтологически открыт Иному, но тем не менее не поворачивается к нему лицом, а «затушевывает» этот зазор, который должен быть признан в этическом отношении с Другим. Подобное неподлинное существование, однако, не осуждается Э. Левинасом: эта фаза жизненно необходима, чтобы субъект вообще мог вступить в этическое отношение. Однако единственно возможное подлинное существование человека — это этическое отношение с Другим в его лике.

Так, Другой в мире является нам в своем *лице-лике* — как уникальность, индивидуальность и радикальная инаковость. Лик — это не просто объект, не просто лицо человека с его глазами, носом, пористой кожей и т.д.; это не телесный, а смысловой феномен, который «постоянно раз-

¹ Согласно Э. Левинасу, Иное вообще (фр. «autre») — это любое внешнее по отношению к субъекту. Такое иное или «соглашается» на использование, поглощение субъекта, формируя тем самым его место обитания, сферу Самотождественного, или отказывает ему в этом. Однако этот внешний мир в целом может быть только «относительно Иным»: здесь Иное является иным только относительно субъекта (Тожественного). Иное и Самотождественный субъект вместе образуют своеобразную «систему», «целостность» или «Тотальность». В отличие от такого Относительного Иного, Радикальное Иное есть такое, которое ускользает от меня не случайно, а по самой своей сути. Это абсолютно Другой (фр. «Autrui»). Только Другой есть такое Иное, которое ставит под вопрос само «Я» и его спонтанность, преодолевая любые его конституирования.

рушает и превосходит предъявляемый мне пластический образ, выходит за его пределы, разрушая и адекватную идею, соразмерную моим представлениям и собственному *ideatum*» [Левинас Э., 2024b, с. 88].

Понятие лика у Э. Левинаса раскрывается в следующих аспектах:

1. *Лик как выражение*, трансцендирование, разрыв тотальности. Эпифания лика — в самом его «само-выражении», «языке», говорении как таковом: лик «говорит», его проявление — это уже речь [Левинас Э., 2024b, с. 100].

2. *Лик как абсолют*. Лик — это «значение без контекста», «означающее само по себе» [Левинас Э., 1998b, с. 167]. Он аконтекстуален, безотносителен, являет всю целостность своего содержания, а «выраженное присутствует при выражении, выражает само свое выражение» [Левинас Э., 2024a, с. 299]. Лик, говоря словами М.Н. Евстропова, есть «абсолютное выражение» [Евстропов М.Н., 2010]. При этом он не дает никакой скрытой информации о внутренней жизни Другого. В своей недоступности он в первую очередь выражает саму абсолютную инаковость Другого: лик — это не сам Другой, а «то, как мы его видим тогда, когда мы видим в другом человеке — Другого. Или, точнее, — то, что позволяет нам его увидеть как Другого» [Ямпольская А.В., 2011, с. 157]. Лик есть синоним Другого в его трансцендентности, сам способ его бытия.

3. *Этический лик*, т.е. лик как императив «не убий!», как исток речи, преодолевающей границы Самотождественного, а значит — исток и самой человечности, смысла, ценностей, т.е. всей человеческой культуры, разума, социальности вообще [Левинас Э., 2024b, с. 89].

4. *Лик как след Бесконечного*, т.е. «божественного» присутствия. Идея Бесконечности у Э. Левинаса «бесконечно» превосходит не только саму себя, но и «мои способности — не в количественном плане, но <...> ставя их под вопрос» [Левинас Э., 2024b, с. 201]. Иначе говоря, бесконечность для него это и есть Другой в своей абсолютной уникальности, единичности, индивидуальности, вне любой общности, социальной роли или «маски» (пол, возраст, профессия и т.д.). Сам его лик представляет «бесконечное», свидетельствует о «божественном»: «Бог» прошел уже давно, в незапамятном прошлом, которое никогда не было моим настоящим, но оставил в этом, казалось бы, бесчеловечном ми-

ре свой след [Сокулер З.А., 2016, с. 154]. Это «явленное отсутствие» есть сам лик Другого, вызывающий к человечности вообще.

Таким образом, лик — это кульминация учения Э. Левинаса. М.Н. Евстропов отмечает, что именно «категория» лица позволяет французскому философу сохранить инаковость Другого и, во-первых, избежать рассмотрения его по аналогии с «Я» как «субъекта», «личности», а во-вторых, противостоять безличности бытия-с-другими и другим формам онтологической «сопричастности» [Евстропов М.Н., 2011, с. 48]. Лик Другого — это чуть ли не единственное, что связывает Самотождественного субъекта с Бесконечностью Другого, а значит, и с этическим измерением ценностей, смысла.

2. Подлинное/неподлинное существование

Проблема «*подлинного/неподлинного существования человека*» — одна из важнейших в экзистенциализме. О подлинном и неподлинном существовании рассуждал еще С. Кьеркегор, относивший эстетическую и этическую стадии к неподлинному, а религиозную — к подлинному. Для М. Хайдеггера человек изначально начинает жизнь в неподлинном существовании среди *das Man* («люди»), где царит пустословие, двусмысленность, анонимность «так говорят» и «так делают», падение на уровень вещей. Другой у М. Хайдеггера — это всегда безличное *das Man*, т.е. некий «усредненный», «массовый» Другой «неизвестного рода», лишенный своей конкретности и уникальности. Анонимные Другие, «которые не суть нечто определенное и которые суть все, хотя не как сумма» — это «серединность», уравнивание, публичность, снятие ответственности, «облегчение», «постоянство» [Хайдеггер М., 2003, с. 151–152]. Так, погружение в повседневность *das Man* оказывается неподлинным способом бытия личности. М. Хайдеггер пишет: «Самость повседневного присутствия есть человеко-самость, которую мы отличаем от собственной, т.е. собственно взятой на себя самости. Как человеко-самость присутствие всегда рассеяно в людях и должно себя сперва найти» [Хайдеггер М., 2003, с. 153–154]. Подлинное существование человека — это только одиночество *Dasein* в его следовании зову бытия. Получается, по М. Хайдеггеру, обретение собственного лица-лика в бытии-с-другими невозможно: это всегда будут только маски.

В целом *неподлинное существование* — это такое существование, где человек отказывается от «своего» в пользу уже сформированного и навязанного ему усредненными Другими, в пользу слияния с анонимностью *das Man*, если говорить словами М. Хайдеггера, и утраты всех различий: здесь субъект существует или по аналогии с вещами, или по аналогии с Другим. *Подлинное* же существование в общем смысле есть именно «собственное», «личностное», т.е. такое существование, где человек действительно является самим собой. Так, Д.Ю. Дорофеев определяет подлинность как «способ существования, который способствует разворачиванию, обретению, актуализации своей личности», а неподлинность как «способ повседневного существования, который, наоборот, приводит к ее самоотчуждению и все большей потере» [Дорофеев Д.Ю., 2022, с. 136]. Если переводить все на язык Э. Левинаса, то подлинное существование — это *лицо* человека, причем как «телесное» (это показывает история маски и лица [Шатунова Т.М., 2015]), так и «метафизическое» (лик). Его противоположность — неподлинность как явление в *маске-личине*.

Для экзистенциализма в целом (в частности, для С. Кьеркегора, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра) характерно противопоставление индивида обществу, примат одиночества над отношениями с Другими, абсолютизация единичного, индивидуального и разрыв с родовым. Здесь Другой в непосредственном общении становится «препятствием» для субъекта в достижении им своей подлинности. Субъект изолируется и в этом одиночестве, погруженности в себя и ограниченности собой направляет свой взор на Бога, бытие и т.д.

Этическая феноменология Э. Левинаса выводит нас за пределы «Я» и бытия к Другому. Так, у Э. Левинаса условная «неподлинность» субъекта в его повседневном существовании связана не с изначальным сосуществованием с Другими, а, наоборот, с *замкнутостью* Самотождественного на себе. «Собственное», подлинное существование — это не столько «выход из-под власти общества» вообще, эгоистическая реализация «себя как себя», характерная для «первой фазы субъективности», сколько разрыв самой Тотальности бытия. Этот выход к самому себе реализуется только в этическом отношении, когда субъект оказывается способен взглянуть на лик Другого и обнаружить *его* подлинность.

Увидеть лик Другого за его «маской» — это задача *субъекта*. Иными словами, в повседневности мы видим огромное количество людей, но далеко не у каждого вообще замечаем его лицо, лик. В этом смысле люди, встречаемые нами в повседневности, оказываются анонимной массой, обладающей только масками. Однако это не означает, что мы, подобно М. Хайдеггеру, констатируем неподлинность Других в повседневности. «Маска», согласно французскому философу, надевается на Другого самим Самотождественным субъектом. Поэтому мы утверждаем, что *в действительности не существует ни масок со стороны субъекта (как в отношении его самого, так и в отношении Другого), ни масок со стороны Другого*.

3. Маски со стороны Самотождественного субъекта

Иными словами, маска (маскировка себя и Другого) есть следствие самого способа бытия Самотождественного. Это, на наш взгляд, связано со следующими моментами.

Во-первых, Самотождественный субъект *«безвременный»* (лишенный прошлого и будущего в своем одиноком «вечном настоящем»). Он подобен застывшей маске, которая в момент ее «надевания» дает возможность перевоплощения, перехода в новое бытие, освобождая от сковывающего прошлого ради свободы в настоящем.

Во-вторых, Самотождественный субъект *«телесный», материальный*. Иначе говоря, сам лик не существует без своей пластической формы-основы в виде «телесного» лица, а все, что эмпирически явлено, дает пространство для «о-своения», сознательного изменения, для манипуляции лицом как фасадом, видимой поверхностью. Макияж, тату, пластические операции — все это есть маскировка. «Процесс предъявления знаков на лицевой стороне взору Другого связан с процессом мифологизации: можно предъявить несуществующее или предъявить выборочно, стремясь к контролю за впечатлениями Другого» [Штайн О.А., 2023, с. 81].

В-третьих, его способ отношения к миру «по умолчанию» — это *«поглощение»*, включение Иного в свою Тотальность, где все становится застывшим в своей соотнесенности с другим. Так, конструируя свою маску, субъект становится прочным, устойчивым, самодостаточным, свободным.

Однако эти маски на деле неустойчивы. Маска субъекта прорывается им самим: я явлен себе изнутри, но не снаружи, а потому не могу удержать себя как внешний для меня застывший объект, себя как «Другого» для себя. «Даже если я конструирую образ себя, то результат не будет обладать убедительностью, так как я не перестаяю переживать себя изнутри. <...> В этом процессе самообъективации я не могу убедительно пережить себя включенным во внешне ограниченный, сплошь видимый и осязаемый предмет» [Штайн О.А., 2023, с. 94–95]. Я никогда не вижу своего лица как лица живого. Я дан себе только с помощью зеркала или на фотографии, однако здесь я доступен себе только как застывающий объект, но не как действительный субъект. В связи с этим «успешная маскировка» субъекта — это на деле лишь иллюзия для него же самого: только Другой человек видит мое лицо, меня как субъекта. В этом смысле, следуя мысли Э. Левинаса, строго говоря, мы вовсе не можем говорить о масках субъекта.

Подобные маски, конечно, «лучше сидят» на лице *Другого*, чем на моем лице, ведь я вижу его снаружи как соприродного внешнему миру. Однако лик Другого, что показывает сам Э. Левинас, в каждое мгновение прорывает свой же пластический образ, причем это происходит как против моей воли, так и против воли самого Другого. Лицо не может не выражать, а я не могу не воспринимать его выражение.

Иначе говоря, в контексте мысли Э. Левинаса, то, что является «маской», оказываются в действительности лишь *иллюзией* — результатом «властного солипсического рефлекса» субъекта, который связан с его онтологической уязвимостью к Другому. Стремление субъекта надевать маски понятно: если вспомнить Ж.-П. Сартра, они помогают нам противостоять объективирующему взгляду Другого. Однако у Ж.-П. Сартра ситуация выглядит именно так, потому что сам его субъект изначально есть «ничто»: у него не может быть никакой сущности и определенности, только существование. Сущность здесь выступает в негативном свете, как ограничение, однако такой субъект оказывается пуст [Сокулер З.А., 2016, с. 172–175]. Здесь Другой как бы постоянно надевает на меня маски, закрепляя меня против моей воли в моей чистой фактичности:

«Другой смотрит на меня и как таковой хранит секрет моего бытия; он знает, каков я есть; таким образом, глубокий смысл моего бытия находится вне меня, в отсутствии; другой закрылся от меня» [Сартр Ж.-П., 2004, с. 378].

Однако, в отличие от Э. Левинаса, где субъект, проделывающий «работу самоидентификации», «силен» в своей отделенности, этот своеобразный «страх» субъекта перед взглядом Другого можно объяснить и другим образом. На наш взгляд, субъект, подобно ситуации в архаическом ритуале [Штайн О.А., 2023, с. 3–26], надевает маску в страхе «сгореть» от того, что бесконечно превосходит его самого: перед светом сакрального, божественного, потустороннего левинасовского лика Другого. Маска субъекта — это в каком-то смысле сама фаза Самотождественной субъективности (т. е. первая фаза), самодостаточность которой иллюзорна. Она — в страхе перед обнаружением собственной изначальной травмированности иным, уязвимости к нему, открытости Другому в его боли; в страхе разрушения собственной иллюзорной самодостаточности; в страхе быть оспоренным, наткнувшись на то, что бесконечно превосходит саму мою «возможность мочь». Маска Самотождественности есть как бы застывшее в границах «у-себя» «Я»: временное пристанище неустойчивого, онтологически травмированного таинственной инаковостью субъекта, ищущего, тем не менее, полноты субъективности.

Так, если продолжать мысль Э. Левинаса, получается следующее. Анонимная масса *das Man* подобна вещам в своей безличности. Однако Другой, являясь в своем лике непосредственно, индивидуально, прорывая и «свой», и мои маски, не дает усомниться в том, что за его маской вообще кто-то есть. Другой есть «видящее видимое» — единственное внутримировое сущее, которое осмысленно отвечает на мой взгляд: здесь выражающий всегда присутствует при своем выражении. «Видимое» есть объект, «маска-личина», физическая форма, но «видящее» приходит со стороны лика, сущности, некоего метафизического содержания. Лик и личина «соединяются» в лице — самом выражении. И лицо, и маска-личина — явления, однако лицо имеет свою метафизическую основу — в этом его загадочная подлинность. Лицо — оно живое.

4. Маски со стороны Другого

В своем выражении Другой превосходит в первую очередь власть моего сознания над его лицом. Однако его лик сам по себе превосходит и возможные попытки *маскирования со стороны самого Другого*. Для пояснения этого тезиса вновь обратимся к идеям Э. Левинаса. Во-первых, манипуляции Другого своим «*телесным лицом*», изменения пластической формы не имеют силы перед бесконечностью самого его лика как абсолютного выражения, всегда прорывающего эту форму. Во-вторых, *ложь* Другого же невозможна, по мнению Э. Левинаса, потому что «ложь и истина уже предполагают абсолютную подлинность лица» [Левинас Э., 2024b, с. 206]. Скрывая, маска всегда косвенно, апофатически открывает: если маска скрывает, она уже должна скрывать нечто подлинное, быть надетой на «что-то» — на лицо. Само наличие маски говорит о наличии лица. Кроме того, сама избыточность маски, ее «остаток» в момент, когда «человек избыточно (сверх требований) начинает встраивать лицо в норму» [Штайн О.А., 2023, с. 151], апофатически, косвенно открывает человека в его индивидуальной «*нехватке*» и «*недостаточности*».

Так, не существует и масок Другого. Другой также не знает себя в своем выражении, а потому «сознательно» надетые маски невозможны: «его “сокровенная сущность” есть его “внешнее проявление”, навеки для него упущенное» [Евстропов М.Н., 2011, с. 46]. Это, на наш взгляд, вновь подчеркивает, что полнота субъективности возможна только в «замене» в этическом отношении к Другому: я вижу лицо Другого, в то время как он лишен этой возможности, поэтому я, и только я ответственен за него.

В контексте масок Другого важен также тот факт, что он, если следовать мысли Э. Левинаса, всегда является нам в различных *обликах* (Женщина-Возлюбленная, мой ребенок, учитель, мой господин, униженный и оскорбленный мученик). Однако, на наш взгляд, эти облики лишь в определенном смысле можно назвать масками-личинами. Облики Другого не есть маски-личины как проявления неподлинного существования: это скорее «ипостаси», стороны его единства. Каждый из этих обликов сам по себе не охватывает всей полноты данного феномена, и в этом смысле облики есть только частные,

неполные «открытия» самого явленного лика Другого. Это — ракурсы, аспекты, разные стороны одного-единого лика. Так, «диалектика» подлинного/неподлинного переходит уже внутрь сущности: перед светом сознания субъекта происходит маскировка самого лика Другого. Обозначенные стороны не полностью схватывают Другого, его лик, но полностью его и невозможного схватить. По сути, разделение единого лика Другого на несколько условных обликов в рамках учения Э. Левинаса — это также попытка субъекта (здесь — самого мыслителя) схватить Другого. Точнее, дать ему — принципиально несхватываемому и непознаваемому — хоть какое-то описание на языке философии. Другой в этом смысле скрывается, ускользает: вспомним здесь левинасовского Другого в облике Женщины-Возлюбленной [Левинас Э., 1998a, с. 92–98; Левинас Э., 2024b, с. 246–263] или сравнение его со смертью, абсолютно фактической и абсолютно таинственной одновременно [Левинас Э., 1998a, с. 74–79].

Заключение: маска и подлинное/неподлинное существование

Таким образом, мы утверждаем, что *маска всегда есть отношение субъекта к себе, миру и Другому — его «властный солипсический рефлекс», т.е. стремление субъекта к схватыванию и упорядочиванию в системе Тотальности*.

Маски Другого — это попытка субъекта схватить его, сделать так, чтобы он открылся. Однако в этом схватывании Другой открывает-ся нам только в своей неподлинности. Действительное снятие маски есть преодоление субъектом этого отношения в *этической встрече* с ликом Другого. Маска, по существу, это сама *дистанция* между Самоотжественным и Другим: мое видение Другого в его «маске» как усредненного и массового субъекта, как представителя той или иной социальной роли или обладателя тех или иных личностных качеств, есть сама моя отдаленность от него. Однако это — отдаленность не асимметричного этического отношения, обусловленного радикальной трансцендентностью Другого, а *избегание его лика*, абсолютная инаковость которого не может быть преобразована моим сознанием в относителную («помещена», так сказать, в систему Тотальности).

Маски, «надеваемые» субъектом на Другого, делают ограниченным, нецелостным, расщепленным, пустым, усредненным, массовым, безличным, т.е. неподлинным, *самого* субъекта. Видеть в Других всегда только маски-личины, но не лик — это проблема самого Самотождественного субъекта. Увидеть за масками, которые я сам надеваю на лицо Другого, его лик можно только в разрыве Тотальности *собственного* сознания, в обнаружении самого Другого в экзистенциальном опыте и, как следствие, в этическом отношении к нему как действительно Другому субъекту.

Таким образом, характерное для экзистенциализма понимание неподлинности как существования в повседневности и среди Других, преодолевается в философии Э. Левинаса. Понятие лика Другого задает «этико-феноменологический ракурс», который позволяет выйти за пределы Тотальности субъекта, но уже не к безличному бытию, как у других экзистенциалистов, а к *конкретному, живому* Другому. Этот же ракурс позволяет рассмотреть феномены лика и маски как подлинного и неподлинного существования человека соответственно. Другой, именно в силу «абсолютности выражения» своего лика, оказывается всегда существующим в своей подлинности, живости и «собственности», в то время как его «неподлинность» оказывается маской *самого* субъекта в его неподлинности. *Подлинность Другого, обнаруживаемая субъектом в его лике и этическом отношении к нему, обуславливает подлинность самого субъекта.*

Список литературы

- Вдовина И.С. Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
- Дорофеев Д.Ю. Философская антропология подлинного и неподлинного // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 3. С. 127–154. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-127-154>
- Евстропов М.Н. «Иное, чем бытие»: лицо в метафизике Эммануэля Левинаса. Часть I: Черты лица // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 342. С. 44–49.
- Евстропов М.Н. Теория субъективности Эммануэля Левинаса: между онтологией и этикой // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. № 15. С. 57–70.

Евстропов М.Н. Эммануэль Левинас: «Лицо» как абсолютное выражение // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 6. С. 101–106.

Левинас Э. Время и Другой // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 18–119.

Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 120–259.

Левинас Э. По-другому чем быть, или по ту сторону сущности / пер. с фр. И.В. Полещук // Путь к Другому: сб. ст. и перев., посвящ. 100-летию со дня рождения Э. Левинаса / под ред. Н.В. Голик и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 183–196.

Левинас Э. Ракурсы / пер. с фр. Н.Б. Маньковской // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 292–349.

Левинас Э. Тотальность и бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. С. 66–291.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2004. 640 с.

Сокулер З.А. Субъективность, язык и Другой: новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса. М.: Университетская книга, 2016. 240 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 510 с.

Шатунова Т.М. Эстетическая метафизика лица // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2, ч. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21560> (дата обращения: 16.12.2024). DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.129-21560>

Штайн О.А. Маска: стратегии идентичности. СПб.: Алетейя, 2023. 160 с.

Ямпольская А.В. Гетерогенность самости: проблематизация идентичности у позднего Левинаса // ESSE: Философские и теологические исследования. 2019. Т. 4, № 2. С. 34–47.

Ямпольская А.В. Эммануэль Левинас. Философия и биография. Киев: Дух і літера, 2011. 376 с.

References

- Dorofeev, D.Yu. (2022). [Philosophical anthropology of authentic and non-authentic]. *Filosofiya. Zhurnal*

nal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 6, no. 3, pp. 127–154. DOI: <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-3-127-154>

Evstropov, M.N. (2010). [Emmanuel Levinas: «Face» as an absolute expression]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. Vol. 317, no. 6, pp. 101–106.

Evstropov, M.N. (2011). [«Other than being»: Face in the metaphysics of Emmanuel Levinas. Part I: Features of face]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 342, pp. 44–49.

Evstropov, M.N. (2013). [Theory of subjectivity by Emmanuel Levinas: between ontology and ethics]. *Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*. [Thought: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society]. No. 15, pp. 57–70.

Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ., 510 p.

Levinas, E. (1998). [Humanism of the Other]. *Levinas E. Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Levinas E. Time and the Other. Humanism of the Other]. St. Petersburg: Vyshaya Religiozno-Filosofskaya Shkola Publ., pp. 120–259.

Levinas, E. (1998). [Time and the Other]. *Levinas E. Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Levinas E. Time and the Other. Humanism of the Other]. St. Petersburg: Vyshaya Religiozno-Filosofskaya Shkola Publ., pp. 18–119.

Levinas, E. (2006). [Otherwise than being: or beyond essence]. *Put' k Drugomu: sb. st. i perev., posvyashch. 100-letnyu so dnya rozhdeniya E. Levinasa* [Path to Another: collection of articles and translations dedicated to the 100th anniversary of the birth of E. Levinas]. St. Petersburg: SPbSU Publ., pp. 183–196.

Levinas, E. (2024). [Perspectives]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity]. Moscow,

St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 292–349.

Levinas, E. (2024). [Totality and infinity]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity]. Moscow, St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., pp. 66–291.

Sartre, J.-P. (2004). *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ., 640 p.

Shatunova, T.M. (2015). [Aesthetic metaphysics of the face]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. No. 2, part 2. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21560> (accessed 16.12.2024). DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.129-21560>

Sokuler, Z.A. (2016). *Sub'ektivnost', yazyk i Drugoy: novye puti i iskusheniya mysli, otkryvaemye ucheniem Emmanuelya Levinasa* [Subjectivity, language and other. New ways and temptations of thought opened by the teachings of Emmanuel Levinas]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ., 240 p.

Stain, O.A. (2023). *Maska: strategii identichnosti* [Mask: identity strategy]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 160 p.

Vdovina, I.S. (2009). *Fenomenologiya vo Frantsii (istoriko-filosofskie ocherki)* [Phenomenology in France (historical and philosophical essays)]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 400 p.

Yampol'skaya, A.V. (2011). *Emmanyuel' Levinas. Filosofiya i biografiya* [Emmanuel Levinas. Philosophy and biography]. Kiev: Dukh i litera Publ., 376 p.

Yampol'skaya, A.V. (2019). [Heterogeneity of self: the problematisation of identity in later Levinas]. *ESSE: Filosofskie i teologicheskie issledovaniya* [ESSE: Studies in Philosophy and Theology]. Vol. 4, no. 2, pp. 34–47.

Об авторе

Кропотина Лилия Евгеньевна
студентка направления «Философия»

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: 11lkr0403@gmail.com
ResearcherID: MVT-6498-2025

About the author

Lilia E. Kropotina
Philosophy Student

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: 11lkr0403@gmail.com
ResearcherID: MVT-6498-2025

УДК 101.1:316

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-38-51>

EDN: CZHFLP

Поступила: 19.03.2024

Принята: 15.01.2025

Опубликована: 10.04.2025

КАКИМ ОБРАЗОМ ВОЗМОЖНО КОЛЛЕКТИВНОЕ ЭКЗИСТИРОВАНИЕ СУБЪЕКТОВ МАССОВОЙ МУЗЫКИ

Квятковский Георгий Юрьевич

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Взрывное развитие массовой музыки во второй половине XX в. принято связывать с ростом популярности идей философов-экзистенциалистов (в первую очередь, Ж.П. Сартра и А. Камю), внесших в массовое сознание идеи бунта, подлинного существования, свободного выбора с последующей ответственностью за его результаты и конструирования сущности человека как результата его существования. Утверждение принципов подлинного человеческого существования как основания массового музыкального искусства оборачивается парадоксом совмещения экзистирования как самопознания конкретного субъекта и массового характера музыкального искусства, что заставляет рассмотреть гипотезы принципиальной возможности экзистирования масс. Эти гипотезы исходят из 1) всеобщности экзистенциальных переживаний, 2) запуска массового экзистенциального поиска как избыточного ответа на исторические и социокультурные процессы, 3) социализирующей природы экзистенциального переживания, 4) экзистенциального переживания как свойства определенного социально-психологического типа личности, 5) сопричастности экзистенций различных конкретных субъектов, утверждающей существование своего рода взаимного тяготения индивидов, открывших принципы подлинного существования. В процессе рассмотрения гипотез показано, что последняя содержит наименьшее количество допущений и провоцирует наименее парадоксальные выводы. Применительно к современной ситуации массовой музыки, рассмотренной на примере рок-музыки, она позволяет представить процессы художественной объективации экзистенциальных ценностей средствами рок-музыки как задачу и результат индивидуальной и коллективной человеческой деятельности, что позволяет расширить понятие субъекта производства и воспроизводства рок-музыки и уйти от традиционной героизации индивидуального субъекта, противопоставленного недружественному к нему миру, в сторону выявления отношений человека к миру, основанных на рациональных принципах, а также обосновывает современные диалогические содержательные формы массовой музыки, предназначенные для фиксации опыта субъективного переживания внешнего и внутреннего мира.

Ключевые слова: экзистенциализм, социальная философия, массовое искусство, рок-музыка, музыкальная индустрия, субъект рок-музыки, социальная коммуникация.

Для цитирования:

Квятковский Г.Ю. Каким образом возможно коллективное экзистирование субъектов массовой музыки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 38–51. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-38-51>. EDN: CZHFLP

WHAT MAKES POSSIBLE THE COLLECTIVE EXISTENCE OF THE SUBJECTS OF MASS MUSIC

Georgij Yu. Kwiatkowski

South Ural State University (national research university) (Chelyabinsk)

The explosive development of mass music in the second half of the 20th century is usually associated with the growing popularity of existentialist philosophers (first of all, J.P. Sartre and A. Camus), who introduced into the mass consciousness the ideas of rebellion, genuine existence, free choice with subsequent responsibility for its results, and the construction of the essence of man as a result of his existence. The assertion of the principles of genuine human existence as the basis of mass musical art turns into a paradox of combining existence as self-knowledge of a particular subject and the mass character of musical art, which forces us to consider hypotheses of the fundamental possibility of the existence of the masses. These hypotheses proceed from 1) the universal need for existential experiences, 2) the launch of a mass existential search as an excessive response to historical and sociocultural processes, 3) the socializing nature of existential experience, 4) existential experience as a property of a certain social-psychological type of personality, 5) the involvement of existences of various specific subjects, which asserts the existence of a kind of «mutual gravitation» of individuals who have discovered the principles of authentic existence. The paper shows that the last of the considered hypotheses contains the least number of assumptions and provokes the least paradoxical conclusions. As regards the modern situation of mass music, considered through the example of rock music, it allows us to present the processes of artistic objectification of existential values by means of rock music as a task and result of individual and collective human activity. This, first, makes it possible to expand the concept of the subject of production and reproduction of rock music and move away from the traditional glorification of an individual subject, opposed to an unfriendly world, toward the identification of human relations to the world based on rational principles; second, substantiates modern dialogical meaningful forms of mass music designed to capture the situations of subjective experiencing of the external and internal world.

Keywords: existential philosophy, social philosophy, mass art, rock music, music industry, subject of rock music, social communication.

To cite:

Kwiatkowski G.Yu. [What makes possible the collective existence of the subjects of mass music]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 38–51 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-38-51>, EDN: CZHFLP

Введение

Положение о том, что современное общество является массовым по своей природе, уже с начала XX в. является констатацией давно свершившегося факта. С предикатом «массовый» устойчиво употребляются понятия «средства коммуникации», «образование» и «производство», массовые политические движения изменяют конфигурации политических и социокультурных систем, массовая культура рас-

сматривается как автономная подсистема культуры — все говорит о том, что массовый характер культуры стал привычным и более не является источником проблематизации актуальной действительности, как минимум, для носителей обыденного сознания.

Нам представляется, что именно некритическое восприятие массового характера общества, производства, культуры ведет к укреплению мифологического мировоззрения. Так, исследователь процессов массового духовного произ-

водства и потребления обратит внимание на стереотипный характер производства и потребления, вызывающий в сознании образы «машин», «фабрики», «конвейера» (американский писатель Джон Сибрук в названии своей книги «Машина песен. Внутри фабрики хитов» [Сибрук Д., 2022] использует сразу два из них), но в то же время сможет заметить и явно выраженную альтернативу конвейерному производству и потреблению, декларируемую представителями рок-музыки, современной неоклассической музыки, некоторых пограничных направлений современной поп-музыки. Обычно в таких случаях исследователи массовой культуры занимают позицию на одном из полюсов данного противоречия, объявляя другой полюс средоточием всего ложного, неподлинного, иллюзорного, неплодотворного и т.д. — и, нужно признать, в обилии эмпирических фактов современной музыкальной жизни обеим позициям можно найти достаточное количество подтверждений. Однако здесь и будут крыться истоки мифологизации действительности — ибо массовая культура, утверждая идею стандартизации, единообразия, шаблонности, однозначности, тем не менее является культурой, т.е. так или иначе фокусирует в себе результаты многообразной человеческой деятельности, и подтверждение фактов, подкрепляющих одну из позиций, и игнорирование фактов, подкрепляющих другую позицию, ведет к формированию фрагментированных картин массовой культуры, искусственно провоцирует конфликтный характер взаимодействия их субъектов, придает метафизический статус конструктам и концептам. Обнаруженный нами и обсуждаемый далее пример из области современного массового музыкального искусства, с одной стороны, иллюстрирует бездумный характер перенесения «готовых суждений» обыденного сознания, с другой стороны, показывает необходимость критической рефлексии представлений о сущности и механизмах массовой музыкальной культуры.

Общим местом философских рассуждений о массовом искусстве становится функциональное самоопределение в системе общественных отношений. В этой оптике любой элемент системы искусства может быть помещен в искусственно созданные лабораторные условия массового бытования, трансформирующими его сущностные характеристики заранее заданным

образом — как об этом пишет В. Беньямин [Беньямин В., 1996], фактически отказывающий произведениям массового искусства в собственных бытийных характеристиках. Этот подход провоцирует построение социологизаторских конструкций, игнорирующих бытийный аспект массового искусства, переносящих внимание исследователя на специфические практики духовного производства и воспроизводства, сводящих многообразие его проявлений к отражению актуальных общественных отношений, своего рода тактическим реакциям подсистемы искусства на внешние и внутренние вызовы социетальной системы, вследствие чего массовое искусство выводится из поля эстетики и в целом философии, лишая специфические для него содержательные формы эстетических и философских оснований.

Вероятно, истоки этого подхода следует искать в работах Т.В. Адорно, для которого как для представителя неомарксистской философии и одновременно композитора Новой Венской школы массовое искусство является нижним слоем надстройки, возникающей над бытием в целом деградирующего современного общества, следовательно, применение к массовому искусству понятий эстетики (форма, содержание, жанр, стиль и т.д.) оказывается невозможным, поскольку эстетика является наукой о чувственном познании, результатом которого становится суждение о прекрасном, в то время как произведения массового искусства создаются и потребляются индустриальным способом, основываясь на всеобщем примитивном музыкальном опыте повседневной жизни и не попадают в область суждения вкуса [Adorno T.W., 1998].

Этот социологический взгляд на современное массовое искусство широко распространился во второй половине XX в., породив специфический нарратив о массовой музыке, типичным образцом которого является следующий фрагмент: «X родился в городе Y, самостоятельно освоил музыкальный инструмент, собрал группу A₁, записал альбом B₁, достигший в хит-параде места Z₁, после распада первой группы собрал новую группу A₂, записал альбом B₂, занявший в хит-параде место Z₂, затем группу A₃, записал альбом B₃, занявший в хит-параде место Z₃, после чего на вершине славы умер». Как можно видеть, этот нарратив

описывает музыку, не прибегая даже к упоминанию ее бытийной стороны, не касаясь специфических характеристик собственно музыки. Это описание музыки с преобладанием внемusыкального компонента чаще всего применяется для описания карьеры рок-исполнителей, и хотя сам Адорно не уделял внимания рок-музыке (что удивительным образом не совпадает с декларируемыми им исследовательскими установками), отдавая предпочтение современной неоклассической музыке (оцениваемой как последний бастион высокого искусства в современную эпоху) и джазу периода свинга (оцениваемому как типичный образец массового искусства, потакающий запросам невзыскательной массовой публики), его последователи адаптировали адорнианские приемы философского анализа произведения массового искусства к анализу рок-музыки, и в настоящее время их можно обнаружить в любой статье, посвященной рок-музыке, — от журнальной до энциклопедической и научной.

С рядом положений анализа массового искусства с позиции Т. Адорно можно согласиться: действительно, деятельность по производству и воспроизводству массовой музыки на современном этапе развития общества носит характер массового производства и регулируется в большей степени законами рынка и массовой психологии, чем развитием сферы чувственного познания и динамикой представлений о прекрасном и удивительном; внехудожественные факторы могут оказывать серьезное воздействие на форму и содержание произведений массового искусства; сообщества деятелей элитарного и массового музыкального искусства руководствуются зачастую зеркальными представлениями о том, как должно выглядеть идеальное произведение музыкального искусства и т.д. При этом нам представляются ошибочными игнорирование специфического бытия массового искусства и преувеличение значимости функционального компонента массового музыкального искусства в формировании представлений о его сущности — в этом мы солидарны с точкой зрения С.В. Юрловой, настаивающей на наличии собственных бытийных характеристик массовой культуры [Юрлова С.В., 2005], и это обстоятельство заставляет обратиться к альтернативным подходам к анализу массовой музыки.

Альтернативная адорнианской точка зрения, учитывающая характер производства и потребления произведения массового музыкального искусства, предлагает рассматривать творческую деятельность в области массовой музыки как реализацию определенной «философской программы». Так, в работах Н.А. Широковой современная джазовая музыка рассматривается в контексте философской программы постмодернизма, что позволяет исследователю увидеть уникальность содержательных форм, тематизма, стилистики, звукоизвлечения [Широкова Н.А., 2011]. В отношении интересующей нас рок-музыки такой «философской программой» чаще всего объявляется экзистенциализм, о влиянии которого на рок-музыку уже сказано достаточно: утверждения о тесной связи некоторых направлений массового искусства (например, поэзии битников, авангардной живописи, «театра жестокости», рок-музыки, фриджаза и др.) с идеями экзистенциальной философии является широко распространенным. Этот тезис существует в двух вариантах: слабая версия констатирует наличие связи между ними — без уточнения характера этой связи, сильная версия декларирует экзистенциальный характер оснований рок-музыки. И как раз здесь кроется противоречие, на разрешение которого направлена данная статья: являясь видом современного *массового* музыкального искусства, рок-музыка включена в систему массового производства, продукт которого универсален, стандартизирован и типизирован, в то время как экзистенциальный поиск индивидуального субъекта рок-музыки является процессом *индивидуально-конкретным*, и полученный в процессе переживания экзистенциальный опыт должен быть единичным и уникальным. Так, С. Кьеркегор в «Заключительном ненаучном послесловии к “Философским крохам”» обращает внимание на невозможность осмыслить экзистенцию конкретного человека в терминах абстрактной философии, например, гегельянской: «То, что составляет трудность экзистенции и экзистирующего индивида, никогда не выражается на языке абстракции» [Кьеркегор С., 2005, с. 326]. Язык чистого мышления ориентирован на схватывание непрерывности всего сущего, в то время как временность существования каждого отдельного человека оказывается помехой чистому мышлению; но

именно вопрос о смертности или бессмертии каждого отдельного человека предстает перед человеком с особенной остротой, поэтому для его решения следует отказаться от языка абстрактной философии. В отличие от Паскаля, утверждавшего, что «вечное безмолвие этих бесконечных пространств меня пугает» [Паскаль Б., 1995, с. 137], Кьеркегор утверждает, что этическое экзистирование придает жизни бесконечный интерес, удовлетворить который можно с помощью единственного метода — самонаблюдения. К. Ясперс утверждает, что собственность человека «неприкосновенное тесное пространство, которое определяет его принадлежность к общему пространству человеческой историчности <...> если он хочет свое бытие, он сразу же оказывается в состоянии напряжения между собственным бытием и подлинным самобытием» [Ясперс К., 1991, с. 323]. Сходная мысль выражается в работе «Философская вера» в еще большей определенности: «Подлинная ценность человека заключается не в роде или типе, к которому он приближается, а в исторически единичном человеке, который не может быть заменен и замещен. Ценность каждого отдельного человека только тогда будет неприкосновенной, когда конкретных людей перестанут рассматривать как взаимозаменяемый материал для формирования по всеобщей мерке» [Ясперс К., 1991, с. 453]. А. Камю в «Письмах немецкому другу» [Камю А., 1990] выступает от имени «я», обращаясь к «ним», при этом постоянно подчеркивая, что «я» и «они» — это позиции, выражаемые в процессе диалога конкретными людьми, без которых эти позиции не существуют. На конкретности и уникальности человеческой экзистенции настаивает и В. Франкл, который указывает, что «смысл — это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда “требование момента”, которое, однако, всегда адресовано конкретному человеку. И как неповторима каждая отдельная ситуация, так же уникален и каждый отдельный человек. Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл» [Франкл В., 1990, с. 39].

Таким образом, возникает исследовательский вопрос — каким образом возможны *экси-*

стенциальные основания феноменов *массового искусства*? В процессе поиска ответа на этот вопрос мы будем придерживаться следующей последовательности действий: сначала обратимся к обоснованию идеи экзистенциальных поисков в области массового искусства для проверки утверждения о наличии достаточной связи современного массового искусства с идеями экзистенциальной философии, затем рассмотрим гипотетические объяснения экзистенциального характера оснований массового искусства и контраргументы против этих гипотез, после чего сформулируем нашу версию ответа на поставленный вопрос.

Аргументация экзистенциального характера оснований феноменов массового искусства

В исследованиях массового музыкального искусства причудливо переплелись три исследовательских подхода. Первый из них, неомарксистский, оперирует идеями В. Бенямина и Т.В. Адорно, рассматривая массовое искусство как индустриализированный процесс массового производства и воспроизводства объективаций творческого труда, и если у В. Бенямина любое искусство может стать искусством для масс в процессе трансформации его *функций* в процессе его технического воспроизводства [Беньямин В., 1996], то Т.В. Адорно указывает на *инобытийный* характер массового искусства по отношению к классическому [Adorno T.W., 1998]. Этот подход успешно применяется в исследованиях институтов и индустрий производства музыкальной информации для описания механизмов производства и воспроизводства: так, Ю.В. Стракович описывает трансформации музыкальной индустрии в эпоху цифровой революции («цифролюции» [Стракович Ю.В., 2012]).

Второй подход основывается на идеях философии жизни, в его рамках и искусство, и жизнь выступают в роли симбиотических структур и процессов, взаимно определяя форму и содержание друг друга: так, жизнь, воспринятая как субъективно структурированный поток переживаний, создает специфические формы ее художественного постижения, реализуемые как в авангардном, так и в массовом искусстве, а непрерывный поток произведений массового искусства формирует нормативы индивидуальной и социальной жизни, маркирует

значимые ситуации, определяет содержание коммуникативных ситуаций и т.д. Представители этого подхода отождествляют автора и его лирического героя, рассматривают художественные тексты как свидетельства эмпирического опыта автора, используют конструирование и деконструкцию биографических мифов в процессе герменевтического анализа биографии как синтетического текста. Применяя данный подход, О.Э. Никитина анализирует биографические мифы российской рок-сцены [Никитина О.Э., 2011], И. Зинин и А. Горбачев реконструируют историю «потерянного поколения» рок-музыки 1990-х гг. [Горбачев А.В., Зинин И.В., 2014].

Третий подход, оформившийся в начале 2000-х гг., исходит из идей феноменологии Э. Гуссерля и исследует процессы и значения звука. Представители этого подхода (М. Долар, М. Шион, в меньшей степени — Д. Туп и А. Рясков) утверждают, что философское осмысление природы и трансформаций звука порождает новую отрасль философского знания — философию звука, относительно чего возможна широкая дискуссия: как философские основания их исследований, так и поднимаемые ими проблемы нуждаются в экспертизе профессионального философского сообщества (при том, что проведенные ими исследования имеют высокую прикладную значимость). В содержательной части их исследований находится трансформированный тезис Г.М. Маклюэна о том, что изменение способа фиксации звука с аналогового на цифровой существенно повышает возможности запрограммированного воздействия звука на человеческий мозг, а возрастающая технизация процессов производства и распространения звука способствует рутинизации восприятия звуков, натурализации восприятия, не встречающихся в естественной среде, понижению чувствительности к частотным, тембральным и динамическим характеристикам звука [Шион М., 2021].

Эти три подхода лишь производят иллюзию трех замкнутых областей научного знания о музыке: общим основанием для них является единое понимание процесса становления индивида субъектом производства и воспроизводства музыки: в результате свободного творческого применения музыкальных содержательных форм раскрывается богатство подлинных

человеческих переживаний, происходит омузыкаливание мира и преобразование его в человеко-соразмерный «дом бытия». Сущностные элементы этого понимания унаследованы от экзистенциальной философии и определены в терминах философии С. Кьеркегора и К. Ясперса (хотя в пространстве массовой музыкальной культуры гораздо чаще упоминаются Ж.-П. Сартр и А. Камю), и в этом плане существует возможность утверждать близость системы принципов омузыкаливания мира и принципов экзистенциальной философии.

Спекулятивными аргументами, подтверждающими существование этой близости, являются утверждения о тенденции человеко-соразмерности омузыкаленного мира, характерной для музыки Новейшего времени, высказанные в статье А. Ганжи [Ганжа А.Г., 2017]. Мы можем утверждать также, что массовая музыка, являющаяся объектом нашего изучения, никогда не ставила перед собой задачи познания и объективации законов гармонии мироздания в космических масштабах, изначально создавая человеко-соразмерный омузыкаленный мир, и в этом смысле основания массовой музыки являются по своей природе антропологическими либо заданными в антропологической перспективе. В то же время явно выраженные установки массового искусства на борьбу с элитарным искусством за ведущую роль в придании смысла всем проявлениям человеческого и внутреннюю конкуренцию между отдельными исполнителями и авторами за монополию на возможность устанавливать стандарты всех видов художественности позволяют говорить о существенных различиях в понимании индивидуального и социального идеала и зависимости художественной картины мира от метода ее создания, что выводит нас к идеям экзистенциальной философии.

Для успешного выполнения роли коммуникатора между жизненным миром конкретного индивида и массовым обществом массовое музыкальное искусство должно выступать в роли регулятора соразмерности смыслов, обнаруженных в ходе экзистенциального познания мира индивидом, и общественных идеалов. Постепенный переход массового музыкального искусства в это качество, на наш взгляд, произошел в первой половине XX в., когда массо-

вое музыкальное искусство начинает восприниматься как глашатай ценностей нового мира. Можно выделить несколько этапов этого перехода. К концу первого десятилетия XX в. ведущим жанром массовой музыки становится песня, первостепенное значение в которой играет текст, содержащий в себе не только определенный сюжет (описание действий или переживаний лирического героя), но и некий идейный контекст, задающий рамку ее восприятия — и с этого времени возможностями массовая песня начинает использоваться как инструмент агитации и пропаганды. В эпоху становления звукового кино (1920–1930-е гг.) активно осваивается жанр музыкальной комедии, в котором массовая песня используется как инструмент нормализации травматических событий любого масштаба. В эпоху Великой депрессии в американской массовой музыке активизируется самодетельное исполнительство, прорывающее монополию на производство смыслов культурными индустриями — в США появляется интерес к корневым жанрам американской музыки — блюзу и кантри (чему в значительной степени способствует деятельность А. Ломакса, предпринявшего несколько фольклорных экспедиций в Южные штаты), одновременно в Европе массовая музыка начинает сближаться с жанрами народной музыки, в СССР ведется борьба за очистку массовой песни от элементов городского романса, который в итоге становится нишевым жанром и постепенно начинает возвращать утраченные позиции, начиная с 1950-х гг. (что отмечено в стихотворении Е. Евтушенко «Интеллигенция поет блатные песни, поет она не песни Красной Пресни» (1958 г., переписано в 1975 г.)), — иными словами, происходит расслоение массовой музыки на условные гражданский и лирический жанры. Послевоенный период характеризуется однозначным количественным ростом произведений лирического жанра, получившего новый импульс к распространению после массового распространения частных радиостанций. На фоне роста индустрии производства и воспроизводства массовой музыки, а также роста разнообразия массовой музыки происходит становление жанров, формальной характеристикой которых является ориентация на гипертрофированные экспрессионистские способы выраже-

ния внутренних переживаний — в первую очередь, речь идет о песнях протеста, фри-джазе и рок-н-ролле, а содержание выражаемого в произведениях этих жанров задается мироощущением человека исторической эпохи, наполненным отмечаемым практически в любом свидетельстве очевидца страхом перед угрозой Третьей Мировой войны, рутинизацией и бесцельностью существования, доминированием агрессии в межчеловеческом взаимодействии, в то время как прослушивание музыки дает ощущение подлинности именно внутреннего опыта, основанного на субъективных переживаниях, и утверждает преходящий и небытийный характер актуальной повседневности. Подобное мироощущение выражено в мемуарах Р. Долтри, вокалиста группы «The Who», сюжетной линией которых является путь к себе: начало этого пути находится в бедном детстве послевоенных лет, агрессивной обстановки в школе, бессмысленной работе на фабрике, уйти от которых удастся вследствие обнаружения у себя таланта к пению, создания группы и успешной карьеры рок-исполнителя, связанной с новыми проблемами и разочарованиями, но приведшей к разрешению или снятию большинства проблем, препятствовавших осознанию красоты и полноты жизни самой по себе [Долтри Р., 2020].

Мы упоминаем Р. Долтри не как яркий нетипичный случай карьеры рок-музыканта, а как носителя модального типа мироощущения и мироотношения — подобные примеры в изобилии обнаруживаются в автобиографической литературе, написанной рок-музыкантами. Это позволяет нам утверждать, что тезис о тесной связи философии экзистенциализма и рок-музыки сформулирован не на пустом месте. Экзистенциальные поиски с использованием изобразительных средств рок-музыки не могут рассматриваться как частный случай Р. Долтри и некоторых других исполнителей, следовательно, нужно отыскать объяснение того, каким образом рок-музыка как вид массового музыкального искусства оказывается тесно связанной с философией экзистенциализма, ориентированной на глубоко личностный персональный поиск самого себя. В настоящее время объяснения этой связи носят характер гипотез, границы объяснительных возможностей которых еще требуется установить.

Гипотеза всеобщности экзистенциальных переживаний

Первый ответ, лежащий на поверхности и соблазняющий своей легкостью, исходит из того, что свидетельства переживания экзистенциального опыта широко распространены в современной культуре. Подражание языку Ж.-П. Сартра, А. Камю, С. Кьеркегора, подражание методу проблематизации действительности, утверждения о знании подлинной природы мира и человека легко обнаруживаются в современном кинематографе, прозе и поэзии, дневниковых записях. С распространением Интернета 2.0 в еще большем изобилии подражательные высказывания стали встречаться в блогах и сборниках афоризмов. С другой стороны, становление современных медиа, на наш взгляд, объективно приводит к учащению случаев встречи с как минимум двумя переживаниями пограничных ситуаций, по К. Ясперсу: борьбы и стыда, возникающих из желания и невозможности сопротивляться растущей тотализации механизмов социального контроля. На основании этих эмпирических фактов действительно существует соблазн интерпретировать экзистенциальные переживания в качестве всеобщих, как это сделано в следующем фрагменте: «Фундаментальная тревога, тоска, беспокойство рассматриваются как фундаментальные переживания, приходящие в жизнь человека спонтанно, независимо от его усилий. Ни один человек не свободен от этих переживаний, и ни один не может навсегда избавиться от них. Однако посредством этих переживаний человек открывает возможности собственного бытия. Они есть ключ к подлинности, *которая в отличие от тревоги и страха не приходит сама, ее нужно установить* (курсив Н.А. Касавиной. — Г.К.)» [Касавина Н.А., 2013, с. 159]. Аналогичным образом В.В. Коромыслов указывает, что «экзистенциальный опыт выявляет всякое напряжение в отношении личности и мира, а значит выявляет некие всеобщие ситуации, с которыми сталкивается личность. Это те ситуации, в которые по мере своей жизни может попасть каждый... Наиболее общие из этих вышеуказанных ситуаций вызывают у человека определенные всеобщие состояния, которые описываются экзистенциалистами в системе

таких понятий как: страх, надежда, отчаяние, решимость и т.д.» [Коромыслов В.В., 2021, с. 30–31].

С аргументами, подтверждающими эти гипотезы, можно согласиться, если игнорировать проблему онтогносеологической модальности, сформулированную еще неокантианцами и помещенную в экзистенциальную перспективу М. Хайдеггером: способы бытия и результаты познания мира зависят от того, какой метод был использован в процессе его познания (что утверждают В. Виндельбанд и Г. Риккерт), а мир, данный в модусе бытия, воспринимается иначе, чем мир, данный в модусе заботы (что утверждает М. Хайдеггер). Это означает, что можно обнаружить в эмпирическом опыте каждого человека переживание страха, тревоги, отчаяния, надежды и т.д., но не всякое их переживание по своей природе является экзистенциальным, ведет к преобразованию существования и изменению сущности человека. В предельной ситуации можно предположить, что существуют люди, имеющие опыт переживания этих состояний, но не имеющие опыта экзистенциальных переживаний, ни разу не усомнившиеся в подлинности предзаданного мира, и на этом основании возникают сомнения во всеобщем характере экзистенциальных переживаний именно как экзистенциальных.

Гипотеза избыточности экзистенциального поиска

Экзистенциализм стал одним из течений, пытающихся осмыслить существование конкретного человека в конкретных ситуациях, и в силу этого тематика экзистенциального поиска во многом определяется уникальностью и неповторимостью каждой отдельной ситуации, общность метода разрешения которых продиктована восприятием внешнего мира как неустойчивого, абсурдного, бесчеловечного, а единственным фундаментом, на котором можно выстроить осмысленное существование, является ментальная целостность личности конкретного индивида. Между тем, если воспринимать человеческую личность в контексте единства общечеловеческой природы, что бы в ней ни было заложено, то необходимость изобретать новые способы осмысленного существования является либо своеобразной философской модой, либо избыточным ответом психо-

иммунной системы индивида на современную ему кризисную ситуацию.

Подобный ход мысли демонстрирует Н.В. Полякова, рассматривающая возможности методологического подхода, сформулированного на базе французского экзистенциализма, в социально-политической философии: «...французский экзистенциализм, родившийся в условиях войны и национальной катастрофы, стал той питательной средой, на почве которой выросло и воспитывалось целое поколение французских интеллектуалов, ставшее позднее участником протестных акций в мае 1968 г. Впоследствии влияние экзистенциализма как философского движения постепенно пошло на убыль ..., но вместе с тем экзистенциалистская проблематика, которая поставила в центр своих размышлений проблему внутреннего мира человека, его надежд и страхов перед лицом внешних вызовов, всегда будет созвучна массовой психологии современного общества с его ощущением “перманентного кризиса” и иррационализма современной политики» [Полякова Н.В., 2015, с. 23]. Сказанное демонстрирует понимание экзистенции и саморефлексии как синонимов, в силу чего вопрос о поиске экзистенциальных оснований массового искусства трансформируется в вопрос о самопознании субъекта массового искусства в современных условиях и с использованием метода модной экзистенциальной философии. В этом случае поставленная нами проблема переносится в разряд псевдопроблем, поскольку из нее изымается напряжение, создаваемое столкновением массового характера искусства и конкретно-индивидуального характера экзистенциального поиска, а общие механизмы саморефлексии культуры уже давно описаны.

Данная гипотеза основана на нескольких логических упрощениях: безусловно, возможно отождествлять экзистенциальный поиск и саморефлексию, если воспринимать актуальную действительность как подлинную, возможно отождествлять конкретного индивида с абстрактным представителем социальных масс, если мы говорим о человеке как о родовом существе, но оба эти упрощения выводят нас как за пределы проблематики экзистенциальной философии, так и ее метода. Нам также представляется, что уникальные проблемы каждой исторической эпохи можно рассматривать

сквозь горизонт человеческого восприятия, и в этом смысле различия между историческими эпохами оказываются несущественны, каждая из них создает определенные угрозы и возможности для конкретного индивида, любой исторический срез повседневности может порождать ощущение абсурдности существования и продуктивные попытки его преодоления (что можно увидеть, например, в «Исповеди» Августина Блаженного), и это делает философию экзистенциализма созвучной не столько психологии масс, проявившихся в мировом масштабе в последней четверти XIX в., сколько психологии личности, существующей столько же, сколько существует личность как человек-для-себя и человек-для-других. Таким образом, гипотеза избыточности экзистенциального поиска представляется нам непродуктивной как в случае нашего исследования — поскольку логические приемы, сопровождающие данную гипотезу, требуют высокого уровня абстракции, на котором приходится пренебречь как проблематикой экзистенциального поиска конкретного человека и проблематикой рок-музыки как вида массового музыкального искусства.

Гипотеза социализирующего экзистенциального переживания

В ряде исследований молодежной субкультуры и контркультуры, с которыми соотносится существование рок-музыки, отмечается, что стандартный вектор развития жизненного пути участника субкультурных и контркультурных образований — это движение от протеста в духе неприятия существующего положения дел в материальном, капиталистическом мире к новой религиозности, позволяющей найти новые смыслы и цели индивидуального существования, зачастую вне традиционных конфессий. Экзистирование предстает в виде социализирующего переживания, результатом которого становится формирование личности, принимающей предзаданные социокультурные ценности, отказывающейся от бунта ради созидательной деятельности в определенных историческом и социокультурным контекстом рамках. Такую позицию отстаивает Ж.В. Латышева: «Экзистенциальная философия показывает, что значительную роль в формировании социального мира и развертывании социальной жизни играет экзистенциальный уровень человеческого бытия — экзистенциальные переживания и

экзистенциальная коммуникация... В экзистенциальной коммуникации не только формируется «Я», но и раскрывается самоценность другой экзистенции, рождаются добро, верность, ответственность, другие ценности Человеческого (так в тексте. — Г.К.) мира» [Латышева Ж.В., 2016, с. 18]. В этом высказывании упоминание Человеческого с заглавной буквы подсказывает, что мир воспринимается автором как некая социетальная система, а перечень ценностей, имеющих строго позитивную окраску, подтверждает мысль о том, что экзистирование — это своего рода метод взросления.

Против этой гипотезы можно выдвинуть два контраргумента. Во-первых, философы-экзистенциалисты утверждают, что знание, открывшееся в экзистенциальном опыте, никогда не дается раз и навсегда как некая формула или рецепт, срабатывающие независимо от усилий человека. Необходимо всякий раз заново решать, как поступить, а следовательно, не образуется ни «навыка» получения этого опыта, ни рецепта получения истины, истина всякий раз открывается заново [Кузьмина Т.А., 2007]. Следовательно, это экзистенциальное переживание является единичным и уникальным актом, а не возрастным моментом процесса социализации, все же имеющего конечную цель — становление полноценной личности. Во-вторых, экзистенциальный опыт не может быть (в отличие, например, от эксперимента как научного опыта) сформирован направленно, процесс его приобретения нельзя контролировать [Аполлонова Ю.С., 2018, с. 40], а значит, не может стать результатом социализирующих усилий внешней педагогической инстанции. В процессе экзистирования равно вероятно переживание как подлинных ценностей не добра, верности, ответственности и других, но и их противоположностей — зла, эгоцентричности, непричастности, и в этом смысле исследователи, исходящие из гипотезы социализирующего экзистенциального переживания, предопределяют человеческую природу как добрую, но это предопределение является результатом волевого решения антиномии о природе человека. Следовательно, эта гипотеза базируется на шатких основаниях всеобщности экзистенциального переживания, универсальности и презумпции доброты человеческой природы, что ставит под сомнение ее эвристический потенциал.

Гипотеза экзистенциалиста как типа личности

Если предыдущая гипотеза исходила из универсальности человеческой природы и экзистенциальном переживании как неотъемлемом инструменте ее постижения, то существует и альтернативная гипотеза, указывающая на специфичность экзистенциального переживания и его социально-психологическую обусловленность. Эта гипотеза восходит к работе Н.А. Бердяева «Я и мир объектов», в которой описывается профетический тип личности, воплощенный в ветхозаветных пророках, инноваторах, реформаторах и революционерах — именно для этого типа характерны экзистенциальные переживания, вызванные дисгармоничными отношениями с социальными окружениями [Бердяев Н.А., 1994, с. 272–273]. На основании преобладания экзистенциальных переживаний как акцентуаций определенного типа личности строится образ рок-героя, «выдающегося рок-автора» [Доронин В.В., 2019], по определению В.В. Доронина, обращенного к собственному внутреннему миру или слушателям, что определяет социальный характер создаваемого явления. Источником переживания, по мысли автора, является творческое одиночество героя, возникающее вследствие сознательного увеличения дистанции между собой и обществом, «это одиночество творца, вызванное потребностью реализовать творческий потенциал и стремлением преодоления роковой судьбы, нацеленное на бунт против одиночества, в преодолении его есть путь к свободе» [Доронин В.В., 2019].

С этой гипотезой возможно согласиться, если ставить в центр исследования индивидуального субъекта, выступающего творцом не только музыки, но и создающего культурную среду ее бытования, и она оказывается одинаково хорошо описывает деятелей рок-музыки как бердяевских пророков и революционеров, так и как ницшеанских сверхлюдей. Однако мы не можем ее принять в силу рационального понимания мира, диктуемого установками социальной философии, прежде всего, иным пониманием субъекта и его отношений с миром. Утверждая существование социально-психологического типа героя, мы должны выявить онтологические основания его существования,

которые не сводятся к оценкам выдающегося характера его деятельности, ритуальным формам поведения и феноменам индивидуального сознания. К сожалению, на данный момент утверждения героического характера деятельности индивидуального субъекта рок-музыки не имеют серьезного онтологического подтверждения, и продуктивное использование этой гипотезы представляется невозможным.

Гипотеза сопричастности экзистенций

До сих пор речь шла об экзистировании, замкнутом в мире индивидуального человека, но одним из следствий открытия подлинного бытия является раскрытие человека миру и коммуницирование со значимым Другим, очевидно, открывшим собственные принципы подлинного существования. Представляется, что в этом случае различие принципов, открытых разными людьми независимо друг от друга, не создает непреодолимых проблем в осуществлении коммуникации, возможно, в силу общности метода открытия подлинности, как про это пишет Ю.С. Аполлонова: «Экзистенция позволяет обнаружить существование человека не только в его неповторимости, как единичность, но и в сопричастности другим экзистенциям, как единое. И данный парадокс может быть представлен как онто-экзистенциальная антиномия единого и единичного» [Аполлонова Ю.С., 2018, с. 39]. В таком случае следует утверждать, что, даже если не существует специфического типа личности, для которого характерны экзистенциальные переживания, то существует своего рода взаимное тяготение индивидов, открывших принципы подлинного существования, что совпадает с утверждениями Ж.-П. Сартра о выборе, когда «выбирая себя, я созидая всеобщее» [Сартр Ж.-П., 1989, с. 337] и А. де Сент-Экзюпери о том, что «ты навсегда в ответе за тех, кого приручил» [Сент-Экзюпери А. де, 2015, с. 55], и это касается обеих сторон коммуникации.

Как нам представляется, гипотеза сопричастности экзистенций в меньшей степени, чем любая другая из рассмотренных гипотез, располагает к приданию новых значений терминологии философов-экзистенциалистов и содержит меньше допущений и логических нарушений. Кроме того, еще одним аргументом в пользу данной гипотезы выступает сходство

описания сопричастных экзистенций с описанием упорядочения переживаний в процессе конструирования исторического мира у В. Дильтея [Дильтей В., 2004, с. 184–186].

Обсуждение

Принимая за рабочую гипотезу сопричастности экзистенций, мы получаем возможность интерпретировать процесс построения мира коммуникации экзистирующих субъектов, объективированного средствами рок-музыки, как вида массового музыкального искусства. Музыка в этом случае следует определить как специфическую практическую деятельность по упорядочению и означиванию мира аудиальными средствами, в то время как специфическими чертами рок-музыки для нас выступают использование специфических содержательных форм, позволяющих объективировать результаты рефлексивного самопознания и мобилизовать участников процессов производства и воспроизводства рок-музыки на творческое преобразование мира, стремление активно использовать достижения технического прогресса, коллективный процесс создания музыки, профанный культурный статус, позволяющий создавать собственные стандарты музыкальности, универсализация символических практик создания и распространения музыки, берущих начало в музицировании угнетенных народов. Последние четыре сущностных характеристики рок-музыки были определены нами на основании обобщения принципов манифеста движения RIO (Rock in Opposition) за авторством К. Катлера и Т. Ходжкинсона, музыкантов группы «Henry Cow» [Cutler Ch., 1978], в то время как первая характеристика, постулирующая наличие специфических содержательных форм и их функций, была предложена нами. В процессе определения функций специфических содержательных форм рок-музыки мы предположили, что совмещение двунаправленных процессов — рефлексивного самопознания и социальной мобилизации — оказывается возможным, если интерпретировать оба процесса в русле экзистенциальной философии, но на этом пути встречается логический парадокс, рассмотренный как основной вопрос нашего исследования. Представляется, что гипотеза сопричастности экзистенций отвечает на него исчерпывающим образом.

Выводы

Гипотеза сопричастности экзистенций, на наш взгляд, обладает наиболее высоким эвристическим потенциалом для исследования массовой музыки с позиций социальной философии из всех рассмотренных гипотез. Во-первых, она позволяет представить процессы художественной объективации экзистенциальных ценностей средствами рок-музыки как задачу и результат индивидуальной и коллективной человеческой деятельности, что позволяет расширить понятие субъекта производства и воспроизводства рок-музыки и уйти от традиционной героизации индивидуального субъекта, противопоставленного недружественному к нему миру в сторону выявления отношений человека к миру, основанных на рациональных принципах. Во-вторых, сопричастность другим экзистенциям как условие современной массовой музыки коррелирует с коммуникативными установками современного массового искусства, ориентирующегося на диалогические формы и апеллирующего в первую очередь к опыту субъективного переживания внешнего и внутреннего мира. Таким образом, мы утверждаем, что рок-музыка как вид массового музыкального искусства непротиворечивым образом сопрягает индивидуальный и социальный срезы реальности, преобразованные в процессе экзистирования и объединенные с преобразованными реальностями других экзистирующих субъектов.

Список литературы

- Аполлонова Ю.С.* Экзистенциальный опыт как предпосылка трансцендирования // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 9(419). С. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10906>
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Философия свободного духа: сб. ст. М.: Республика, 1994. С. 229–316.
- Ганжа А.Г.* Культура как препятствие: размузыкаливание мира в гибридных дискурсах // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 1. С. 50–82. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2017-1-50-82>
- Горбачев А.В., Зинин И.В.* Песни в пустоту: Потерянное поколение русского рока 90-х. М.: АСТ: Corpus, 2014. 448 с.
- Дильтей В.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе / пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.
- Долтри Р.* Моя история: пер. с англ. М.: АСТ, 2020. 352 с.
- Доронин В.В.* Фигуративный аспект одиночества рок-героя // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8. URL: <https://disk.yandex.ru/i/ti6yeLHuYlYkng> (дата обращения: 06.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.8.27>
- Камю А.* Письма немецкому другу // Камю А. Бунтующий человек / пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М.: Политиздат, 1990. С. 101–118.
- Касавина Н.А.* По направлению к подлинности человеческого бытия (об экзистенциальной динамике в психологии) // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38, № 4. С. 150–162. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201338416>
- Коромыслов В.В.* Проблема объективно-всеобщего в философии экзистенциализма // Теология. Философия. Право. 2021. № 2(16). С. 22–32.
- Кузьмина Т.А.* Экзистенциальный опыт и философия // Вопросы философии. 2007. № 12. С. 16–27. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/kuzmina/existential-experien.pdf> (дата обращения: 07.03.2024).
- Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, 2005. 680 с.
- Латышева Ж.В.* Экзистенциалистская парадигма трансцендирования в социальной философии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 15–19.
- Никитина О.Э.* Биографические мифы о русских рок-поэтах. СПб.: Гуманит. академия, 2011. 350 с.
- Паскаль Б.* Мысли / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995. 480 с.
- Полякова Н.В.* Французский экзистенциализм: политическая философия в условиях национальной катастрофы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 15–24.
- Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / пер. с фр. А.А. Санина // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц / пер. с фр. Н. Галь // Сент-Экзюпери А. де. Маленький принц. Цитадель. М.: АСТ, 2015. 608 с.

Сибрук Дж. Машина песен. Внутри фабрики хитов / пер. с англ. С. Кузнецовой. М.: Ad Marginem, 2022. 304 с.

Стракович Ю.В. Цифролюция. Что случилось с музыкой в XXI веке. М.: Классика XXI, 2012. 368 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Шион М. Звук. Слушать, слышать, наблюдать / пер. с фр. И. Кушнareвой. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 312 с.

Широкова Н.А. Постмодернистский текст в джазе (вторая половина XX и начало XXI вв.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 127. С. 263–268.

Юрлова С.В. Бытийные аспекты массового искусства // Онтология искусства: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л.А. Закса. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2005. С. 125–133.

Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

Adorno T.W. On popular music // Cultural theory and popular culture: a reader / ed. by J. Storey. 2nd ed. Athens, GA: University of Georgia Press, 1998. P. 197–209.

Cutler Ch. Rock in Opposition (1978) / Chris Cutler: official site. URL: <http://www.ccutler.co.uk/rioartbearsff.htm> (accessed: 06.03.2024).

References

Adorno, T.W. (1998). On popular music. J. Storey. (ed.) Cultural theory and popular culture: a reader. 2nd ed. Athens, GA: University of Georgia Press, pp. 197–209.

Apollonova, Yu.S. (2018). [Existential experience as a prerequisite for transcending]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 9(419), pp. 38–45. DOI: <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-10906>

Benjamin, W. (1996). *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The work of art in the age of mechanical reproduction]. Moscow: Medium Publ., 240 p.

Berdyayev, N.A. (1994). [Solitude and society]. *Berdyayev N.A. Filosofiya svobodnogo dukha* [Berdyayev N.A. Freedom and the spirit]. Moscow: Respublika Publ., pp. 229–316.

Camus, A. (1990). [Letters to a German friend]. *Kamyu A. Buntuyuschiy chelovek* [Camus A. The rebel]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 101–118.

Chion, M. (2021). *Zvuk. Slushat', slyshat', nablyudat'* [Sound. Listen, hear, observe]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 312 p.

Cutler, Ch. (1978). Rock in opposition. *Chris Cutler: official site*. Available at: <http://www.ccutler.co.uk/rioartbearsff.htm> (accessed 06.03.2024).

Daltrey, R. (2020). *Moya istoriya* [Thanks a lot, Mr. Kibblewhite: My story]. Moscow: AST Publ., 352 p.

Dilthey, W. (2004). *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 3: Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* [Collected works: in 6 vols. Vol. 3: The formation of the historical world in the human sciences]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 419 p.

Doronin, V.V. (2019). [The figurative aspect of rock hero's loneliness]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, history, culture]. No. 8. Available at: <https://disk.yandex.ru/i/ti6yeLHuYIYkng> (accessed 06.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2019.8.27>

Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for ultimate meaning]. Moscow: Progress Publ., 368 p.

Ganzha, A.G. (2017). [Culture as obstacle: Demusicalization of the world in the hybrid discourses of the effects of music]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review]. Vol. 16, no. 1, pp. 50–82. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2017-1-50-82>

Gorbachev, A.V. and Zinin, I.V. (2014). *Pesni v pustotu: Poteryannoe pokolenie russkogo roka 90-kh* [Songs into the void. The lost generation of 90s Russian rock music]. Moscow: AST Publ., Corpus Publ., 448 p.

Jaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [The origin and goal of history]. Moscow: Politizdat Publ., 527 p.

Kasavina, N.A. (2013). [Towards the authenticity of human existence (on existential dynamics in psychology)]. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 38, no. 4, pp. 150–162. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201338416>

Kierkegaard, S. (2005). *Zaklyuchitel'noe ne-nauchnoe posleslovie k «Filosofskim krokham»* [Concluding unscientific postscript to the «Philosophical fragments»]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 680 p.

Koromyslov, V.V. (2021). [The problem of the objectively-universal in the philosophy of existential-

ism]. *Teologiya. Filosofiya. Pravo* [Theology. Philosophy. Law]. No. 2(16), pp. 22–32.

Kuz'mina, T.A. (2007). [Existential experience and philosophy]. *Voprosy filosofii*. No. 12, pp. 16–27. Available at: <https://iphras.ru/uplfile/philec/kuzmina/existential-experien.pdf> (accessed 07.03.2024).

Latysheva, Zh.V. (2016). [Existentialist paradigm of transcending in social philosophy]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. No. 1, pp. 15–19.

Nikitina, O.E. (2011). *Biograficheskie mify o russkikh rok-poetakh* [Biographical myths about Russian rock poets]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya Publ., 350 p.

Pascal, B. (1995). *Mysli* [Thoughts]. Moscow: Sabashnikov Publ., 480 p.

Polyakova, N.V. (2015). [French existentialism: political philosophy in the conditions of national catastrophe]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations]. No. 3, pp. 15–24.

Saint-Exupery, A. de. (2015). [The little prince]. *Sent-Ekzyuperi A. de. Malen'kiy prints. Tsitadel'*

[Saint-Exupery, A. de. The little prince. Citadel]. Moscow: AST Publ., 608 c.

Sartre, J.-P. (1989). [Existentialism is a humanism]. *Nitsshe F., Freyd Z., Fromm E., Kamyu A., Sartr Zh.-P. Sumerki bogov* [Nietzsche F., Freud Z., Fromm E., Camus A., Sartre J.-P. Twilight of the gods]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 319–344.

Seabrook, J. (2022). *Mashina pesen. Vnutri fabriki khitov* [The song machine. Inside the hit factory]. Moscow: Ad Marginem Publ., 304 p.

Shirokova, N.A. (2011). [Postmodernist text in jazz (the second half of 20th – the beginning of 21st centuries)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 127, pp. 263–268.

Strakovich, Yu.V. (2012). *Tsifrolyutsiya. Chto sluchilos' s muzykoy v XXI veke* [Digitalution. What happened to music in the 21st century?] Moscow: Klassika XXI Publ., 368 p.

Yurlova, S.V. (2005). [The existential aspects of mass art]. *Ontologiya iskusstva, sost. i nauch. red. L.A. Zaksa* [L.A. Zaks (ed.) The ontology of art]. Yekaterinburg: Humanitarian University Publ., pp. 125–133.

Об авторе

Квятковский Георгий Юрьевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет),
454080, Челябинск, пр. Ленина, 76;
e-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru
ResearcherID: ACA-3340-2022

About the author

Georgij Yu. Kwiatkowski

Candidate of Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

South Ural State University
(national research university),
76, Lenin av., Chelyabinsk, 454080, Russia;
e-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru
ResearcherID: ACA-3340-2022

УДК 1(091)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-52-62>

EDN: EKFWNK

Поступила: 10.01.2025

Принята: 02.03.2025

Опубликована: 10.04.2025

ВЛИЯНИЕ МЕТАФИЗИКИ Б. СПИНОЗЫ НА РАЗВИТИЕ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА В.С. СОЛОВЬЕВА

Мухрянов Александр Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь)

В статье предпринимается попытка сравнительного философского анализа метафизических систем Б. Спинозы и В.С. Соловьева. Многие философские концепции оказали влияние на формирование и развитие философии всеединства В.С. Соловьева. Среди таких концепций стоит выделить метафизику Б. Спинозы — одной из первых, с которой В.С. Соловьев познакомился. В первых сочинениях В.С. Соловьев подвергает критике философию Б. Спинозы, сравнивая его с другими рационалистами, и обнаруживает некоторые противоречия в метафизике и учении о познании. Несмотря на видимые различия, идеи Спинозы и Соловьева в области метафизики строятся на общих принципах. Основное понятие философии Соловьева, «всеединство», рассматривается как развитие идей характерного спинозовского учения о субстанции с большим влиянием христианского богословия. Также рассматривается возможное влияние Спинозы на развитие софиологии В.С. Соловьева. София, Божественная Премудрость, выступает в системе Соловьева как элемент, согласующий и потенциально объединяющий сферы божественного и человеческого, идеального и материального, или как душа мира, наделяющая бытие субъектностью. Через учение о Софии Соловьев приходит к выводу о необходимости рассматривать абсолютное сущее как разделенное само в себе на положительное ничто и первую материю, которые представляют абсолютность и относительность в едином Боже. Это отсылает нас к понятию субстанции у Спинозы. Субстанция существует во множестве атрибутов, но дается человеку в атрибутах мышления и протяженности (в идеях и вещах). Таким образом, представление о субстанции как о единстве идеи и материи развивает В.С. Соловьев, изменяя его под влиянием христианского богословия.

Ключевые слова: метафизика, всеединство, София, субстанция, атрибут, абсолютное сущее, первая материя.

Для цитирования:

Мухрянов А.А. Влияние метафизики Б. Спинозы на развитие философии всеединства В.С. Соловьева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 52–62. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-52-62>. EDN: EKFWNK

THE INFLUENCE OF B. SPINOZA'S METAPHYSICS ON THE EVOLUTION OF V.S. SOLOVIEV'S PHILOSOPHY OF ALL-UNITY

Aleksandr A. Mukhrianov

HSE University (Perm)

The article attempts to provide a comparative philosophical analysis of the metaphysical systems of B. Spinoza and V. Soloviev. Many philosophical concepts influenced the formation and development of Soloviev's philosophy of all-unity. Among such concepts, it is worth highlighting the metaphysics of Spinoza, one of the first with which Soloviev became acquainted. In his early works, Soloviev criticizes the philosophy of Spinoza, comparing him with other rationalists, and discovers some contradictions in metaphysics and the doctrine of knowledge. Despite the apparent differences, the ideas of Spinoza and Soloviev in the field of metaphysics are based on common principles. The main concept of Soloviev's philosophy, «all-unity», is considered as a development of the ideas of the characteristic Spinoza's doctrine of substance with a greater influence of Christian theology. The possible influence of Spinoza on the development of Soloviev's Sophiology is also analyzed. Sophia, Divine Wisdom, appears in Soloviev's system as an element that coordinates and potentially unites the spheres of the divine and the human, the ideal and the material, or as the soul of the world that endows being with subjectivity. Through the doctrine of Sophia, Soloviev comes to the conclusion about the need to consider the absolute being as divided within itself into positive nothingness and the first matter, which represent absoluteness and relativity in a single Deity. This refers to Spinoza's concept of substance. Substance exists in a multitude of attributes, but is given to man in the attributes of thought and extension (in ideas and things). Thus, Soloviev develops the idea of substance as the unity of idea and matter, changing it under the influence of Christian theology.

Keywords: metaphysics, all-unity, Sophia, substance, attribute, absolute being, materia prima.

To cite:

Mukhrianov A.A. [The influence of B. Spinoza's metaphysics on the evolution of V.S. Soloviev's philosophy of all-unity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 52–62 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-52-62>. EDN: EKFWNK

Введение

В процессе философского развития человечества различные концепции могут подвергаться переосмыслению; идеи прошлого, которые кажутся мыслителю современному не утратившими актуальности и прошедшими испытание на логичность и соответствие истине, подвергаются рецепции в новых философских трудах. Определенно точно можно сказать, что наследником сразу нескольких философских традиций был русский философ В.С. Соловьев [Бальтазар Г.У. фон, 2023, с. 3]. Этому мыслителю удалось сложить множество различных идей в единую систему, которую можно назвать первой в

русской философии. Система эта, которую можно коротко описать как *философия Всеединства*, не только дала мощный толчок дальнейшему росту интереса к философии в России в XX в., но и определила траекторию развития русской культуры на последующую четверть века.

Философское наследие В.С. Соловьева рассматривается и изучается с разных сторон уже на протяжении более чем ста лет. Но вопрос о том, что легло в основу взглядов философа и на каком фундаменте он строил свою систему метафизики, остается и сейчас актуальным. Среди тех мыслителей, которые оказали наибольшее влияние на складывание системы Владимира Соловьева, стоит отметить философа Нового

времени из Нидерландов Бенедикта Спинозу. Спиноза, как и Соловьев, поражал современников эксцентричностью, смелостью и оригинальностью своих мыслей, вызывал негодование у официальных властей, создал оригинальную метафизическую концепцию, что позволило ему войти в историю одной из основополагающих фигур рационалистической философии.

И Спиноза, и Соловьев первоочередной целью ставили решение этической проблемы (она в их трудах поставлена наиболее четко), и для них обоих полноценное раскрытие метафизических основ мира является необходимым этапом для того, чтобы точно определить нравственные идеалы, к которым должен стремиться человек. Ответы на вопросы онтологии двух философов можно рассматривать также и в контексте решения проблемы соотношения идеального и материального, которая «стоит на повестке» со времен Античности.

Критика

Спиноза был одним из первых философов, с творчеством и идеями которого познакомился Соловьев; более того, он сам признавался, что Спиноза был его первой любовью в философии [Соловьев В.С., 1897, с. 383], соответственно, будет очень трудно переоценить то влияние, которое нидерландский рационалист оказал на него. Прежде всего стоит отметить, что чтение Спинозы увело юного Соловьева в сторону от социализма и материализма, которыми он увлекался вследствие религиозного кризиса, через который Соловьев прошел до этого [Лосский Н.О., 2018, с. 116]. Можно предположить, что последующее увлечение естественными науками также возникло под влиянием Спинозы. Несмотря на то, что Спинозу по определенным характеристикам некоторые называли материалистом¹, смотря, тем не менее, на него через свою призму, опираясь на его рассуждения о природе бытия и абсолюта, философия Соловьева в дальнейшем развивалась не как строго идеалистическая, но и не сводящая познание к эмпирическим данным и бытие к материи, притом что некоторые положения рационализма, к

которому принадлежал Спиноза, он подвергал критике.

Довольно пространный обзор метафизических концепций Спинозы в рамках развития всей рационалистической философии Европы Соловьев дает в своей магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)». По Соловьеву, который логически развивал принципы Декарта, мы получаем полную формулу спинозизма, согласно которой существует единая субстанция, и все вещи и существа в мире (они же модусы) являются различными видоизменениями или состояниями субстанции, которая называется природой творящей, или Богом [Спиноза Б., 2020]. Далее, все модусы, производимые субстанцией, необходимы, поскольку вне субстанции нет ничего и ничего не может быть, все ею производится. И здесь Соловьев начинает указывать на те противоречия, которые допустил Спиноза в процессе построения своей метафизической теории; для Соловьева Спиноза не закончил свое построение, т.к. он должен не только указать, что единое абсолютное является причиной конечной множественности, но и показать, в чем для субстанции заключается необходимость производить конечный мир [Соловьев В.С., 1999, с. 20]. Если субстанция является *causa sui*, то чем может быть обусловлена необходимость существования множественности? Единственным источником множественности, таким образом, остается внешний мир в эмпирическом наблюдении. Далее Соловьев утверждает, что, развивая логически философию Спинозы, его принципы приводят не к объяснению мира, а к его отрицанию, и что, таким образом, не субстанция определяет конечность материального мира, а единичные вещи определяют необходимость существования субстанции. Единственной альтернативой в таком случае является принятие необходимости происхождения бесконечного числа модусов из субстанции на веру, что не только противоречит рационалистическому духу философии Спинозы, но и самой сущности философского знания.

Следующим крупным произведением В.С. Соловьева является «Философское начало цельного знания» (1877), в котором автор продолжает такие поднятые ранее в диссертации проблемы, как определение положительного основания мира, единство форм познания и способы и возможности достижения нравственного идеала человечества, что в совокуп-

¹ Разбору этой точки зрения, которая была по понятным причинам популярна в советское время, посвящена монография И.А. Коникова «Материализм Спинозы» [Коников И.А., 1971].

ности названо «целью существования». Начиная с теории познания, Соловьев последовательно критикует скептицизм и позитивизм, утверждая как истинно сущее абсолютную основу всякого феноменального бытия, и далее, что «мы познаем истинно сущее во всем, что познаем». Таким образом, все существующее содержит в себе часть того единого, с чем мы на самом деле имеем дело в процессе познания, а именно — абсолютного первоначала, которое обладает положительной силой бытия, заключающее всякое бытие в себе.

Абсолютное первоначало, существование которого признает Соловьев, по сути является той самой субстанцией *causa sui*, которая являлась для Спинозы причиной существования всего бытия, и по своей природе являлась тем же самым бытием. Однако здесь мы не имеем дела с абсолютным заимствованием спинозовской идеи субстанции, и Соловьев достаточно четко проводит далее это разграничение, перенимая преимущества идей Спинозы и пересмысливая слабые стороны его философии. В частности, Соловьев писал в диссертации, как мы указывали ранее, на логическое противоречие, согласно которому субстанция как абсолютное первоначало и причина всех вещей, напротив, требует существования конечных вещей для собственного существования. Соловьев утверждает, что абсолютное первоначало «потому и свободно от всяких определений, что оно, всех их в себе заключая, не исчерпывается, не покрывается ими, а остается самим собой» [Соловьев В.С., 1999, с. 316], т.е., заключая в себе все бытие конечного мира, обладает собственным, отдельным бытием. Таким образом, Соловьев продолжает развитие собственной метафизической концепции.

Можно сделать поспешный вывод, что философский путь Соловьева начался с критики Спинозы, однако при углубленном анализе идей русского философа мы найдем более тонкое и основательное влияние Спинозы на развитие принципов философии Всеединства.

Всеединство

В метафизическом отношении Всеединство представляет собой полное соединение Творца и творения. Творцом является Бог, именуемый также абсолютно сущим, который в себе необходимо логически заключает три момента или проявляется в трех ипостасях, которым Соло-

вьев также дает определения, очевидно в своих построениях опираясь на христианскую тринитарную доктрину. Первым лицом абсолютно сущего является положительное ничто, или э(й)н-соф (здесь Соловьев напрямую берет термин из каббалы, которая в свое время оказывала влияние также и на Спинозу), — в христианской теологии соответствующая Отцу (оно же как сущее), которое является проявляющимся в себе бытием, потенцией; далее Логос — проявление абсолютного в другом (оно же как сущность); и возвращение проявляющегося к себе, утверждение себя как таковое, названное Духом Святым (оно же как бытие). Утверждать, что определение абсолютного сущего было полностью взято из христианской догматики, было бы неверным. В учении об абсолютно сущем также мы в большей или меньшей степени находим влияние идей немецких идеалистов, неоплатонизма и каббалы.

Абсолютно сущее обладает свободой, но оно в то же время подвержено необходимости. Но понятия необходимости и свободы не противоречат друг другу. Необходимость ограничивает свободу только в том случае, когда первая носит характер внешний, а внутренняя необходимость обусловлена смыслом. Бог необходимо всеблаг, и он необходимо свободен.

Однако абсолютно сущее не является по себе единственным началом, что значительно отделяет Соловьева от канонического учения о Троице, вернее сказать, для Соловьева ипостаси абсолютно сущего являются первыми тремя началами, четвертым же началом является так называемая первая материя. И первая материя, и абсолютно сущее, утверждает Соловьев, не обладают сами в себе бытием, но они в то же время не являются небытием, а следовательно, они представляют собой потенциальное бытие. «Но первый [абсолютное] есть положительная потенция, свобода бытия — сверхсущее, второй же, или материальный центр, будучи необходимым тяготением к бытию, есть его отрицательная непосредственная потенция, то есть утверждаемое или ошутимое отсутствие или лишение настоящего бытия. Но лишение бытия <...> есть влечение к бытию». Понятие первой материи нельзя отождествлять с материей в общем смысле слова, т. е. с данными эмпирически фактами опыта. Эта «материя» относится к внутреннему, психическому, субъективному [Соловьев В.С., 1999, с. 323].

Тварью, сотворенным миром является наш мир, однако этот мир не существует сам по себе, он уже обладает в себе (как и Бог имеет в себе) потенциально Всеединство, движение к которому разворачивается в историческом процессе.

Соловьев отходит от чисто идеалистического понятия материи как исключительно восприимчивости и инертности [Гутова С.Г., 2010, с. 16], которое характерно скорее для Платона (другого ключевого для Соловьева мыслителя), что направляет его мысль в сторону спинозовского понятия субстанции, т.е. разделения внутри нее природы производящей и природы производимой, которые вместе составляют сущность Бога-субстанции-природы. Одно без другого не может существовать, и Бог является имманентной причиной всех вещей, а не действующей извне, т.к. и Бог, и мир находятся в рамках одной (и единственной) субстанции [Спиноза Б., 2020], что противоречит каноническому христианскому понятию о сотворении мира и действии в нем Абсолюта, что не удивительно, поскольку сам Спиноза, при всем уважении к персоне Христа, христианином не был.

«Критика отвлеченных начал» (1880) продолжает пафос предыдущих работ, развиваясь в русле критического пересмотра текущих результатов развития западной философии и разъяснения вопросов эпистемологии, но нас более интересуют те выводы, которые делает Соловьев касательно метафизического начала, которые он развивает из теории познания. Радикально отвергаются мысли о том, что чувственное ощущение или логическое понятие могут быть сами по себе познаваемыми, — в процессе познания мы не познаем способы познания, чем ощущение и понятие являются, а то, к чему эти ощущения и понятия относятся, другими словами, что стоит за ощущением и понятием. Здесь также мы находим очень важную для нашего предмета исследования мысль, а именно, что «если понятие и ощущение суть два возможных образа или способа бытия познаваемого для нас, то само познаваемое, самый предмет нашего познания не заключается ни в том, ни в другом, ни в другом образе относительного бытия, не есть ни ощущение, ни понятие, <...> то есть сущее» [Соловьев В.С., 1999, с. 814]. Далее Соловьев утверждает, что то самое «безусловно сущее» есть во всяком бытии, познается во всяком познании, и без не-

го ничто не может быть познаваемо [Соловьев В.С., 1999, с. 820].

Развитие идеи Всеединства было необходимым для Соловьева, т. к. он не видел разные сферы человеческой жизни, деятельности и познания в разделении, без связи друг с другом. Это та идея, которая сделала метафизику необходимой частью этики, и наоборот.

София

Софиологическая проблема, являясь одной из центральных в философии Соловьева, в то же время осталась без окончательного решения, а именно учение о Софии (Премудрости (с греч.) Божией) не смогло стать стройной системой без противоречий и насаивания разных идей на одно понятие [Кузнецова В.В., 2013, с. 39]. По сравнению с каноническим христианским святоотеческим представлением о Софии Премудрости Божией, которая определяется исключительно как свойство второго лица Святой Троицы, предвечного Логоса, Сына [Серафим (Соболев), архиеп., 1993], для Соловьева София обладает гораздо большей самостоятельностью в метафизической системе мира, но не является отдельной ипостасью Божества, новым божеством или отдельной сущностью, на что сам Соловьев обращает внимание, избегая преждевременных обвинений в пантеизме и политеизме [Соловьев В.С., 1989, с. 108].

София, которая обладает достаточно большим количеством эпитетов и альтернативных названий, является божественной субстанцией, благодаря которой все как совокупность идей (эйдосов) пребывает в Боге, и Бог пребывает во всем. Это было бы самым общим определением. София также есть человечество во всей его совокупности, и в то же время объединяющее начало мира, которое стремится к соединению с творцом. «Владея ею, Бог владеет всем в ней; она есть полнота, или абсолютная всеобщность бытия, предшествующая всякому частичному существованию и превосходящая оное. Это универсальная субстанция...» [Соловьев В.С., 2024, с. 262]. Это общее определение, раскрытием которого мы займемся далее.

С первого взгляда может показаться, что София является отвлеченным понятием, критика которых была так важна для Соловьева в ранний период его творчества; сущностью, необходимость существования которой слабо обоснована. Однако, при всех своих противоречиях, София

занимает особое и важное место в философии Соловьева. Каким образом философ подводит нас к необходимости определения некоей сущности, обладающей единством во множественности? На самом деле, таким образом решается очень важная проблема метафизики, а именно произведение относительного абсолютным и их отношение.

Соловьев в одном из центральных произведений своей философии, «Чтениях о Богочеловечестве» (1881), проводит мысль следующим образом: в силу своей абсолютности Бог должен обладать всем и пребывать во всем, иначе он не может называться абсолютным. Однако пребывание в ограниченных единичных вещах и существах было бы также противоречиво. Соответственно, Бог должен пребывать во всем, сохраняя субстанциальное единство, но он не может быть во всем, поскольку лишился бы своего личного бытия. Соответственно, Бог в себе обладает саморазличием. Соловьев приходит к следующему выводу: «Итак, Бог как сущий находится в некотором отношении к своему содержанию или сущности: он проявляет или утверждает ее» [Соловьев В.С., 1989, с. 81]. Сущность Бога заключается во всем, т.е. в универсальности. Организм², выражающий универсальность и одновременно индивидуальность, включает в себе два единства: единство, сводящее множественность к себе, и множественность, сведенная к единству, т.е. производящее и произведенное, выражениями которых являются, соответственно, Логос и София, объединенные в личности Христа, в коем София является выразительницей единого обожествленного человечества. Более того, через обожествленное человечество к обожествлению, посредством Софии или в ней, может (а если следовать исторической философии Соловьева, должна) быть вознесена остальная природа, тварный мир.

В.С. Соловьев также дает достаточно подробное объяснение сущности Софии в сочинении «La Russie et l'Eglise Universelle», опубликованном на французском языке в 1889 г. В нем философ обращается к Ветхому завету, истолковывая образ Софии через книги Бытия и Притчей Соломоновых, обращаясь не только к смыс-

лу предложений из текстов, но также и к семантике употребляемых в древнееврейских текстах слов, таким образом показывая, что для Соловьева София была не столько познаваемым объектом, пусть и метафизическим, — для него она была чем-то вроде крайне утонченной материи, которая является одной из основ мира, Началом (rē'sīth, если транскрибировать древнееврейское слово רֵשִׁית); т. е. в книге Бытия начало это не просто наречие, обозначающее отношение ко времени, а сущность (а именно, Бог сотворил весь мир в Начале, или в Премудрости). В том же сочинении Соловьев вводит понятие души мира, «антитип существенной Премудрости Божией», которая является первой материей сотворенного мира [Соловьев В.С., 2024, с. 271]. Душа мира обладает собственным характером и желаниями: в частности, она желает истины, и на это желание Бог отвечает. Максимально упрощая здесь, посредством трех энергий — хаотического стремления и стремления к единству, а также ответным движением Божественного слова, начался процесс творения (описанные события происходят по идее еще до начала библейского творения мира).

В логике всеединства София занимает одно из ключевых мест. Она выступает как бы проводником между абсолютным началом и нашим миром, осужденным на бранный материальное существование в хаосе разделенности. Однако не материя сама по себе является злом, а именно разобщенность многообразия элементов, из которых составлен мир. София выступает в этой системе промежуточным элементом, объединяющим абсолютно сущее и тварный мир, и сама является единством обожествленного через человека тварного мира с Богом.

Подводя итог этому пространному описанию метафизических воззрений Соловьева, стоит отметить, что, несмотря на сильнейшее влияние христианской теологии (принято именно Соловьева называть родоначальником течения христианской философии в России), его метафизика развивается альтернативным путем: Соловьев не идет по протоптанной дорожке догматов, а освещает обочины этой дороги. Следует обратить внимание, что через несколько основных произведений философа, характеризующих разные периоды его работы, проходят несколько повторяющихся мыслей, хотя и подвергаемых переработке и доработке.

² Организм (божественный) в данном примере обозначает множество, в котором элементы относятся к целому и друг к другу.

В первых произведениях Соловьев, далее фактически не изменяя, утверждает необходимость различения трех начал, или трех лиц, в абсолютном, определяя их как сущее, сущность и бытие. Абсолютное сущее обладает в себе всем и в то же время не является чем-то конкретным, т.е. ничто, оно и положительное единство, и положительное ничто. Первый центр — безусловное единство, которое выше всякого бытия, второй — множественность и потенция бытия. Соответственно, абсолютное существует как таковое и содержит в себе все, что впоследствии находит свое содержание в творении, потенция к множественности разворачивается, чтобы уже в более совершенной форме стать единым.

Соловьев отходит от традиционного разделения между абсолютным сущим и творением, решая тем самым проблему отношений абсолютного-относительного, или даже идеального-материального не с теологической, а с философской точки зрения. Мы видим, что Соловьев не до конца разделяет христианское представление о сотворении мира и взаимоотношении Творца и творения, в то же время не уклоняясь в чистый монизм, вводя промежуточный элемент, который, являясь объединяющим, сам в то же время разделяется на два момента — творящий и сотворенный, что выступает необходимым допущением ради возможности контакта и последующего объединения.

Ту же проблему пытался решить и Б. Спиноза, вводя понятие субстанции как причины себя, которая объединяет в себе материальный и идеальный моменты, решая тем самым вопрос о происхождении одного из другого и соотношении этих категорий. Соловьев, конечно, вводя объединяющий элемент в метафизическую систему, решал не только эту проблему, однако нет оснований отказаться от утверждения, что, размышляя над абсолютно сущим и первой материей, относящихся к одной субстанции, или над Софией как творящей Премудростью Божией и Софией как творимой душой мира, Соловьев вдохновлялся именно спинозовской субстанцией как единством и первоначалом.

Пантеизм и Субстанция

Как уже было сказано, философию Спинозы воспринимали по-разному, обнаруживая в ней как пантеистические мотивы, так и движение в сторону материализма и атеизма. И все же, при

обращении к метафизике Спинозы понимание Бога в привычном смысле может ввести в заблуждение. В самом деле, философ не отказывался от идеи абсолютного, чтобы освободить мысль от решения проблемы абсолютного и относительного. Он пошел другим путем, а именно экстраполировал понятие абсолютности на все — крайне элегантное решение. Таким образом, Спиноза отворачивается от традиции трансцендентного абсолютного, которое воспринимает и христианство, и иудаизм, к имманентному. Подобные воззрения появлялись в философии и раньше. Говоря о европейской философии, намеки на пантеистические воззрения, при должном усердии, можно обнаружить и в учениях представителей Милетской школы, неоплатоников, позднее — у таких христианских богословов, как Мейстер Экхарт и Николай Кузанский. Но Спиноза является ключевой фигурой в становлении пантеизма как системы. Стоит согласиться с П.Д. Юркевичем, который писал, что Спинозу нельзя отнести ни к одному из двух направлений: «Ни идея не определяет предмета, ни предмет не определяет идеи; идеализм и материализм равно неосновательны» [Юркевич П.Д., 1990, с. 36].

Развивая свои положения в этике, Спиноза построил в своих трудах собственную метафизику, так что эти две области философского знания оказались крепко связаны и взаимозависимы. В центре этой метафизики находится единая Субстанция, или Бог, или природа, — термины, служащие для Спинозы как определения абсолютного сущего, начала и причины всего [Спиноза Б., 2022, с. 37], и на этих категориях нам предстоит остановиться подробнее. Субстанция может быть только одна, поскольку только она сама в себе все заключает, и ничего не может быть вне нее, поскольку это привело бы к необходимости существования еще одной субстанции, что невозможно по определению [Спиноза Б., 2020].

Бесконечная субстанция выражается в бесконечном количестве атрибутов, которые выражают ее сущность. Определение атрибутам дал еще Декарт, и в этом плане Спиноза во многом развивает его положения, но во многом переосмысляет [Shein N., 2023]. Как следует из теоремы 9 Ч. I, чем более какая-либо вещь имеет реальности или бытия (*esse*), тем более присуще ей атрибутов. Бесконечное же число атрибутов (т.е., видимо, и те, которые мы не мо-

жем помыслить) присуще Богу, соответственно, он обладает абсолютным бытием. Человек может мыслить только в рамках двух из них — мышления и протяженности соответственно, потому что он сам является модусом этих атрибутов в виде души и тела [Спиноза Б., 2020]. Под протяженностью понимается физическое измерение, или пространство. Таким образом, всякое эмпирическое познание, всякий естественнонаучный эксперимент будет способом познания субстанции в ее атрибуте протяженности. Для познания субстанции в атрибуте мышления душой образуется идея. Согласно теореме 7 Ч. II, «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей», из чего следует, что атрибуты находятся между собой в единстве. Из этого следует и то, что вещь относится к одной субстанции, так и то, что модус протяжения и идея этого модуса составляют одну и ту же вещь, выраженную разными способами [Спиноза Б., 2020, с. 72]. Исходя из этого, Спиноза допускает возможность полностью механистического объяснения явлений в мире, поскольку не требуется обращаться к какой-либо идеальной причинности — требуются только свойства модуса протяжения [Shein N, 2023].

Внутри единой природы Богом порождается мир модусов (единичных вещей), таким образом, сохраняется субстанциальное единство между Творцом и творением. В модусах выражается материальный мир, и человек в своей познавательной деятельности имеет дело именно с модусами. Поскольку логически необходимо разделять мир модусов так, чтобы он в то же время оставался частью природы, Спиноза проводит «пунктирную черту» внутри субстанции таким образом, что творящий момент является природой, но творящей (*natura naturans*), а сотворенный момент, т.е. модусы, оставаясь той же субстанцией, являются сотворенными (всеобщая порожденная природа, *natura naturata*). Здесь мы также, как и в ситуации с атрибутами субстанции, сталкиваемся с разделением на материю и идею, хотя, по Спинозе, количество модусов бесконечно, но человеку доступны только два — движение в материи и разум в мыслящей вещи; они существовали в вечности и останутся навеки неизменными. [Спиноза Б., 2022, с. 50].

Стоит обратить внимание на категорию свободы в метафизике Спинозы. В «Этике» следу-

ет привести следующие суждения: 1) из определений к части I: «Свободой называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости своей собственной природы и определяется к действию только сама собой. Необходимой же или, лучше сказать, принужденной называется такая, которая чем либо иным определяется к существованию и действию по извешному и определенному образу» [Спиноза Б., 2020, с. 8]; 2) также находим в Теореме 17 той же части: «Бог действует единственно по законам своей природы и без чьего либо принуждения» [Спиноза Б., 2020, с. 31]. Свобода, другими словами, это возможность самоопределения согласно собственной природе, т.е. отсутствие принципа причинности — *causa sui*. Спиноза четко разделяет свободу и волю, и даже противопоставляет их. Воля представляет собой лишь один из модусов мышления, т.к. она всегда определяемая другой причиной. И потому, что воля нуждается в причине, она не может определять образ действий Бога, т.к. он сам есть своя причина, а не что-либо другое, соответственно (это выражение может показаться противоречивым), Бог не действует по свободе воли [Спиноза Б., 2020]. Бог вообще не есть личность, его следует понимать как принцип устройства вселенной, как природу в узком смысле, как источник. Таким образом, субстанции свойственна свобода, поскольку определяется собой, однако к субстанции можно отнести несколько свойств, определяемых как необходимость; например, субстанция необходимо бесконечна, из нее вытекают бесконечное число модусов, более того, субстанция, или Бог, необходимо существуют [Спиноза Б., 2020]. Но это не принуждающая необходимость, а логическая, другими словами, смысловая, или сущностная.

Восприятие и переосмысление

Ознакомившись с основными положениями двух философов, мы можем перейти к сравнению с целью определить, насколько было сильно (и вообще имело ли место) влияние метафизики Спинозы на философию Соловьева. Беря во внимание уже сказанное об их общности, прежде всего стоит отметить, что даже сложно определить, к какому философскому «лагерю» обоих мыслителей можно отнести, и в этом, на наш взгляд, раскрывается общая канва рассуж-

дений двух философов — они похожи в своей оригинальности.

Определяя в мире абсолютное, в поисках его непреложного основания, Соловьев и Спиноза отказываются признавать за тем или иным аспектом бытия абсолютность, стремясь их объединить. Это мы наблюдали у Спинозы, для которого и все материальные объекты, и идеи суть модусы субстанции, это нашло свою определенную рода преемственность у Соловьева, который вводит свою субстанцию, оставаясь на христианской почве, и этой субстанции, Софии, назначает роль быть связующим моментом между абсолютным сущим и миром.

Итак, утверждение единства между Богом и миром, их неразрывность — основополагающая черта двух метафизиков, но обоснования этого единства для Спинозы и Соловьева разные. Для Спинозы единство носит характер непреложного принципа устройства мира, все явления мира выражаются как свойства субстанции, и ничего не может существовать вне ее. Это единство вечно, как и происхождение мира, оно вневременно, поскольку у законов природы не может быть ограничения во времени. Проще говоря, никто не был Творцом и ничто не было творением, но в природе субстанции содержится различие на природу творящую и природу сотворенную, и это разделение сущностное. Вечно существует субстанция, вечно из нее происходят модусы. Соловьев сам справедливо указывал, что понятие Бога у Спинозы больше походит на обоснование общего абсолютного принципа, а не Бога как личности. Вообще, имеются основания предполагать, что слово «Бог» было отождествлено с субстанцией по инерции или по необходимости; таким образом Спиноза пытался приблизить свою конструкцию к понятиям современников.

У Соловьева, в свою очередь, мы не видим того же монизма, который присущ Спинозе; утверждение единства Бога и природы заключало бы в себе коренное противоречие с христианской космологией. Тем не менее, Соловьев подчеркивает необходимость различия в абсолютном сущем двух полюсов/сторон, которые выражают единство и множественность, а множественность (*materia prima*), в свою очередь, выражается идеей [Соловьев В.С., 1999, с. 325]. Мы не находим здесь и воспроизведения спинозовского учения об атрибутах, в ко-

торых познается абсолютное, — им просто не могло бы найтись места.

Характерным для обоих философов является и представление о свободе, которая понимается как возможность действовать в соответствии со своей природой, но, с другой стороны, эта возможность все же ограничена необходимостью. Но различной была их интерпретация такой категории, как идея. Для Спинозы идея была вторичной, она не является той частью истинного мира эйдосов, как, например, у Платона. Соловьев же именно идею наделял понятием сущности, идея для него была истинным и совершенным существованием.

Влияние идей Спинозы более четко прослеживается в учении Соловьева о Софии. София является своеобразной попыткой примирения пантеизма и христианского дуализма — двух важных для Соловьева тем. Божественная Премудрость содержит в себе многие характерные черты субстанции Спинозы. Прежде всего, она обладает субстанциональным единством с Богом, не являясь новым Богом или другой ипостасью, но в то же время она не является тварной природой как таковой, или не является ей только лишь. Соловьев наделяет ее совершенно особенной сущностью. Она является множественностью равных частей в единстве, которые содержатся в ней как идеи, единством божественной и тварной природы. Еще одно характерное различие заключается в том, что София не производит самостоятельно предметы творения, но воспроизводит их, обожествляя материю и воплощая в мире Божество, которым выступает Логос. Для того, чтобы оставаться на почве христианской теологии, хотя в то же время смело выглядывая за ее границу, Соловьев выражает субстанциальное единство не в самом абсолюте, но как бы на ступеньку ниже, увеличивая разделение между Богом и миром, но в то же время заполняя его новой субстанцией, имя которой София. Переводя на язык Спинозы, София является воспроизведением субстанции в миниатюре, с различием в ней природы творящей и природы сотворенной, но она не включает в себе тех признаков субстанции, которые принимает на себя независимое Божество как таковое, и здесь находится место вполне канонической Троице, которая у Соловьева также представлена. Или же можно сравнить Софию с подобием спинозианского атри-

бута мышления, который содержит в себе все идеи³. Может показаться, что Соловьев оперирует тем же категориальным аппаратом, переформулированным в христианском духе, однако это не так. Он именно что переосмысляет выдвинутые Спинозизмом положения, и здесь нельзя говорить о прямом заимствовании.

Подводя итоги, можно вывести следующие суждения. Мы можем проследить некоторые общие черты, которые обнаруживаются и у Спинозы, и у Соловьева. С уверенностью можно сказать, что эти мыслители развивают свою метафизику в общей канве, основополагающим принципом которой является необходимость решения, казалось бы, на первый взгляд, парадоксальной задачи, — соединения понятий единства и множественности. Для Спинозы мир един в Боге, и более ничего не требуется. Но у Соловьева прообразом субстанции, заключающей в себе единство, является София, Душа мира. Для Соловьева было важно развитие именно христианской философии, и влияние религии на его концепцию ощущается гораздо сильнее, чем в случае Спинозы, который не столько подвергался влиянию религии, сколько разрабатывал собственную рационалистическую (вернее сказать, геометрическую) теологию. И это стало главной причиной различий в понимании единства мира в абсолюте, которое в итоге было обоими мыслителями понято по-разному.

Заключение

Бенедикт Спиноза и Владимир Соловьев — это два философа, которые при первом приближении вряд ли смогли бы встать в каком-либо списке рядом или хотя бы в одной группе. Их отличает и время жизни, и разница во взглядах и вероисповедании, и национальность. Тем не менее, при более внимательном рассмотрении мы можем найти довольно много общих черт. Спиноза оказал значительное влияние на развитие философии не только в Новое время, его влияние ощутил и В.С. Соловьев, хотя, безусловно, нельзя говорить о воспроизведении или копировании тех или иных идей. Система Спинозы подверглась глубокому анализу, и, возможно, именно это внимательное отношение к его философии позволило Соловьеву со-

здать оригинальную и сложную систему метафизики, которая вобрала в себя наиболее значительные и существенные черты Спинозизма, и поэтому философия всеединства может считаться частью того же направления, в котором развивалась в свое время философия субстанции. Всеединство, тем не менее, в представлении Соловьева было гораздо шире, оно включало в себя не только метафизику, но и этику, эстетику и гносеологию, понятия об общественном устройстве и идею церковного единства. Но без развития теории о первоначальной природе бытия последующие рассуждения Соловьева казались бы безосновательными. И именно множественность в единстве как необходимое условие стала для двух мыслителей общей целью.

Список литературы

- Бальтазар Г.У. фон.* Владимир Соловьев / пер. с нем. О. Хмелевской. М.: Изд-во ББИ, 2023. 143 с.
- Гутова С.Г.* Основания метафизики в философии всеединства Вл.С. Соловьева // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2. С. 11–18.
- Конилов И.А.* Материализм Спинозы. М.: Наука, 1971. 268 с.
- Кузнецова В.В.* София как образ вечной женственности в философии В.С. Соловьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 38–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2013-13-2-38-42>
- Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 608 с.
- Серафим (Соболев), архиепископ.* Защита Софианской ереси протоиереем С. Булгаковым пред лицом Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви. 2-е изд. Афонского Русского Св.-Ильинского Скита. Jordanville, NY: Тип. преп. Иова Почаевского, Св.-Троицкий монастырь, 1993. 310 с.
- Соловьев В.С.* Понятие о Боге. В защиту философии Спинозы // Вопросы философии и психологии. 1897. Год VIII, кн. 3(38). С. 383–414.
- Соловьев В.С.* Россия и Вселенская Церковь / пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Амрита-Русь, 2024. 368 с.
- Соловьев В.С.* Философское начало цельного знания. Минск: Харвест, 1999. 912 с.
- Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 3–172.

³ Но, конечно, отождествление не будет полным, т.к. София не может быть сущностью/ипостасью божества.

Спиноза Б. О Боге, человеке и его счастье: трактаты / пер. с гол. под ред. А.И. Рубина; пер с лат. М.М. Лопаткина. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. 448 с.

Спиноза Б. Этика / пер. с лат. Н.А. Иванцова. М.: РИПОЛ классик, 2020. 396 с.

Юркевич П.Д. Идея // Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. С. 9–68.

Shein N. Spinoza's Theory of Attributes // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. 2023. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/spinoza-attributes/> (accessed: 14.12.2024).

References

Balthasar, H.U. von (2023). *Vladimir Solov'ev* [Vladimir Solovyov]. Moscow: BBI Publ., 143 p.

Gutova, S.G. (2010). [Foundations of metaphysics in the philosophy of all-unity by V.S. Solovyov]. *Vestnik Nizhnevarovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevarovsk State University for the Humanities]. No. 2, pp. 11–18.

Konikov, I.A. (1971). *Materializm Spinozy* [Spinoza's materialism]. Moscow: Nauka Publ., 268 p.

Kuznetsova, V.V. (2013). [Sophia as an image of eternal femininity in the philosophy of V.S. Solovyov]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 13, iss. 2, pp. 38–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2013-13-2-38-42>

Losskiy, N.O. (2018). *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Azbuka-Attikus Publ., 608 p.

Seraphim (Sobolev), Archbishop (1993). *Zaschita Sophianskoy eresi protoiereem S. Bulgakovym pered litsom Arkhiereyskogo sobora Russkoy Zarubezhnoy Tserkvi* [Defense of the Sofian heresy by Archpriest S. Bulgakov before the Council of Bishops of the Russian Church Abroad]. Jordanville, NY: Printing house of St. Job of Pochaev, Holy Trinity Monastery, 310 p.

Shein, N. (2023). Spinoza's theory of attributes. *E.N. Zalta, U. Nodelman (eds.) The Stanford encyclopedia of philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/spinoza-attributes/> (accessed 14.12.2024).

Solovyov, V.S. (1897). [The concept of God. In defense of Spinoza's philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Issues of Philosophy and Psychology]. Year VIII, book 3(38), pp. 383–414.

Solovyov, V.S. (1989). [Lectures on Godmanhood]. *Solov'yev V.S. Sochineniya: v 2 t.* [Solovyev V.S. Works: in 2 vols]. Moscow: Pravda Publ., vol. 2, pp. 3–172.

Solovyov, V.S. (1999). *Filosofskoe nachalo tsel'nogo znaniya* [Philosophical principle of integral knowledge]. Minsk: Kharvest Publ., 912 p.

Solovyov, V.S. (2024). *Rossiya i Vselenskaya Tserkov'* [Russia and the Universal Church]. Moscow: Amrita-Rus' Publ., 368 p.

Spinoza, B. (2020). *Etika* [Ethics]. Moscow: RИPOL classic Publ., 396 p.

Spinoza, B. (2022). *O Boge, cheloveke i ego schast'e: traktaty* [On God, man, and his well-being: treatises]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ., 448 p.

Yurkevich, P.D. (1990) [Idea]. *Yurkevich P.D. Filosofskie proizvedeniya* [Yurkevich P.D. Philosophical works]. Moscow: Pravda Publ., pp. 9–68.

Об авторе

Мухрянов Александр Александрович
студент направления «История»

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
614070, Пермь, ул. Студенческая, 38;
e-mail: muhranovaleksandr36@gmail.com
ResearcherID: LZI-7632-2025

About the author

Aleksandr A. Mukhianov
History Student

HSE University,
38, Studencheskaya st., Perm, 614070, Russia;
e-mail: muhranovaleksandr36@gmail.com
ResearcherID: LZI-7632-2025

УДК 141.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-63-75>

EDN: EXAOET

Поступила: 09.08.2024

Принята: 27.01.2025

Опубликована: 10.04.2025

ФИЛОСОФИЯ «ПОЗИТИВНОЙ» ДЕКОНСТРУКЦИИ ЖАКА ДЕРРИДА

*Купарашвили Мзия Джемаловна**Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)*

Можно сказать, что в активном, положительном ключе понятие и механизм деконструкции почти никогда не анализируются. Негативный пафос понятия, который лежит на поверхности, вводит в заблуждение, и не сразу заметно, что оно описывает реальное положение мира, сложившегося раньше. В данном контексте понятия «деконструкция», «децен-трация», «деструктурация» составили инструментальную базу формирования категориального аппарата, позволяющего передать новое видение и отношение к человеческому универсуму. Принципиально иное отношение к понятию «письмо», история письма, ретроспективный взгляд на него открыли возможность увидеть его с другой стороны, а поскольку письмо — основание всего того, что составляет культуру, концепт Деррида повлек за собой действительно грандиозную трансформацию мировоззрения современника. Экспликация известных метафизических терминов потребовала не столько новую интерпретацию, сколько радикальное их разрушение, развенчивание как фантомов сознания и введение не просто неожиданной, но и крайне неудобоваримой терминологии для передачи оригинальных оттенков мысли о действительности. Деррида яснее всех постмодернистов видит незавершенность фазы развития, что требует некоторого времени для итогового эффекта. Данное обстоятельство, пропитанное случайностью, рассматривается им как достаточное основание легитимности игрового характер языка. Обнаружение нового вида знаков, в прямом смысле молчаливых (пауза, след, отпечаток, различание), неучтенных прежней семиологией, позволяет Деррида практически строить основы новой метафизики, что не мешает яростно критиковать ее. Очевидно, что размышления Деррида не покидают границы философии, а его концепт деконструкции оказался отличным способом философствования, который доносит до читателя невыразимые, не артикулируемые до него мысли.

Ключевые слова: письмо и первописьмо, присутствие, деконструкция, различение и различание, знак, след и отпечаток, язык и текст, структура и квазиструктура.

Для цитирования:

Купарашвили М.Д. Философия «позитивной» деконструкции Жака Деррида // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 63–75. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-63-75>. EDN: EXAOET

JACQUES DERRIDA'S PHILOSOPHY OF «POSITIVE» DECONSTRUCTION

Msiya G. Kuparashvili

Dostoevsky Omsk State University (Omsk)

It can be said that the concept and mechanism of deconstruction are almost never analyzed in an active, positive way. The negative pathos of the concept, which lies on the surface, is misleading and prevents from noticing that it describes the real situation of the world that developed earlier. In this context, the concepts of «deconstruction», «decentralization», and «destruction» constitute the instrumental basis for the formation of a categorical apparatus that allows us to convey a new vision and attitude to the human universe. A fundamentally different attitude to the concept of «writing», the history of writing, and a retrospective look at writing opened up the opportunity to see it from the other side. Furthermore, since writing is the foundation of everything that makes up culture, Derrida's concept entailed a truly grandiose transformation of the contemporaries' worldview. The explication of well-known metaphysical terms required not so much a new interpretation as their radical destruction, their debunking as phantoms of consciousness, and the introduction of not just unexpected, but extremely indigestible terminology to convey the original shades of thought about reality. Of all postmodernists, Derrida has the most clear vision of the incompleteness of the development phase, which requires, which requires some time for the final effect. He considers this circumstance, saturated with chance, as a sufficient basis for the legitimacy of the game character of language. The discovery of a new kind of signs, literally silent ones (pause, trace, imprint, distinction), unaccounted for by previous semiology, allows Derrida, in actual fact, to build the foundations of a new metaphysics, which, however, does not prevent Derrida from fiercely criticizing it. Obviously, Derrida's reflections do not leave the boundaries of philosophy, and his concept of deconstruction turned out to be an excellent way of philosophizing that conveys to the reader thoughts that had not been expressed and articulated before Derrida.

Keywords: writing and arche-writing, presence, deconstruction, distinction and discrimination, sign, trace and imprint, language and text, structure and quasi-structure.

To cite:

Kuparashvili M.G. [Jacques Derrida's philosophy of «positive» deconstruction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 63–75 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-63-75>, EDN: EXAOET

Тот факт, что человеческое бытие протекает не столько в реальном, естественном мире, сколько в отрефлексированной и артикулированной действительности, в языке, письме и знаковых системах, становится достоянием осознанной интерпретации лишь в узких рамках постструктурализма и постмодерна. Понимание данного факта не могло не сопровождаться определенным скепсисом и разочарованием, что, в свою очередь, порождает индифферентность и весьма специфическое чувство иронии. Принадлежащая собственно человеку действительность

резко сократилась до его собственных мыслей и представлений о существующем независимо от него мире. Обнаружение автономности моделирующей способности языка наводило на неприятные мысли об утрате средств выражения и волеизъявления. Однако непреложность факта обязывала когнитивные способности человека находить противоядие, способы сопротивления для возврата утраченной позиции управления и статус-кво создателя. Безусловно, что деконструкция и децентрация, рассеивание и атомизация знаковых систем пока де-

монстрируют лишь отрицательные картинки, но в определенном смысле это является способом обуздания не только данности буквы и звука, но и институциональной произвольности социального кода и возможности разворошить бессознательные основы кодификации.

Постмодерн безнадежно изменяет время. Прежние способы изложения смысла потеряли актуальность, утратили способность цеплять, возбуждать живой интерес, соблазнять ум и завладеть интеллектом современника. Все стало привычно, пресно, обыденно. Устойчивые языковые и смысловые конструкции обнаружили чопорность и косность, из носителей актуальных живых измышлений превратились в слепые монументы незыблемых догматов. Отсюда желание описать, обозначить и выяснить значение неучтенных до сих пор *пустых мест* в языке, письме, тексте, которые прежние термины «знак», «символ», «слово», «понятие» категорически не могли выразить. Демонстрация сущности указанных понятий потребовала введения нового категориального аппарата с преднамеренным эффектом разрушения, рассеивания и деконструкции. Цель предложенной работы — показать вполне положительное значение постструктуралистской практики на основе работ Жака Деррида, несмотря на очевидный негативный флер направления. Кроме того, погружение в философию Деррида делает очевидной нецелесообразность критики метафизики, т.к. сам процесс критики становится примером весьма оригинальных метафизических рассуждений. Безусловно, о постструктурализме и о столь ярком авторе, как Деррида, многое уже сказано, бесконечное число комментаторов и аналитиков, казалось, не оставили темных мест в его творчестве (М. Аар, Н.С. Автономова, Р. Бергнт, Е. Бехлер, Р. Витцлер, Е. Гурко, А.В. Дьяков, И.П. Ильин, Э. Истхоуп, Дж. Келлер, К. Норрие и мн. др.). Однако нас интересует тот реальный эффект его деконструкции, который открывает пространство для оформления новой онтологии. Автор пытался показать конечность и ограниченность постструктуралистской программы и выход за ее пределы самого концепта деконструкции, который формирует доступ к бесконечно широкой проблематике в условиях антропологического перехода.

Как философ и литературовед Ж. Деррида не самый понятный мыслитель, в нем слишком много французского, не только снобизма и эстетизма, но и откровенной интеллектуальной заносчивости, что сильно затрудняет восприятие его бесспорно гениальных мыслей. Многие философы признавались в нежелании читать и понимать весьма вычурно и запутанно сформированные рассуждения. Так, Франклин Анкерсмит в интервью Э. Даманска говорит: «Я перестал понимать Деррида, начиная с его *Glas*. Я искренне пытался прочесть несколько его более поздних книг, но обнаружил, что неспособен ничего в них понять. С этого времени его работы стали такими непроницаемыми и такими неудобоваримыми, что я утратил мужество и желание отыскать в них какое-либо полезное послание» [Даманска Э., 2010, с. 116]. Есть упреки и к его не всегда очевидным спекуляциям: «Деррида словно опасается, как бы не звучал его авторский “голос”. При этом, комментарии Деррида, которые составляют самую суть его философии, строго говоря, не вполне добросовестны. Он “играет” на неточностях перевода <...> и эта спекуляция позволяет ему прочесть текст так, как ему удобно, немало не интересуясь замыслом автора. <...> Эти опасности подстерегают читателя Деррида на каждом шагу и, по-видимому, свои ловушки он расставляет вполне осознанно» [Дьяков А.В., 2008, с. 207]. Тем не менее, факт огромного влияния Деррида на современную философию, лингвистику, литературоведение, политику, культуру более чем очевиден. Введенный Деррида концепт деконструкции надолго определил литературу и лингвистику и практически не выходит из философской моды. Пробравшись через «изысканное и тонкое издевательство над читателем, здравым смыслом, традицией и господствующими представлениями, ниспровержение общественных ценностей, паразитирование на классических текстах» [Деррида Ж., 2000b, с. 4], мы обнаружим радикальное разворачивание исследовательской базы как в лингвистике, так и в философии и культуре. Его оригинальные взгляды на письмо актуализируют понятия «старой» метафизики с немыслимой для нее стороной и служат не только пространством дискурсивных игр, но и прощупывают потенциал иного взгляда на мир.

Знак, различАние и след

Принципиально иную науку о письме Деррида называет грамматологией, и это новый этап в понимании письма. Он становится возможным лишь как результат замещения понятия «язык» понятием «письмо», что позволило письму перестать быть «убогой вторичностью» и описывать само движение языка. Деррида пишет: «Вторичность, которую всегда считали признаком письма, на самом деле относится ко всякому означаемому как таковому — причем это происходит “всегда-уже” (*toujours d’йja*), с самого начала игры ... Возникновение письма есть возникновение игры» [Деррида Ж., 2000а, с. 120]. Именно данное прочтение письма разрушало понятие «знак» и его логику. Письмо перестало быть вторичностью благодаря тому, что его новое прочтение тесно связалось с возникновением игры. И это не удивительно: понятие языка постоянно расширялось, что размывало его границы, рано или поздно мы должны были добраться до степени обструкции и аннулирования. Многозначность артикуляции языка — звуки, слова, голос, слух, дыхание, речь — прикрывает нечто более важное и фундаментальное, чем письмо, и это — *первописьмо*, которое Деррида вводит не в хронологическом, а в феноменальном значении. В свое время спорное утверждение о том, что письмо предшествует фонетическому языку (на что в середине XX в. настаивали советские лингвисты И. Мещанинов и Н. Марр) (см. [Купарашвили М.Д., 2022]), практически было прикрытием или маской как раз первописьма. Деррида поясняет: «Преимущество звука (*phone*) не есть следствие выбора, которого можно было бы избежать. Оно отвечает определенному моменту», слушать собственную речь посредством звуковой субстанции — это та система, которая сложилась начиная с XVII в. и господствовала в эпохе рационализма, породила идею различия между идеальным и неидеальным, всеобщим и невсеобщим, трансцендентальным и эмпирическим и т.п. [Деррида Ж., 2000а, с. 121]. Все это свело письмо к вторичной, инструментальной функции, «к технике на службе языка, к роли передатчика и истолкователя недоступной истолкованию изначальной речи» [Деррида Ж., 2000а, с. 121]. Деррида утверждает, что язык, который всегда был разновидностью письма,

заставил нас забыть об этом, и что в этом виновата логоцентрическая метафизика, научная парадигма мышления, которая только сейчас, после трехсот лет господства, выдыхается. Сегодня смерть книги возвещает о смерти речи и о кардинальных изменениях в истории письма, в истории как письма. «“Языком” стали называть действие, движение, мысль, рефлекссию, сознание, бессознательное, опыт, аффективность и др. А теперь стали называть все это и многое другое словом “письмо”» [Деррида Ж., 2000а, с. 122]. Оригинальное отношение письма и речи утверждает необходимость их высветления путем деконструкции исторических и лингвистических связей между ними.

Совершенно справедливое убеждение постструктуралистов в том, что сознание не дано самому себе в качестве объекта присвоения, в работах Деррида получает весьма оригинальную экспликацию. Мир есть произвольная данность сознанию, которое, соответственно, не имеет никакой направленности. Письмо, которое создает смысл, оказывается несвязанным ни с присутствием и наличием, ни с логикой. Принятое по умолчанию тождество логоса и голоса, единства знака и смысла Деррида объявляет фундаментом фоноцентризма, на который, в свою очередь, выстраивается логоцентрическая метафизика, определяющая смысл бытия как «присутствия». Осознание того факта, что у человека отсутствует привилегированный, прямой доступ к объективной (независящей от него) реальности, приводит к пониманию *наличия посредника* между человеком и истиной о мире. Причем, по мнению Ж. Деррида, посредников — большое количество, и они все расположились в сфере языка и предстают в виде ступеней, каждая из которых представляет собой *след* предыдущей ступени. Отличаются они друг от друга *различием*, которое Деррида называет «*различАнием*». Способом осуществления «различАния» является письмо. Письмом считается любая форма записи следов-посредников: все способы и виды установления артикуляции — гравировки, насечки, нарезки и т.д. — есть письмо. Всякий знак — устный и письменный — является знаком знака, следом следа, каждый из них — звено-посредник в бесконечной цепи отсылок. Сама наука возникла в определенную эпоху истории письма как опосредующая ступень между

человеком и истиной о мире и, соответственно, является следом предыдущих состояний. «Только когда письмо *погибло* как знак-сигнал, оно рождается как язык; тогда оно говорит то, что есть, отсылая тем самым лишь к себе, к знаку без значения, игре и к чистому функционированию, ведь оно больше не *используется* как естественная, биологическая или техническая информация, как переход от одного сущего к другому, от означающего к означаемому» [Деррида Ж., 2000b, с. 21–22]. Иначе говоря, письмо, язык и речь следует не только представить как единый предмет анализа, но и попытаться создать правила, закономерности работы этого единства как результативной процедуры нового способа присвоения реальности. Слишком обширные границы, которые маячат перед исследователем на входе в проблему и пугают и обнадеживают, однако путь одолеет идущий.

Подобное слишком живое, щемящее чувство начала чего-то неизвестного можно считать основной чертой работ Деррида, и это можно легко продемонстрировать на примере определения предмета грамматиологии. Целенаправленно заменяя понятие «семиология» в фразе Ф. де Соссюра, Деррида поясняет предметность новой науки грамматиологии, и это лучшее объяснение: «...мы назвали бы ее [грамматиологией] <...> Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, какая она будет; но она имеет право на существование, а ее место определено заранее. Лингвистика — только часть этой общей науки: законы, которые откроет [грамматиология], будут применимы и в лингвистике» [Деррида Ж., 2000a, с. 173]. Другими словами, Деррида видит грамматиологию в качестве общей и целостной науки о письме вообще, в которой все остальные обозначения речи являются его (письма) проявлением. По мнению Деррида, это стало абсолютно очевидно после того, как транслингвистика Р. Барта [Барт Р., 2008] заставила понять, что лингвистика исторически была подчинена логоцентрической метафизике, для которой не существует иного смысла, кроме «именованного».

РазличАние

В качестве термина исключительно важного значения, понятие «различАние» у Деррида появляется как неологизм (сам Деррида предпочитает называть его неографизмом) на базе разли-

чия двух французских слов «différence» и «différance». Он пишет: «В узусе нашего языка окончание на -ance остается неопределенным между активным и пассивным. И мы увидим, почему то, что позволяет обозначать себя посредством “различения”, не выступает ни попросту активным, ни попросту пассивным» [Деррида Ж., 1999, с. 177]. Другими словами, Деррида не хватило степени активности статуса понятия «différence» (различение). Термин «различАние» (différance) впервые появляется в работах 1967 г. и после неоднократно уточняется его значение. В труде «Голос и феномен» (1967) Деррида настаивает, что этот неографизм не есть ни слово, ни понятие, а представляет собой «тихую графическую интервенцию», т. к. он пишется или читается, но не слышится. А поскольку негативные определения столь же ложны, как и позитивные, «различение» не зависит от присутствия или отсутствия.

Так, какова цель введения понятия?

Прежде всего, оно имеет прямое отношение к знаку. Знак заменяет предмет, который он обозначает, и регулярно замещает его в его отсутствии. Так он становится отсроченным присутствием, т.к. его «хождение», циркуляция в языке отсрочивает момент встречи с самим предметом. Более близкое рассмотрение этого замещения и предварения знаком предмета обнаруживает странное (потому как непредметное и необъяснимое) исконное различие: любое предыдущее значение и замещение может быть рассмотрено и как конечное, финальное значение, и как начальное. Другими словами, с трудом понимаемая роль и значение различия в языке, предстает совершенно понятным и необходимым «ингредиентом» в качестве возможности построить желаемый концепт. Таким образом, понятие «различение» как слово, которое ровным счетом не обозначает ничего, приобретает грандиозное значение в игрищах между означающими и их означающих. Они ведь различны?! Остается только придать различению активный статус процессуальности, для чего необходимо уйти от традиционного понимания «différence», ввести его аномальный (аномальный) аналог, которым так легко воспользоваться в качестве первоклассного психологического якоря, и который полностью очищен от всего предметного, даже от идеальной предметности. Соответственно, процесс как со-

бытие есть, и он фиксируется нашим мышлением, но это событие предстает перед мышлением как пустое множество. Но производит эффект! Если исходить из того, что данное обстоятельство — искомое, то «позитивный» смысл различания показывает, как легко в угоду выбранному концепту можно заложить основу нужной реинтерпретации тем и предметов мысли, на счет которых существует более традиционный взгляд. Эффект неожиданности разрушает не только стабильность системы, но и деконструирует эмоциональную сферу читателя.

На основе указанных размышлений, Ж. Деррида и вводит неографизм «различАние» (*différance*), которым обозначает не-данность всего во времени и пространстве как факта невозможности найти и зафиксировать окончательное значение, оно не предполагается и даже запрещается для правильного понимания различАния. Термин представляет собой весьма живую демонстрацию мира, постоянно находящегося на грани «исчезновения». По словам самого Деррида, он постарался воплотить в термине «связка» различные пути для реализации введенного неографизма, который Деррида предварительно обозначает термином «различАние» [*différance*], и которое в буквальном смысле не есть ни слово, ни понятие. И далее важнейшее примечание по поводу понятия «связка»: «Я держусь здесь за термин связка по двум причинам: с одной стороны, нужно будет не описывать историю, <...> не рассказывать текст за текстом, контекст за контекстом <...> речь пойдет именно об общей системе этой экономии. С другой стороны, слово связка кажется более пригодным для обозначения того, что предложенное объединение имеет структуру смещения, тканевости, переплетения, которая позволит разделять разные нити и разные смысловые — или силовые — линии точно так же, как оно будет готово связывать другие» [Деррида Ж., 1999, с. 169–170]. Другими словами, связка обозначает не системный принцип, а превентивный способ связи любых двух элементов с любой степенью связи — существенной/несущественной, случайной/закономерной, объективной/коннотативной и т.д. Перед нами весьма прозрачная, однозначная картина деконструкции, или еще точнее — микрофизика рассеивания текста. Здесь уместно напомнить, что текст есть все, что есть, что существует.

Так понятое различАние, описанное Деррида как тихая графическая интервенция, практически оформляет специфику иного понимания природы не только текста и письма, но и лингвистики и текстологии вообще. Понятие «различАние» наводит на новые рассуждения о мысли и смысле и фундирует становление грамотологии как учения в качестве новой науки о письме. «Пирамидальное» молчание графического различия между «е» и «а» может функционировать лишь внутри системы фонетического письма, языка или грамматики, которые исторически связаны с фонетическим письмом. Однако, по мнению Деррида, фонетическое молчание, функционирующее только внутри письма, напоминает, что строго фонетического письма не существует. Оно может функционировать, лишь допуская в себя не фонетические «знаки» (пунктуация, разрядка и т.д.), т.е. все то, что плохо согласуется с понятием знака [Деррида Ж., 1999, с. 171]. Чуть позже эту ситуацию более прозрачно распишет Юлия Кристева с помощью терминов «жест» и «анафра» [Кристева Ю., 2004].

Поскольку, по мнению Деррида, путь через *форму* есть путь через *отпечаток*, смысл различАния можно понять лучше, если поймем единство формы и отпечатка [Деррида Ж., 2000а, с. 188]. РазличАние есть чистый след, а он не зависит от чувств, наоборот, он есть условие и слышимости, и зримости, и фонического, и графического восприятия. Так понятое различАние столь же чувственно, сколь и умопостигаемо. Оно дает возможность сорасчленения знаков внутри одного и того же абстрактного порядка, или между двумя различными порядками выражения «оно дает возможность членораздельной речи и письма в обыденном смысле слова, обосновывая противопоставление между чувственным и умопостигаемым» [Деррида Ж., 2000а, с. 189].

След

Понятие «след» (*trace*) Деррида позаимствовал у Э. Левинаса [Левинас Э., 2004] для замещения категории «наличие», невзирая на то, что они друг от друга категорически отличаются. «След» нужно помыслить до мысли о сущем, это принципиально, иначе понятие теряет значение. Довольно известная мысль о том, что слово и то, что им обозначается, никогда не мо-

гут быть тождественны, т.к. то, что обозначается, никогда не присутствует, не наличествует в знаке, он только замещает предмет, — у Деррида приобретает весьма оригинальное основание. В классической метафизике оппозицией следа является «присутствие». Временной интервал, разрушающий знак и обозначаемое им явление, со временем (в ходе применения знака в системе других знаков, т.е. в языке) превращает знак в «след» данного явления. В результате слово окончательно теряет свою непосредственную связь с обозначаемым, т.е. своим происхождением. Так, смысл смысла оказывается бесконечным подразумеванием, бесконечной отсылкой от одного означающего к другому. Это означает, что пространственно-временная закрытость различения реализуется в понятии «след». И в этом качестве след оказывается в основе возможности языка и письма. Здесь стоит напомнить, что в привычном смысле след не есть знак, т.к. не связан с какой-либо предшествующей «природой» или сущностью. В этом смысле след не мотивирован ничем внешним, он определен лишь собственным становлением, как результат процесса различения. Отсюда утверждение о том, что след — это вторичный знак, то, что уже априори записано. Так, взаимосвязь следа и различия подводит к понятию «письмо», которое, в свою очередь, толкуется как двусмысленное присутствие-отсутствие следа. Таким образом, Деррида обосновывает свои мысли о том, что никогда ничего не существует, кроме письма. Не было ничего, кроме различения и замещения, которые возникают лишь тогда, когда «реальное» вторгается и дополняется, приобретает смысл от следа и так до бесконечности, ведь невозможно отыскать первоначальную традицию «письма», т.к. любой текст, даже самый древний, ссылается на более ветхое предание. Поэтому появление любой конечности оказывается «всегда уже...». Единственное, что может создать хотя бы видимость определенности в факте порождения смысла и языка, — является письмом, понимаемом как исчезновение наличия.

Введение понятия «след» связывается с тем, что (перво)начало всегда создавало (и создает) возвратное движение чего-то неизначального, т.е. следа, который тем самым становится (перво)началом (перво)начала: «Если все начинается со следа, то никакого “самого первого следа”

не существует» [Деррида Ж., 2000а, с. 187]. Обращение к первоначалу (первоначальному следу или прото-следу) необходимо, поскольку «путь через форму есть путь через отпечаток» [Деррида Ж., 2000а, с. 188]. Ведь «чистый» след представляет собой «различАние», он не зависит от чувственного восприятия, т.к. сам является его возможностью и всегда предваряет «знак» (означающее/означаемое, содержание/выражение и т.п.). «Если бы язык уже не был в каком-то смысле письмом, вторичная “система записи” как таковая была бы невозможна, а традиционная проблема отношений между речью и письмом вообще бы не возникла» [Деррида Ж., 2000а, с. 189]. Таким образом, утверждение отсутствия первоначала вообще парадоксально распознается в образе следа в качестве абсолютного первоисточника смысла. «След — это различАние, которое раскрывает акт явления и означения», т.е. в силу того, что он возникает раньше, чем непосредственная чувственная данность, он не может быть описан готовыми понятиями.

Так описанный след — «это не только исчезновение (перво)начала, он означает также, что (перво)начало вовсе не исчезло, что его всегда создавало (и создает) возвратное движение чего-то неизначального, т. е. следа, который тем самым становится (перво)началом (перво)начала» [Деррида Ж., 2000а, с. 187]. Таким образом, обращение к перво-следу лишено смысла, т.к. очевидно, что «это понятие разрушает это имя и что если все начинается со следа, то никакого “самого первого следа” не существует» [Деррида Ж., 2000а, с. 187]. Деррида пишет, *«Вот почему мысль о следе не может ни порвать с трансцендентальной феноменологией, ни полностью редуцироваться к ней»* и подытоживает такими словами: «При деконструкции начальности (archie) выбор вообще неуместен» [Деррида Ж., 2000а, с. 188].

И тем не менее, *«След есть фактически абсолютное (перво)начало смысла вообще. А это вновь и вновь означает, что абсолютного (перво)начала смысла вообще не существует»*. След — это различАние, которое раскрывает акт явления и означивания» [Деррида Ж., 2000а, с. 192]. След всегда повторение, он одновременно идеален и реален, чувственен и умопостижаем, «ни одно метафизическое понятие не может его описать». И так как он возник-

кает раньше, чем любые разграничения между чувственными восприятиями, он предшествует и звуку, и цвету. Следовательно, различие как источник лингвистической значимости никогда не является чувственно данной полнотой, т.к. его необходимость противоречит ссылкам на естественную звуковую сущность языка [Деррида Ж., 2000а, с. 176]. Перед нами образцово построенная метафизика с целью критики метафизики. Так Деррида уничтожает метафизику «наличия», даже не замечая, как параллельно с этим строит собственную метафизику «следа».

В контексте анализа следа и различия **структура** и ее деконструкция обнаруживают принципиально иные свойства. По утверждению Деррида, в конце XX в. в истории понятия «структура» происходит событие, внешняя форма которого предстает как разрыв, раскол или удвоение. Событие происходит в момент, когда «пришлось помыслить, т.е. повторить саму структурность структуры» [Деррида Ж., 2000b, с. 445–447], для анализа которой понадобилось понятие различия как овременение и опространствление структуры (означающего) и введение понятия следа, чтобы зацепить не то плавающее состояние конкретного означающего, не то факт полного его отсутствия.

Вполне объективно, что феномен структуры в принципе воспринимается как естественный способ организации универсума. Слово «структура» — ровесник западной науки и философии, его корни уходят в почву обыденного языка. Однако когда нет больше сил понимать силу изнутри ее самой, т.е. творить, когда метод структурирования добирается до структурирования самого себя, тогда происходит это событие — форма соблазняет. Другими словами, вначале очевидно, что форма и контуры видны лучше, если содержание, т.е. живая энергия мысли, нейтрализовано, отодвинуто на второй план. Однако, когда форма, контуры и структура становятся результативными, эмпирически оправданными, они превращаются в самоцель, приобретают самодостаточную значимость. В таком состоянии, по мнению Деррида, эмпиризм выполняет иные функции, он превращается в матричную форму всех ошибок, которые угрожают дискурсу, продолжающему претендовать на научность [Деррида Ж., 2000b, с. 459], поэтому «нет ничего парадок-

сального в том, что структуралистское сознание оказывается сознанием катастрофическим, одновременно сломанным и ломающим, *деконструирующим*». И только здесь, в *угрожающей* ситуации замечают структуру: «Структуралистское беспокойство и побуждение, становясь методическими, внешне создают лишь иллюзию технической свободы. В действительности же они воспроизводят на методическом уровне тревогу и побуждение бытия, историко-метафизическую угрозу основаниям» [Деррида Ж., 2000b, с. 12–13]. В этом смысле разложение структуры на элементы делает очевидным многие затемненные места в ней, которые до этого принимались по умолчанию.

Именно поэтому **деконструкцию** приняли сразу и те, кто считает его исключительно негативным понятием, и те, кто более взвешенно оценивает методологический потенциал понятия. Все оттенки толкования деконструкции имеют место в действительности. Ее действительно можно рассматривать не только как способ принципиальной критики реалистического модуса мира и способа релятивизации классических бинарных оппозиций, но и как специфическую процедуру нахождения интердискурсивных связей, как об этом писал М. Фуко [Фуко М., 2020]; или как Пол де Ман, который видит в деконструкции способ демонстрации того, каким образом любой текст становится отличным от себя в процессе прочтения [Ман П. де, 1999]. Поскольку основная цель деконструкции — преодоление метафизики, то для Ж. Деррида она — отличный способ философствования, который выступает основным принципом анализа текста. С одной стороны, деконструкция — сугубо техническое средство выявления в тексте опорных понятий и метафор, указывающих на несамостоятельность текста, на следы его перекличек с другими текстами. Так прочитанная деконструкция принимается в качестве способа разгадывания метафор, разоблачения скрытой логики символа, которая всегда содержит в себе в латентном виде бинарную оппозицию (субъект и объект, мужчина и женщина, природное и культурное и т.д.). Ж. Деррида был первым, кто стал утверждать, что в такой оппозиции одна сторона всегда подчинена другой, и что вопрос доминанции здесь основополагающий, т.к. без него оппозиция не имеет смысла и не существует. В

этом качестве термин «деконструкция» предлагает анализ каждого понятия в качестве культурно-идеологической конструкции, а не только как обозначение некоторой реальности. Постструктуралистский взгляд, рассматривающий весь мир как текст, весьма близок Деррида, но его текст не совпадает с языком. Он против упрощенного понимания деконструкции. В интервью в Москве он говорит: «Обычно, деконструкцию изображают как то, что отрицает что-либо внешнее по отношению к языку, как способ включения всего в язык. Люди, предпочитающие определять как “язык” то, что я называю “текстом”, поскольку я как-то написал: “нет ничего вне текста”, обычно переводят и интерпретируют мое высказывание так: “нет ничего вне языка”. Тогда как... дело обстоит совсем наоборот...» [Жак Деррида в Москве, 1993, с. 153–154].

С другой стороны, деконструкция выглядит как негативный познавательный императив постмодернистской чувственности. Деррида старается отразить границу между миром реальным и миром, отраженным в сознании людей. Экономические, воспитательные, политические и иные социальные институты вырастают из «культурной практики», которая устанавливается в философских системах, что и составляет материал для деконструкции. Так, деконструкция неотделима от политико-институциональной проблематики, и через исследования тех кодов, которые были восприняты от этики и политики («Конфликт факультетов»), она должна искать новые способы установления ответственности. Речь идет о борьбе авторитетов государственных и университетских структур за влияние над общественным сознанием.

Кроме того, для Деррида понятия власть, институт, инстанция, университет приобретают самостоятельное существование, живут собственной жизнью и влияют на мысли и поведение человека непонятным для него образом. Техника деконструкции демистифицирует подобные фантомы сознания. Так, постструктуралистская практика мышления превращает ментальные объекты и феномены (право, власть, институция, университет и т.д.) в онтологические сущности, которые приобрели автономные свойства и превратились в угрозу. В данном контексте можно полностью согласиться с

Дж.Х. Миллером, который, оценивая понятие «деконструкция», писал, что оно выполняет роль «демонстрации того, что уже деконструировано» [Miller H.G., 2009]. Следовательно, принцип деконструкции не является негативным актом теоретического разрушения анализируемого текста. Это то, чем отличается деконструкция от простого анализа или критики. Таким образом, деконструкция подвергает критике все то, что имеет форму общественного сознания и социального института. Она стала исключительным способом демонстрации пустых форм и оболочек смыслообразования, содержание которых было утрачено, но в качестве легитимных структур и трафаретов все еще сдерживают живую мысль.

Для читателя очевидно, что деконструкция выглядит как определенный вид радикально негативной экспликации, что еще раз подтверждает ее метафизическую природу и потому не покидает границы философии. Очевидно и то, что ее специфика — в негативном пафосе, когда целью (иногда не очень осознанной из-за того, что до самозабвения увлечена игрой) экспликации выступает не просто разрушение и атомизация, но и выжигание пространства мысли. И, тем не менее, еще раз согласимся с Дж.Х. Миллером, деконструктивисты показывали деконструкцию мысли, общества и культуры, которая происходила в режиме реального времени. Они нашли соответствующую терминологию для артикуляции и анализа происходящего. Отсюда, при всей негодии, деконструкция предстает незаурядным способом философствования, она интересна и поучительна, действительно обладает очарованием отрицания догматического мышления, но в изложении Деррида уж очень она напоминает гильотину от головной боли. Ведь важно, чтобы после деконструкции не оставалось одно только выжженное поле философии.

Центр и ацентризм

Несмотря на то, что никакой «правильной», единственно верной стратегии деконструкции не существует, универсальным способом ее реализации является децентрация.

В основе представлений о структуре лежит понятие «центра структуры». Принцип центрации является общим и базовым условием существования любых познавательных и организа-

ционных структур. Любая целостность представляется как хорошо упорядоченная система, но как только универсальной проблемой становится язык, и центр перестает мыслиться в категориях присутствия, все становится дискурсом. Без центра мир оказывается совокупностью противоречащих смыслов и явлений, обозначенных словами. После девальвации структуры способом упорядочения восприятия становится квазиструктура, которая постулируется наблюдением человека как результат его желания или воли к власти. Другими словами, «читатель», субъект восприятия, толкуя «текст» или отражая реальность (т.к. она тоже текст), навязывает им свои собственные мысли, «вкладывает» их в текст или реальность, которые сами по себе могут быть совершенно другими. Таким образом, деконструкция выявляет логоцентризм любого текста через обнаружение бинарных оппозиций, забытых этимологий, сходство значений, неявных метафор.

Объективно, и сегодня центр является организационной силой, и его роль до сих пор никем не оспаривался. Однако в XX в. функции центра стали сводить к принципу игры. Такая подмена не становится объектом особой экспликации, принимается сразу и по умолчанию. Отсутствие ответа на вопрос, почему объективная (и потому не бесконечная) пермутация смыслов вокруг мысли (центра) рассматривается в терминах игры, а не закона, откровенно указывает на целенаправленную профанацию и девальвацию смысла, мысли, центра, структуры и порядка. Сами они не могут исчезнуть, и познающий человек не может от них отказаться, как замечает Деррида, их необходимо прочесть с иной точки зрения, совершить трансцензус в их толковании, изменить способ восприятия и применения, что вовсе не означает конец их существования. Функция центра заключается в ограничении «игры структуры», которая является организующим принципом игры. Другими словами, упразднение центра превращает игру в основной принцип существования.

Таким образом, в конце XX в. принцип «центрации» приводит науку и философию к крайнему рационализму, утверждающему примат дискурсивно-логического сознания над всеми прочими его формами, и требует подвергнуть центр такому же анализу, как любой элемент структуры. Именно с этим связано

умозаключение Деррида о том, что в истории понимания структуры произошло нечто, что можно назвать «событием», которое обнаружило внешние контуры структуры в виде «разрыва» и «повторения». Данное событие Деррида связывает с критическими работами Ницше, Фрейда и Хайдеггера и называет его «децентрализацией» или децентрацией структуры. Критика таких метафизических понятий, как «бытие» и «истина», которые Ф. Ницше заменяет понятием игры, меняет истолкование знака и отрицает присутствие истины. С именем З. Фрейда Деррида связывает его критику присутствия для самого себя (сознания). С именем М. Хайдеггера связывается деструкция метафизики, онто-теологии и определение бытия как присутствия. «Все эти дискурсы и их аналоги вовлечены в некий круг. Этот круг — единственный в своем роде и описывает он отношение между историей метафизики и деструкцией истории метафизики: чтобы поколебать метафизику, нет никакого смысла обходиться без понятий метафизики; мы не располагаем таким языком, <...> который был бы чуждым для этой истории» [Деррида Ж., 2000b, с. 448].

Однако с точки зрения философии, объявление центра структуры фикцией не спасает ситуацию. Выбранный способ децентрации лишь мультиплицирует центр с учетом произвольных локальных правил, легитимность которых ситуативна и потому сильно ограничена. Право определения центра в структуре отдается субъекту воли, автору, субъекту власти, субъекту действия и т.д. Однако децентрация, которая становится основным условием критики классического логоцентрического мышления, с учетом заявленной смерти субъекта и автора, превращается в фарс и в легитимизацию хаоса. Нашему современнику хорошо известно, как подобные мировоззренческие установки приводят в культурной жизни к европоцентризму, что наделяет европейский тип мышления статусом «суда» над другими формами культуры. В истории ацентризм рисует опасные картины футуроцентризма, детерминированного положением: настоящее всегда «лучше» и «важнее» прошлого. В экономике — это децентрация производства, в культуре — это отказ от этноцентризма в пользу плюрализма культур, в политике — это уничтожение принципов этатического государства. В антропологии — это кри-

зис идентичности, индивидуализация, антропологический переход (или катастрофа), ведь демонтаж классической фигуры субъекта становится ключевой в постмодернистской мысли. Фрагментируется личность, что делает ее нетождественной самой себе. В литературе происходит отказ от биполярности автора/героя, субъекта/объекта. Стирается грань между философией, эстетикой, критикой и литературой. Искусство здесь выглядит не как отражение реального мира, а как отражение собственного «Я» художника, писателя и т.д. В литературе и философии деконструкция разворачивается в понятиях децентрированного субъекта и децентрированного дискурса.

Главный результат особого взгляда на мир, который основан на ацентризме, заключается в том, что в нем человек лишен своего центрального места, т.е. человек создает картину мира, в которой он лишний. Сперва он создает, изобретает способы присвоения и организации мира, которые изначально порочны и ущербны, а после, отрицая принятые им же организационные правила, впадает в другую крайность: отрицает необходимость их наличия, устанавливает правила отсутствия правил и нивелирует объективные законы на основании того, что самому миру (без человека) они не принадлежат, а раз человек их сочиняет, то они могут быть любыми.

Центр, не допускающий собственные правила организации системы для организации себя, — это не только заявка на уникальность, однократность (божественность) центра, но и претензия на обнаружение незыблемого, непреходящего закона и начало самой возможности упорядочения феномена человеческого бытия. Другими словами, это фундаментальный закон для человека, который не способен жить готовыми природными трафаретами и клише, нуждается в трансцендентальной определенности, что, собственно, делает из него человека. В этом контексте понятие центра входит в особую группу понятий, имеющих не только аксиоматическое значение. Особая сетка категорий, которые принципиально требуют трансцензуса из наличного знания, называются трансценденциями (см. [Купарашвили М.Д., 2002, 2003]). Но в контексте децентрации и деконструкции трансцендентности объявлена война, поэтому ссылка на исключительность понятия «центр» не работает. Уход в мультицентричность, квазиструктурность и безудержный релятивизм не

решает проблему, скорее является фактором, усугубляющим положение, становится основанием дисгармоничности, дестабилизации, узакониванием анархизма и целенаправленного анормализации всего ненормального.

Главным фактором дестабилизации мышления, который свидетельствует о незрелости человеческого разума, является категорическое отрицание тех естественных законов, естественных авторитетов, признание и подчинение которым не только не может быть унижением достоинства самой свободы (т.к. она есть самоограничение), но и может стать способом обнаружения благоразумной и мудрой формы бытия в формате разума, с идеалом духовно-нравственного равновесия и человека, и общества.

Ж. Деррида подводит весьма проницательный итог: «Я не думаю, что сегодня настало время *выбирать*», потому что мы все еще находимся в области историчности, где сама категория выбора выглядит крайне легковесной. Еще потому, что нам надо попытаться помыслить общую почву этих толкований и само различие этого неуничтожимого различия. И еще потому, что Деррида видит сам процесс рождения чего-то нового, и он видит еще тех, кто «отводит глаза от того пока еще неименоваемого, которое уже возвещает о себе», и которое при отсутствии вида имеет уродливый вид [Деррида Ж., 2000b, с. 466]. Неудивительно, что в последние годы жизни Деррида больше говорил об этических проблемах и экзистенциальных вопросах, деконструировать которые уже не получалось. В новом контексте концепт письмо/текст оказался той необходимой предварительной конвенцией, благодаря которой стало возможно всерьез говорить о деконструкции, потому что наметился выход к проблемам сугубо человеческого бытия, даже в глазах самого Ж. Деррида, и понятие деконструкции съезжилось до «жеста недоверия к любому европоцентризму». Можно сказать, наконец-то было найдено место прямого применения термина. Однако это несколько не умоляет универсальные деструктивно-моделирующие возможности способа деконструкции систем, переходящих в динамический режим, на что сам Деррида неоднократно указывал.

Подводя итоги размышления о позитивности понятия «деконструкция», можно утверждать, что концепт, выбранный основной формой реализации постструктурализма, демон-

стрирует моральный и физический износ классических систем и структур упорядочения универсума. Дерридовское прочтение исторических и лингвистических связей между понятиями «письмо» и «речь» заложило основу оригинального анализа текста. Деконструкция сделала очевидным превращение элементов структуры в пустые шаблоны мышления, ограничивающие процессы позитивного присвоения мира. Введение понятий «след» и «различАние» в качестве механизмов разложения допускает к иным пластам культурного анализа структур. И здесь главное — осознанный и целенаправленный анализ как резко отрицательного флера деконструкции, так и рефлексивные возможности раскодирования, без впадения при этом в крайности. Разумный подход к возможностям деконструкции способен дать инструмент некоторого управления произвольной активности знаковых систем. Хочется верить, что преобладание отрицательных результатов — болезнь роста. Преодоление данного порога обещает выживание человечества и определение новых параметров его положения в универсуме.

Список литературы

- Барт Р. Нулевая степень письма: пер. с фр. М.: Академ. проект, 2008. 431 с.
- Деррида Ж. Голос и феномен / пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Суслова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
- Деррида Ж. О грамματοлогии / пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
- Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. СПб.: Академ. проект, 2000. 495 с.
- Доманска Э. Философия истории после постмодерна / пер. с англ. М.А. Кукарцевой. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
- Дьяков А.В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк: Северный крест, 2008. 364 с.
- Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия / пер. с фр. и англ.; под ред. Е.В. Петровской, А.Т. Иванова. М.: Культура, 1993. 208 с.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.П. Нарумова. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.
- Купарашвили М.Д. Структурализм: начало новой эры. М.: Алмавест, 2022. 208 с.
- Купарашвили М.Д. Сумма трансценденталий. Ч. 1: Онтология разума. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2002. 398 с.
- Купарашвили М.Д. Сумма трансценденталий. Ч. 2: Гносеология разума. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2003. 320 с.
- Левинас Э. Гуманизм другого человека / пер. с фр. Г.В. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. С. 591–662.
- Ман П. де. Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста / пер. с англ. С.А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 368 с.
- Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. 3-е изд., стер. СПб.: Гуманит. академия, 2020. 416 с.
- Miller H.G. For Derrida. N.Y.: Fordham University Press, 2009. 384 p.

References

- Barthes, R. (2008). *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow: Akademicheskyy proekt Publ., 431 p.
- Derrida, J. (1999). *Golos i fenomen* [Speech and phenomena]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 208 p.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [Of grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.
- Derrida, J. (2000). *Pis'mo i razlichie* [Writing and difference]. St. Petersburg: Akademicheskyy proekt Publ., 495 p.
- Domanska, E. (2010). *Filosofiya istorii posle postmoderna* [Philosophy of history after postmodernism]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 400 p.
- D'yakov, A.V. (2008). *Filosofiya post-strukturalizma vo Frantsii* [Post-structural philosophy in France]. New York: Severnyy krest Publ., 364 p.
- Foucault, M. (2020). *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of knowledge]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya Publ., 416 p.
- Kristeva, Yu. (2004). *Izbrannyye trudy: Razrushenie poetiki* [Selected works: Destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN Publ., 656 p.
- Kuparashvili, M.D. (2002). *Summa transtsendentaliy. Ch. 1: Ontologiya razuma* [Summa transcendentalis. Part 1: Ontology of mind]. Omsk: OSU Publ., 398 p.
- Kuparashvili, M.D. (2003). *Summa transtsendentaliy. Ch. 2: Gnoseologiya razuma* [Summa transcendentalis. Part 2: Gnoseology of mind]. Omsk: OSU Publ., 320 p.
- Kuparashvili, M.D. (2022). *Strukturalizm: nachalo novoy ery* [Structuralism: the beginning of a new era]. Moscow: Almavest Publ., 208 p.
- Levinas, E. (2004). [Humanism of the other]. *Levinas E. Izbrannoe. Trudnaya svoboda* [Levinas E.

Selected works. Difficult Freedom]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 591–662.

Man, P. de (1999). *Allegorii chteniya: Figural'nyy yazyk Russo, Nitsshe, Ril'ke i Prusta* [Allegories of reading: Figural language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust]. Yekaterinburg: UrSU Publ., 368 p.

Miller, H.G. (2009). *For Derrida*. New York: Fordham University Press, 384 p.

Petrovskaya, E.V. and Ivanov, A.T. (eds.) (1993). *Zhak Derrida v Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* [Jacques Derrida in Moscow: deconstruction of the journey]. Moscow: Kul'tura Publ., 208 p.

Об авторе

Купарашвили Мзия Джемаловна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
644077, Омск, пр. Мира, 55А;
e-mail: kuparashvili@rambler.ru
ResearcherID: KZU-7958-2024

About the author

Msiya G. Kuparashvili
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Philosophy

Dostoevsky Omsk State University
55A, Mira av., Omsk, 644077, Russia;
e-mail: kuparashvili@rambler.ru
ResearcherID: KZU-7958-2024

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-76-85>

EDN: GUCLSV

Поступила: 15.10.2024

Принята: 05.03.2025

Опубликована: 10.04.2025

САМОРЕГУЛЯЦИЯ И СУБЪЕКТНОСТЬ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СИСТЕМ

*Калугин Алексей Юрьевич, Митрофанова Елена Николаевна,**Скорынин Андрей Александрович**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)*

В статье на эмпирическом уровне предпринята попытка соотнести между собой феномены субъектности и саморегуляции. Как показывают теоретические и эмпирические исследования, данные феномены тесно связаны. Однако нет однозначного понимания их соотношения: является ли саморегуляция частью субъектности, представляет ли самостоятельный феномен или имеет место пересечение систем? При этом субъектность видится нам как более фундаментальное явление, поэтому субъектность не рассматривалась как часть саморегуляции. В эмпирическом исследовании строились и тестировались несколько альтернативных моделей: 1) модель, предполагающая, что субъектность и саморегуляция представляют единый феномен (однофакторная); 2) модель, предполагающая, что саморегуляция является компонентом субъектности; 3) модель, предполагающая, что субъектность и саморегуляция — два независимых феномена; 4) модель, предполагающая взаимосвязь субъектности и саморегуляции; 5) модель, предполагающая пересечение систем, при котором субъектность использует отдельные свойства саморегуляции, а саморегуляция использует отдельные свойства субъектности, при этом оба феномена понимаются как самостоятельные. Приоритет отдавался последней модели. Проверка согласованности моделей эмпирическим данным осуществлялась на выборке 184 чел. в возрасте от 15 до 53 лет ($M = 20.49$, $SD = 7.34$), из них 104 женщин и 80 мужчин. Преимущественно это были студенты вузов и ссузов. Использовались методики «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М.А. Щукиной и опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020». Основным статистическим методом было моделирование структурными уравнениями. Наиболее согласованной с данными оказалась модель пересекающихся систем.

Ключевые слова: субъект, субъектность, саморегуляция, системы, моделирование структурными уравнениями.

Для цитирования:

Калугин А.Ю., Митрофанова Е.Н., Скорынин А.А. Саморегуляция и субъектность: пересечение систем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 76–85. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-76-85>. EDN: GUCLSV

SELF-REGULATION AND SUBJECTNESS: THE INTERSECTION OF THE SYSTEMS

Alexey Yu. Kalugin, Elena N. Mitrofanova, Andrey A. Skorynin

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

The article attempts to correlate the phenomena of subjectness and self-regulation at the empirical level. As theoretical and empirical studies show, these phenomena are closely related. However, there is no unambiguous understanding of their relationship: is self-regulation part of subjectness, is it an independent phenomenon, or is there an intersection of the systems? Subjectness seems to us to be a more fundamental phenomenon; therefore, subjectness was not considered as part of self-regulation. In the empirical study, several alternative models were constructed and tested: 1) a model assuming that subjectness and self-regulation are a single phenomenon (a single-factor model); 2) a model assuming that self-regulation is a component of subjectness; 3) a model assuming that subjectness and self-regulation are two independent phenomena; 4) a model assuming a relationship between subjectness and self-regulation; 5) a model assuming an intersection of the systems, in which case subjectness uses certain properties of self-regulation, while self-regulation uses certain properties of subjectness, with both phenomena being understood as independent. Priority was given to the latter model. The models' consistency with the empirical data was tested on a sample of 184 people aged 15 to 53 ($M = 20.49$, $SD = 7.34$), including 104 women and 80 men. These were mostly students of higher and secondary specialized educational institutions. The methods used were «The Development Level of a Person's Subjectness» by M.A. Shchukina and the questionnaire «Behavior Self-Regulation Style – SSPM 2020» by V.I. Morosanova. The main statistical method was structural equation modeling. The intersecting systems model turned out to be most consistent with the data.

Keywords: subject, subjectness, self-regulation, systems, structural equation modeling.

To cite:

Kalugin A.Yu., Mitrofanova E.N., Skorynin A.A. [Self-regulation and subjectness: the intersection of the systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 76–85 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-76-85>, EDN: GUCLSV

Введение. Саморегуляция и субъектность: проблема соотношения понятий

При рассмотрении субъекта и субъектности часто упоминается феномен саморегуляции. По выражению А.В. Брушлинского, «психология субъекта характеризуется высшим уровнем саморегуляции и детерминации» [Брушлинский А.В., 2003, с. 16].

Саморегуляции субъекта посвящены работы О.А. Конопкиной. По О.А. Конопкину, осознанная саморегуляция выступает критерием субъектности [Конопкин О.А., 2012, с. 97]. Общая способность к саморегуляции не зависит от характеристик того или иного вида деятельности, а является обобщенным умением регуляции, аб-

страгированным от конкретных особенностей определенных видов деятельности. В процессе развития ребенка усложняется и развивается его произвольная активность, по мере этого происходит рост и развитие системы саморегуляции. Важнейшим качеством саморегуляции является ее произвольность. Произвольность понимается как реальный психический механизм, как качество активности, реализуемое в подчиненности желаниям, намерениям, целям, осознаваемым потребностям [Конопкин О.А., 2012].

А.К. Осницкий, разрабатывая категорию «субъектной активности», отмечает, что осознанная саморегуляция — это форма существования субъектности [Осницкий А.К., 1996,

с. 18]. Субъектность же понимается как специфическая целостная характеристика активности человека [Осницкий А.К., 2008].

Саморегуляция, по В.И. Моросановой, служит функциональным средством субъекта, который позволяет ему мобилизовать личностные и когнитивные возможности для реализации собственной активности, именно исследования осознанной саморегуляции позволяют психологии субъекта выйти на конкретно-психологический уровень. В.И. Моросанова следующим образом раскрывает основное понятие своих исследований: «Психическая саморегуляция — это многоуровневая и динамическая метасистема психологических процессов, состояний и свойств, являющаяся инструментом инициации и поддержания активности, направленной на осознанное выдвижение и достижение субъектных целей. При этом осознанная саморегуляция понимается нами как высший управляющий уровень психической саморегуляции, осуществляемой на основе рефлексивных представлений о ее цели, способах и средствах» [Моросанова В.И., 2022, с. 58–59]. Регуляторно-личностные качества, по В.И. Моросановой, являются субъектными (инструментальные свойства, которые определяют операционально-когнитивный профиль, то, как действует человек), которые она предлагает отличать от собственно личностных (содержание целей и смыслов). Саморегуляция произвольной активности понимается как основа субъектной активности [Моросанова В.И., 2022] и как психологический механизм субъектности [Моросанова В.И., 2012]. Автор указывает, что основными критериями выделения субъекта являются: активность, социальность, целостность, способность к саморегуляции и самоорганизации жизни как стадии становления субъектности [Моросанова В.И., 2012, с. 58]. Таким образом, «развитие индивидуальности как субъекта — это развитие целостной системы саморегуляции... важнейшим критерием должно служить становление психической регуляции — сначала произвольной, а затем осознанной» [Моросанова В.И., 2012, с. 58–59].

Часть исследователей включают саморегуляцию в структуру субъектности (например, [Суворова О.В., 2011, с. 1182]). О.В. Суворовой выделяются следующие компоненты субъектности: рефлексия, саморазвитие, самопринятие, принятие, свобода выбора, уникальность.

На непосредственную взаимосвязь активности субъекта и ее саморегуляции указывает Е.Н. Волкова [Волкова Е.Н. и др., 2012, с. 14]. Становление субъектности у ребенка связано с развитием способности управлять собой, волевой саморегуляцией [Волкова Е.Н. и др., 2012].

Е.А. Сергиенко видит становление субъектности в качестве развития контроля поведения как субъектной регуляции, в который входит три подсистемы — когнитивный контроль, эмоциональный контроль и произвольный (волевой контроль). «Контроль поведения как интегративная характеристика индивидуальности является одной из основ саморегуляции и определяет успешность реализации субъектом собственной активности в различные жизненные периоды, в частности, в подростковом возрасте» [Сергиенко Е.А. и др., 2010, с. 262].

М.А. Щукина отмечает, что в случае трактовки субъектности как способности в отечественной литературе выделяются ее следующие функции: 1) обеспечение возможности осуществления наднадаптивной активности, 2) обеспечение возможности осуществления преобразующей активности, 3) возможность осуществлять самодетерминацию и самоопределение, 4) разрешение противоречий, 5) обеспечение эффективности осуществления активности, 6) обеспечение саморегуляции и самоуправления. М.А. Щукиной в качестве основной функции субъектности рассматривается самоуправление, т.к. оно объединяет все перечисленные. Вслед за Л.В. Алексеевой она выделяет следующие компоненты субъектности: активность, автономность, целостность, опосредованность, креативность, самооценочность [Щукина М.А., 2004].

Таким образом, можно выделить некоторые линии изучения саморегуляции в связи с субъектностью:

— саморегуляция включается как структурный компонент субъектности; этот подход может быть представлен в двух вариантах: 1) полное присвоение субъектностью характеристик саморегуляции, 2) включение саморегуляции как самостоятельного элемента в структуру субъектности;

— саморегуляция и субъектность выступают как самостоятельные феномены; при этом они могут быть 1) независимы или 2) взаимосвязаны;

– возможен также третий вариант, при котором отдельные характеристики саморегуляции входят в субъектность и отдельные характеристики субъектности входят в саморегуляцию, оставаясь при этом компонентами своих систем. Это гипотеза о пересечении систем [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2021, 2024].

Цель эмпирического исследования заключается в проверке альтернативных гипотез о взаимодействии субъектности и саморегуляции. В свою очередь, авторы придерживаются третьего варианта (гипотезы) взаимодействия феноменов: субъектность и саморегуляция включаются друг в друга отдельными характеристиками и через это обнаруживают свое взаимодействие.

Метод

Участники исследования

Выборку исследования составили 184 человека в возрасте от 15 до 53 лет ($M = 20.49$, $SD = 7.34$), из них 104 женщины, 80 мужчин. Преимущественно участниками исследования были студенты сузов и вузов, очного и заочного отделений. Для повышения разнообразия выборки авторы прибегли к технологии «снежного кома», расширяя аудиторию исследования через свои контакты в социальных сетях, агитировали студентов привлекать их родственников и знакомых к участию в исследовании.

Психодиагностический инструментарий

Для оценки характеристик субъектности использовалась методика «Уровень развития субъектности личности» (УРСЛ) М.А. Щукиной, которая включает следующие биполярные шкалы: Активность/реактивность, Автономность/зависимость, Целостность/неинтегративность, Опосредованность/непосредственность, Креативность/репродуктивность, Самоценность/малоценность (ничтожность) [Щукина М.А., 2015].

Для оценки характеристик саморегуляции использовался опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020», включающий следующие шкалы: Планирование целей, Моделирование значимых условий достижения целей, Программирование действий, Оценивание результатов, Гибкость, Надежность, Настойчивость [Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г., 2020].

Анализ данных

Для проверки одномерной нормальности использовался критерий Шапиро-Уилка.

Для проверки значимости взаимосвязей между переменными субъектности и саморегуляции был использован критерий ранговой корреляции Спирмена.

Исходя из рассмотренных ранее вариантов взаимодействия субъектности и саморегуляции, строились следующие альтернативные модели:

– Модель 1 (M_1) — характеристики субъектности и саморегуляции включались в общий фактор субъектности.

– Модель 2 (M_2) — характеристики саморегуляции относились к фактору саморегуляции, сам этот фактор выступал наравне с другими характеристиками субъектности (включался в фактор субъектности как в фактор более высокого порядка).

– Модель 3 (M_3) — саморегуляция и субъектность образовывали независимые факторы.

– Модель 4 (M_4) — факторы саморегуляции и субъектности были взаимосвязаны.

– Модель 5 (M_5) — характеристики саморегуляции и субъектности нагружали соответствующие факторы, кроме этого, отдельные характеристики субъектности также были представлены в факторе саморегуляции и отдельные характеристики саморегуляции имели кросс-нагрузки в факторе субъектности, при этом сами факторы были независимы.

В каждой модели были проведены ковариации ошибок ряда показателей, имеющих общую дисперсию, выходящую за рамки дисперсии, объясняемой факторами. При этом ковариации ограничивались пределами измеряемого феномена. Внутри субъектности были проведены ковариации между ошибками следующих переменных: Активность/реактивность – Автономность/зависимость, Целостность/неинтегративность – Опосредованность/непосредственность, Целостность/неинтегративность – Самоценность/малоценность (ничтожность). Внутри саморегуляции были проведены ковариации между ошибками следующих переменных: Программирование действий – Надежность, Программирование действий – Настойчивость, Настойчивость – Гибкость, Настойчивость – Надежность, Надежность – Моделирование значимых условий достижения целей.

Значимые ковариации между ошибками и значимые кросс-нагрузки факторов определялись на основе индексов модификации.

Проверка многомерной нормальности проводилась с помощью критерия Мардиа.

В структурном моделировании использовался метод оценки «MLM», устойчивый к ненормальности в данных. Принимались следующие пороги для индексов пригодности: CFI > 0.90 — приемлемое соответствие, CFI > 0.95 — хорошее соответствие [Awang Z., 2012]; RMSEA < 0.08 — приемлемое соответствие, RMSEA < 0.05 — хорошее соответствие [Brown T.A., 2015]; SRMR < 0.08 — хорошее соответствие [Hu L., Bentler P.M., 1999]. В статье приведены устойчивые (робастные) значения CFI и RMSEA, которые вычислялись согласно рекомендациям [Brosseau-Liard P.E. et al. 2012; Brosseau-Liard P.E., Savalei V., 2014].

Альтернативные модели сравнивались по разнице статистики хи-квадрат с поправкой Саторра-Бентлера ($SBD\chi^2$). Согласно процедуре оценки вложенности-эквивалентности NET (nesting and equivalence testing), предложенной

П.М. Бентлером и А. Саторра [Bentler P. M., Satorra A., 2010], все модели были вложенными в модель M_5 , поэтому сравнивались именно с этой моделью. Если модели имеют одинаковое количество степеней свободы, то они не могут быть вложены друг в друга и являются эквивалентными. Эквивалентные модели можно сравнить с помощью критериев AIC (информационный критерий Акаике) и BIC (байесовский информационный критерий); чем меньше значение этих критериев, тем лучше модель.

Все расчеты производились в среде языка программирования R.

Результаты

Согласно критерию Шапиро-Уилка, эмпирическое распределение переменных значимо отличалось от теоретического нормального распределения, поэтому при проведении корреляционного анализа использовался критерий ранговой корреляции Спирмена. В табл. 1. приведены корреляции между показателями субъектности и саморегуляции.

Таблица 1. Взаимосвязь показателей субъектности и саморегуляции
Table 1. The relationship between the indicators of subjectness and self-regulation

Переменные Variables	Активность/ реактивность Activity/ reactivity	Автономность/ Зависимость Autonomy/ dependence	Целостность/ неинтегративность Integrity/ non-integrity	Опосредованность/ непосредственность Mediation/ immediacy	Креативность/ репродуктивность Creativity/ reproductivity	Самоценность/ малоценность Self-worth/ low self-worth
Планирование	0,43***	0,33***	0,21**	0,52***	0,48***	0,50***
Программирование	0,35***	0,38***	0,47***	0,40***	0,40***	0,31***
Настойчивость	0,45***	0,40***	0,47***	0,57***	0,48***	0,49***
Моделирование	0,39***	0,32***	0,06	0,30***	0,40***	0,43***
Надежность	0,24**	0,20**	-0,20**	0,07	0,14	0,18**
Оценивание результатов	0,23**	0,09	0,10	0,34***	0,21**	0,27***
Гибкость	0,39***	0,28***	0,26***	0,40***	0,39***	0,44***

Примечание: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$.

Note: *** — $p < 0.001$; ** — $p < 0.01$.

Из таблицы видно, что имеются многочисленные значимые взаимосвязи между переменными субъектности и саморегуляции.

Проверка многомерной нормальности по критерию Мардиа указывала на наличие многомерной асимметрии (Mardia Skewness = 865,99) и многомерного эксцесса (Mardia Kurtosis = 14,22), поэтому в структурном моделировании был использован устойчивый к ненормальности метод оценки «MLM». В табл. 2 представлены индексы пригодности моделей.

Модели M_3 была наименее согласована с данными (CFI < 0,90; RMSEA > 0,08; SRMR > 0,08), несколько лучше была модель M_1 (CFI < 0,90; RMSEA > 0,08). Модели M_2 и M_4 были эквивалентными, поэтому они имели одинаковые индексы пригодности, модели были приемлемыми по критериям CFI (> 0,90) и SRMR (< 0,08), но неудовлетворительными по критерию RMSEA (> 0,08). Наилучшее соответствие продемонстрировала модель M_5 (CFI > 0,95; SRMR < 0,08), однако индекс

RMSEA был несколько выше рекомендуемого (RMSEA = 0,084).

С моделью M_5 сравнивались остальные модели. Данная модель значимо превосходила модель M_1 ($\Delta SB\chi^2(9) = 62,76$, $p < 0,001$), модель M_2 ($\Delta SB\chi^2(8) = 49,62$, $p < 0,001$), модель M_3 ($\Delta SB\chi^2(9) = 137,70$, $p < 0,001$), модель M_4

($\Delta SB\chi^2(8) = 49,62$, $p < 0,001$). Также она имела наименьшее значение информационных критериев AIC и BIC. Таким образом, модель M_5 продемонстрировала лучшее соответствие данным и значимо превосходила остальные модели.

В табл. 3 представлены факторные нагрузки переменных для модели M_5 .

Таблица 2. Робастные индексы пригодности моделей ($n = 184$)

Table 2. Robust indices of model suitability ($n = 184$)

Модели Models	$SB\chi^2(df)$	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	AIC	BIC
Однофакторная модель (M_1)	168,51(57)***	0,893	0,115 [0,095; 0,135]	0,080	12535,7	12645,00
Иерархическая модель с эндогенным фактором саморегуляции (M_2)	150,73(56)***	0,911	0,106 [0,086; 0,126]	0,077	12512,2	12624,75
Модель двух независимых (некоррелирующих) латентных факторов (M_3)	239,03(57)***	0,830	0,145 [0,126; 0,164]	0,255	12615,76	12725,07
Модель двух коррелирующих латентных факторов (M_4)	150,73(56)***	0,911	0,106 [0,086; 0,126]	0,077	12512,22	12624,75
Модель двух независимых латентных факторов с перекрестными нагрузками (M_5)	99,22(48)***	0,952	0,084 [0,060; 0,107]	0,062	12464,45	12602,69

Примечание: $SB\chi^2(df)$ — значение статистики хи-квадрат Саторра-Бентлера со степенями свободы; CFI — сравнительный индекс соответствия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации (в квадратных скобках приведены 90 % доверительные интервалы); SRMR — стандартизованный корень среднеквадратичного остатка; AIC — информационный критерий Акаике; BIC — байесовский информационный критерий; *** — $p < 0,001$.

Note: $SB\chi^2(df)$ — Satorra-Bentler scaled chi-square statistic with degrees of freedom, CFI — comparative fit index; RMSEA — root mean square error of approximation (90% confidence intervals are given in square brackets); SRMR — standardized root mean square residual; AIC — Akaike information criterion; BIC — bayesian information criterion; *** — $p < 0.001$.

Таблица 3. Факторные нагрузки переменных субъектности и саморегуляции в модели M_5

Table 3. Factor loadings of the variables of subjectness and self-regulation in model M_5

Переменные Variables	Фактор «Субъектность» The «Subjectness» factor	Фактор «Саморегуляция» The «Self-regulation» factor
Методика «Уровень развития субъектности личности»		
Активность/реактивность	0,84***	-
Автономность/зависимость	0,79***	-0,15**
Целостность/неинтегративность	0,52***	-
Опосредованность/непосредственность	0,75***	0,27***
Креативность/репродуктивность	0,92***	-
Самоценность/малоценность (ничтожность)	0,86***	-
Методика «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020»		
Планирование целей	0,54***	0,53***
Программирование действий	0,43***	0,19
Настойчивость	0,54***	0,15
Моделирование значимых условий достижения целей	0,50***	0,24*
Надежность	0,27**	0,21
Оценивание результатов	0,28***	0,67***
Гибкость	0,47***	0,18*

Примечание: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$.

Note: *** — $p < 0.001$; ** — $p < 0.01$.

Корреляции ошибок между переменными были следующими: Активность/реактивность – Автономность/зависимость ($r = 0,42$, $p < 0,001$), Целостность/неинтегративность – Опосредованность/непосредственность ($r = 0,52$, $p < 0,001$), Целостность/неинтегративность – Самоценность/малоценность (ничтожность) ($r = -0,20$, $p = 0,035$), Программирование действий – Надежность ($r = -0,29$, $p < 0,001$), Программирование действий – Настойчивость ($r = 0,26$, $p < 0,006$), Настойчивость – Гибкость ($r = 0,36$, $p = 0,001$), Настойчивость – Надежность ($r = -0,17$, $p = 0,044$), Надежность – Моделирование значимых условий достижения целей ($r = 0,26$, $p = 0,009$).

Обсуждение

Проведенный корреляционный анализ подтвердил теоретические предположения и дополнительно верифицировал эмпирические свидетельства о наличии тесной связи между феноменами субъектности и саморегуляции.

Тестировались пять моделей: однофакторная модель (M_1), иерархическая модель с эндогенным фактором саморегуляции (M_2), модель двух независимых (некоррелирующих) латентных факторов (M_3), модель двух коррелирующих латентных факторов (M_4), модель двух независимых латентных факторов с перекрестными нагрузками (M_5). Наилучшей, согласно индексам пригодности, признавалась модель M_5 , что согласуется с гипотезой о пересечении систем.

Содержательно результаты структурного моделирования можно интерпретировать следующим образом. В фактор «Субъектность» со значимыми весами входят все переменные субъектности (0,52–0,92) и с менее выраженными весами все переменные саморегуляции (0,27–0,54). Вероятно, субъектность во многом опирается на саморегуляцию, особенно в отношении планирования целей, настойчивости в достижении целей и моделирования значимых условий, в меньшей степени в субъектности присутствуют надежность (устойчивость) саморегуляции и оценивание результатов своей деятельности и поведения.

Второй фактор, включающий характеристики саморегуляции, указывал на важность планирования целей и оценивания результатов. Не все нагрузки были значимы, это может быть

связано с тем, что часть дисперсии объяснена фактором «Субъектность». Кроме того, сама структура саморегуляции может быть неоднородной, состоять из нескольких относительно самостоятельных компонентов. На это указывают и сами авторы методики: опросник включает шкалы когнитивно-регуляторных процессов и личностно-регуляторных свойств, которые слабо или незначимо связаны друг с другом [Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г., 2020]. Саморегуляция опирается на некоторые субъектные качества: Опосредованность/Непосредственность и Автономность/Зависимость (с отрицательным знаком). При этом данные свойства имеют не столь высокие нагрузки, как характеристики саморегуляции в факторе субъектности.

Все это позволяет сделать вывод о том, что феномены субъектности и саморегуляции имеют точки пересечения (гипотеза находит эмпирическую поддержку). Субъектность в большей степени опирается на саморегуляцию, чем саморегуляция на субъектность. Однако саморегуляция не растворяется в субъектности и имеет свое феноменологическое поле, связанное, прежде всего, с планированием целей и оценкой результата деятельности.

Заключение

Феномены субъектности и саморегуляции тесно взаимосвязаны. Входит ли саморегуляция в субъектность как ее составной компонент или является самостоятельным феноменом? В статье была предпринята попытка рассмотреть 5 вариантов взаимоотношений между данными феноменами. Приоритет отдавался варианту пересечения систем, статистическая модель при этом предполагала наличие кросс-нагрузок факторов и отсутствие корреляции между факторами. Эта модель продемонстрировала наилучшую согласованность с данными.

Выражение признательности

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 1023031600005-5-5.1.1 (соглашение 073-03/2024-054/1 от 15.02.2024г.) по теме «Деструктивные формы реализации субъектности в подростковом возрасте как проблема образовательной среды».

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of realization of the state task of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 1023031600005-5-5.1.1 (agreement 073-03/2024-054/1 dated 15.02.2024) on the theme «Destructive forms of realization of subjectivity in adolescence as a problem of educational environment».

Список литературы

Брушлинский А.В. Психология субъекта (лекция, прочитанная студентам, аспирантам и преподавателям факультета психологии Тверского государственного университета 19 октября 2001 г.) // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2. С. 15–17.

Волкова Е.Н., Суворова О.В., Дунаева Н.И., Бирюкова Л.А. и др. Развитие субъектности в онтогенезе в современном социокультурном пространстве образования и семьи: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2012. 246 с.

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2021. 279 с. DOI: https://doi.org/10.38098/mng_21_0438

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Эмпирическая психология индивидуально-интеллектуальных интеграций. М.: Ин-т психологии РАН, 2024. 290 с.

Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 9, № 4. С. 97–101. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Konopkin (дата обращения: 21.07.2024).

Моросанова В.И. Психология осознанной саморегуляции: от истоков к современным исследованиям // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 3. С. 57–82.

Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека / Ин-т психологии РАН; Психологический ин-т РАО. 2-е изд. М.: Наука, 2012. 519 с.

Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020» // Вопросы психологии. 2020. Т. 66, № 4. С. 155–167.

Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.

Осницкий А.К. Регуляторный опыт — основа субъектной активности человека // Теоретическая

и экспериментальная психология. 2008. Т. 1, № 2. С. 17–34.

Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. 352 с.

Суворова О.В. К проблеме критериев и структуры субъектности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2(5). С. 1178–1182.

Щукина М.А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004. 19 с.

Щукина М.А. Психология саморазвития личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2015. 348 с.

Awang Z. Structural equation modeling using Amos Graphic. Shah Alam, MY: University Technology MARA Press, 2012. 167 p.

Bentler P.M., Satorra A. Testing model nesting and equivalence // Psychological Methods. 2010. Vol. 15, iss. 2. P. 111–123. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019625>

Brosseau-Liard P.E., Savalei V. Adjusting incremental fit indices for nonnormality // Multivariate Behavioral Research. 2014. Vol. 49, iss. 5. P. 460–470. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2014.933697>

Brosseau-Liard P.E., Savalei V., Li L. An investigation of the sample performance of two nonnormality corrections for RMSEA // Multivariate Behavioral Research. 2012. Vol. 47, iss. 6. P. 904–930. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2012.715252>

Brown T.A. Confirmatory factor analysis for applied research. N.Y.: The Guilford Press, 2015. 462 p.

Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. 1999. Vol. 6, iss. 1. P. 1–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>

References

Awang, Z. (2012). *Structural equation modeling using Amos Graphic*. Shah Alam, MY: University Technology MARA Press, 167 p.

Bentler, P.M. and Satorra, A. (2010). Testing model nesting and equivalence. *Psychological Methods*. Vol. 15, iss. 2, pp. 111–123. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0019625>

Brosseau-Liard, P.E. and Savalei, V. (2014). Adjusting incremental fit indices for nonnormality. *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 49, iss. 5, pp. 460–470. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2014.933697>

Brosseau-Liard, P.E., Savalei, V. and Li, L. (2012). An investigation of the sample performance of two nonnormality corrections for RMSEA. *Multi-variate Behavioral Research*. Vol. 47, iss. 6, pp. 904–930. DOI: <https://doi.org/10.1080/00273171.2012.715252>

Brown, T.A. (2015). *Confirmatory factor analysis for applied research*. New York: The Guilford Press, 462 p.

Brushlinskiy, A.V. (2003). [Psychology of the Subject (a lecture given to students, postgraduates and teachers of the Faculty of Psychology of Tver State University on October 19, 2001)]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 24, no. 2, pp. 15–17.

Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2021). *Individual'no-intellektual'nye integratsii cheloveka* [Individual-intellectual integration of a person]. Moscow: IP RAS Publ., 279 p. DOI: https://doi.org/10.38098/mng_21_0438

Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2024). *Empiricheskaya psikhologiya individual'no-intellektual'nykh integratsiy* [Empirical psychology of individual-intellectual integrations]. Moscow: IP RAS Publ., 290 p.

Hu, L. and Bentler, P.M. (1999). Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. Vol. 6, iss. 1, pp. 1–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/10705519909540118>

Konopkin, O.A. (2012). [Conscious self-regulation as a criterion of subjectness]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education]. Vol. 9, no. 4, pp. 97–101. Available at: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/Konopkin (accessed 21.07.2024).

Morosanova, V.I. (2012). *Samoregulyatsiya i individual'nost' cheloveka* [Self-regulation and human individuality]. Moscow: Nauka Publ., 519 p.

Morosanova, V.I. (2022). [Psychology of conscious self-regulation: from origins to modern research]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 15, no. 3, pp. 57–82.

Morosanova, V.I. and Kondratyuk, N.G. (2020). [Questionnaire by V.I. Morosanova «Style of self-regulation of behavior – SSBM 2020»]. *Voprosy psikhologii*. Vol. 66, no. 4, pp. 155–167.

Osnitskiy, A.K. (1996). [Problems of studying subject activity]. *Voprosy psikhologii*. No. 1, pp. 5–19.

Osnitskiy, A.K. (2008). [Regulatory experience is the basis of human subjective activity]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 1, no. 2, pp. 17–34.

Schukina, M.A. (2004). *Osobennosti razvitiya sub'ektnosti lichnosti v podrostkovom vozraste: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Features of development of personality subjectness in adolescence: Abstract of Ph.D. dissertation]. St. Petersburg, 19 p.

Schukina, M.A. (2015). *Psikhologiya samorazvitiya lichnosti* [Psychology of self-development of personality]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 348 p.

Sergienko, E.A., Vilenskaya, G.A. and Kovaleva Yu.V. (2010). *Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya regulyatsiya* [Behavior control as subject regulation]. M: IP RAS Publ., 352 p.

Suvorova, O.V. (2011). [To the problem of criteria and structure of subjectiveness]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 13, no. 2(5), pp. 1178–1182.

Volkova, E.N., Suvorova, O.V., Dunaeva, N.I., Biryukova, L.A. et al. (2012). *Razvitie sub'ektnosti v ontogeneze v sovremennom sotsiokul'turnom prostanstve obrazovaniya i sem'i* [Development of subjectness in ontogenesis in the modern socio-cultural space of education and family]. Nizhny Novgorod: NGPU Publ., 246 p.

Об авторах

Калугин Алексей Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

About the authors

Alexey Yu. Kalugin

Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department of Theoretical
and Applied Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ResearcherID: X-7824-2018

Митрофанова Елена Николаевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: alenafox27@mail.ru
ResearcherID: LKJ-5086-2024

Elena N. Mitrofanova

Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: alenafox27@mail.ru
ResearcherID: LKJ-5086-2024

Скорынин Андрей Александрович

старший преподаватель кафедры
практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: skorynin_aa@pspu.ru
ResearcherID: LEM-7870-2024

Andrey A. Skorynin

Senior Lecturer of the Department
of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: skorynin_aa@pspu.ru
ResearcherID: LEM-7870-2024

УДК 159.99

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-86-98>

EDN: HUPXGP

Поступила: 27.12.2024

Принята: 22.03.2025

Опубликована: 10.04.2025

ПИЛОТАЖНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПАРТНЕРОВ, ПЕРЕЖИВАЮЩИХ ТРУДНОСТИ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

*Рожик Милана Александровна, Яценко Анастасия Александровна,
Володина Ксения Андреевна*

Тюменский государственный университет (Тюмень)

С трудностями в отношениях сталкиваются не только семейные пары, но и те, кто только вступил в романтические отношения. Переживание этих трудностей проявляется в различных эмоциональных, поведенческих реакциях и совладания с ними. В ходе пилотажного исследования были изучены стратегии совладающего поведения у партнеров, переживающих трудности в романтических отношениях. В исследовании приняли участие 50 чел.: 25 респондентов, состоящих в романтических отношениях, но проживающих отдельно, и 25 респондентов, находящихся в официальном браке. Полученные результаты свидетельствуют о доминировании «позитивных» стратегий совладания с трудностями над «негативными» как у респондентов, находящихся в романтических отношениях, так и в браке. При переживании трудностей у партнеров в романтических отношениях и в браке индекс эмоций отражает негативный аспект их проявления. По результатам статистического анализа при сравнении эмоциональных переживаний, стратегий совладания у респондентов, находящихся в романтических отношениях и браке, значимых различий не выявлено, кроме стратегии «Отвлечение», которая в большей степени выражена у партнеров в браке. Полученные данные подчеркивают сходства в эмоциональном и поведенческом аспектах у партнеров, состоящих в романтических отношениях и в браке, т.е. вступая в романтические отношения, молодые люди максимально приближаются к роли мужа и жены. Данные результаты могут быть полезны для практикующих психологов в сфере отношений, а также для тех специалистов, кто занимается просвещением семейных ценностей среди молодежи.

Ключевые слова: романтические отношения, переживание трудностей, стратегии совладающего поведения, трудности в отношениях, отношения в браке.

Для цитирования:

Рожик М.А., Яценко А.А., Володина К.А. Пилотажное исследование совладающего поведения у партнеров, переживающих трудности в романтических отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 86–98. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-86-98>. EDN: HUPXGP

A PILOT STUDY OF COPING BEHAVIOR IN PARTNERS EXPERIENCING DIFFICULTIES IN ROMANTIC RELATIONSHIPS

Milana A. Rozhik, Anastasia A. Yashchenko, Ksenia A. Volodina

Tyumen State University (Tyumen)

Difficulties (problems) in relationships are encountered not only by married couples but also by those who have just entered into a romantic relationship. The experience of such difficulties is manifested in various emotional, behavioral reactions and in coping with them. During our pilot study, coping strategies were analyzed in partners experiencing difficulties in romantic relationships. The study involved 50 people: 25 respondents in romantic relationships living separately and 25 respondents in marriage. The results indicate the dominance of «positive» coping strategies over «negative» ones both among respondents in romantic relationships and those in marriage. When partners experience difficulties, in both cases, the index of emotions reflects the negative aspect of their manifestation. A statistical analysis found no significant differences when comparing emotional experiences and coping strategies in the two types of respondents, except for the «Distraction» strategy, which is more pronounced in married partners. The obtained data emphasize the similarities in emotional and behavioral aspects characteristic of partners in romantic relationships and in marriage, which means that entering into a romantic relationship, young people come as close as possible to the roles of husband and wife. These results can be useful for practicing psychologists in the field of relationships, as well as for specialists engaged in educating young people about family values.

Keywords: romantic relationships, experiencing difficulties, coping strategies, relationship difficulties, marriage.

To cite:

Rozhik M.A., Yashchenko A.A., Volodina K.A. [A pilot study of coping behavior in partners experiencing difficulties in romantic relationships]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 86–98 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-86-98>, EDN: HUPXGP

Введение

Трудности в романтических отношениях глубоко воздействуют на эмоциональное состояние молодых пар, окутывая их стрессом, тревогой, гневом и подавленным настроением. Смотри на супружеские пары, многие люди не придают значения именно романтическим отношениям, считая это не столько серьезным. Трудности, переживаемые молодыми людьми, могут быть значимыми и нести за собой различные последствия, что может отражаться не только на конкретных отношениях, но и на представлениях о романтических отношениях в обществе.

Переживание трудностей в романтических отношениях представлены в работах О.А. Екимчик и Т.Л. Крюковой. Авторы описывают влияние трудностей в романтических отношениях на

эмоциональное состояние и использование различных копинг-стратегий для их преодоления [Екимчик О.А., 2016; Крюкова Т.Л., 2017]. Проблема совладающего поведения в стрессовых ситуациях изучена достаточно глубоко, это подтверждают базовые исследования Т.Л. Крюковой, О.А. Екимчик, Т.П. Опекиной [Крюкова Т.Л. и др., 2019; Опекина Т.П., Екимчик О.А., 2020].

Феномен переживания по своей природе напрямую связан с аффективной сферой человека и с его эмоциями. В трактовке феномена переживания в работах Ф.В. Бассина переживание представляет собой процесс осознания и глубокого ощущения личностного значения и смысла факта, события или ситуации, в котором происходит непрерывное взаимодействие аффективных и когнитивных аспектов, при

этом сохраняется ведущая роль последних [Бассин Ф.В., 1972]. Данную концепцию развивает и Ф.Е. Василюк, рассматривая переживание как особую деятельность, работу по реконструкции психологического мира, направленную на установление смыслового единства между сознанием и бытием, общей целью которого является углубление осмысленности жизни [Василюк Ф.Е., 1984, с. 10].

Романтические отношения оказывают большое влияние на эмоциональную сферу личности, а именно на ее благополучие. Романтические отношения благоприятно сказываются на эмоциональном состоянии, тогда как их отсутствие приводит к такому фактору, как чувство одиночества, а за этим может последовать пагубное влияние на самого человека. При возникновении трудностей из ресурсов преодоления стресса романтические отношения сами становятся источником стресса [Екимчик О.А., 2016, с. 2]. Возникающие трудности в романтических отношениях имеют большое влияние на эмоциональное состояние человека. Трудности могут способствовать погружению в собственные переживания, вызывать депрессию, негативно влиять в целом на состояние человека. Также негативно могут влиять такие факторы, как деструктивность отношений, утрата чувств к партнеру, характер партнера и прочее [Екимчик О.А., 2016, с. 1]. В первую очередь, качество и продолжительность романтических отношений зависит от эффективности совладания с трудностями. Т.Л. Крюкова рассматривает основные критерии, которые способствуют успешному совладанию с трудностями — это контроль ситуации и совместное разрешение проблемы, если ситуацию невозможно разрешить, приспособление к ней [Крюкова Т.Л., 2017].

Такие исследователи, как Л.А. Головей и О.Ю. Стрижицкая, изучающие возникновение стрессов в повседневной жизни, пришли к заключению, что значительная часть стрессов вызвана именно эмоционально-личностными отношениями у людей, которые находятся в близких отношениях. Их исследования показали, что негативные аспекты в романтических отношениях, такие как неспособность поддержать партнера и чрезмерная критика, способствует увеличению уровня стресса. Частые конфликты и неприемлемое поведение со стороны партнера может вызывать повторный стресс, что, в свою

очередь, оказывает негативное влияние на здоровье. Также исследователями были замечены половые различия: женщины более восприимчивы к стрессу, они более чувствительны и сильнее реагируют на трудности, возникающие в контексте романтических отношений [Головей Л.А., Стрижицкая О.Ю., 2016].

Нередко можно встретить со стороны партнера в романтических отношениях проявление агрессивного поведения. Часто агрессорами выступают те, которые воспитывались в семьях, где агрессия являлась нормой, что, в свою очередь, приводит к тому, что в романтических отношениях партнеры могут проявлять эмоциональное и физическое насилие [Lish J.D. et al., 1996].

Еще одним фактором, способствующим возникновению трудностей в романтических отношениях, является излишняя информированность о своих чувствах партнеру. В исследованиях О.А. Бычковой и Т.Л. Крюковой было замечено, что мужчины часто сталкиваются с тем, что их партнер часто делится о своих переживаниях, женщины подтверждают и утверждают, что им редко удается скрыть свои чувства, тогда как мужчин лишняя информированность о стрессе не всегда устраивает, они склонны избегать подобных ситуаций, отказывают в помощи, считают, что партнер должен самостоятельно справиться с возникшими трудностями. На этом фоне может возникать отторжение от партнера, причем с двух сторон, т.к. происходит давление на эмоциональное состояние. Женщины хотят диадического совладания со стрессом и с трудностями, но в результате не получают поддержки, впоследствии женщина испытывает негативные эмоции, такие как обиду, злость, отвращение, что пагубно сказывается на отношениях [Бычкова О.А., Крюкова Т.Л., 2017].

Можно выделить еще одну причину, из-за которой возникают трудности в романтических отношениях, — ревность. Многие авторы приходят к выводу, что ревность носит скорее отрицательный характер, а не позитивный. Чаще всего ревность возникает на почве мнимых причин, а также из-за неуверенности в себе, в партнере, недостатка внимания, уважения и проч. Еще одна причина, почему может возникать ревность, это потеря самооценки, т.к. за этим может следовать и потеря партнера [DeSteno D. et al., 2006]. Все эти причины доставляют больший дискомфорт именно партнеру, которого ревну-

ют, что негативно сказывается на романтических отношениях. Е.П. Ильин поддерживает идею о том, что ревность носит негативный характер. Автор считает, что чувство ревности возникает от недостатка внимания и любви; по его мнению, ревность — это волнующее сомнение в верности и любви, зависть по отношению к сопернику, который более удачлив [Ильин Е.П., 2012].

Молодые люди, состоящие в романтических отношениях, имеют различные потребности; одной из важных потребностей является ощущение собственной ценности в отношениях. Недовольство данной потребностью приводит к возникновению ревности. Ревность как эмоциональное состояние пробуждает фундаментальные эмоции, такие как страх и гнев, боязнь лишиться любви, защищенности, безопасности. Чем больше у молодых людей эмоциональная привязанность, тем чаще пары сталкиваются с ситуациями ревности. Таким образом, ревность в романтических отношениях может быть связана не только с характеристиками самих отношений, но и с индивидуальными особенностями личностей партнеров. Ревность обладает достаточно устойчивым характером [Опекина Т.П., Голубева А.А., 2020].

Можно отметить, что сильные стрессоры в романтических отношениях возникают вследствие специфики формирования интимно-личностных связей. Стрессы подобного рода могут быть связаны с такими факторами, как состояние здоровья, неверность в отношениях, утрата доверия, трудности, связанные с совмещением карьеры и отношений, проблемная привязанность [Крюкова Т.Л., 2017].

Опираясь на теоретическую модель Г. Боденманна, можно выделить еще одну не менее важную причину возникновения трудностей в романтических отношениях — это диадический стресс, когда оба партнера сталкиваются с ситуацией стресса. В данном случае необходимо диадическое совладание, а именно совместное накопление информации, эмоциональная поддержка друг друга и активное участие двух сторон для разрешения трудности [Bodenmann G., Randall A.K., 2012].

Таким образом, можно сказать о существовании большого количества причин, из-за которых могут возникать трудности в романтических отношениях. Наиболее частые причины трудностей — это конфликты и ссоры, возникающие на

почве недосказанности, и диадические стрессы. Неумение совместно совладать с данными причинами тоже является часто встречающей трудностью. Целью исследования выступило изучение стратегий совладающего поведения у партнеров, переживающих трудности в романтических отношениях.

Мы предполагаем, что партнеры, находящиеся в романтических отношениях, испытывают трудности, связанные с ревностью и несовпадением ожиданий и ценностей, это сопровождается негативными эмоциями и неконструктивными стратегиями совладания с ними. А партнеры, находящиеся в браке, испытывают трудности в связи с финансами, жилищной и бытовой неустроенностью, что сопровождается негативными эмоциями и в большей степени конструктивными стратегиями.

Методика проведения исследований

Сбор данных для пилотажного исследования осуществлялся в онлайн-формате с использованием Google-форм.

Для определения трудностей в отношениях применялась анкета с вопросами (Где Вы познакомились со своим партнером? Что Вас больше привлекло в Вашем партнере? Зарегистрированы ли ваши отношения? Оцените психологический климат в ваших отношениях от 1 до 5 (где 1 — неблагоприятный, 5 — благоприятный). Как часто в ваших отношениях возникают конфликтные ситуации? Назовите основные причины возникновения конфликтных ситуаций в ваших отношениях. Основные источники трудностей в Ваших отношениях? На какие сферы жизни оказывают влияние возникшие трудности в отношениях?).

Методики исследования: методика «Шкала дифференциальных эмоций» (С. Izard, адаптация А.Б. Леонова, М.С. Капица), методика «Преодоление трудных жизненных ситуаций (ПТЖС)» (W. Janke, G. Erdmann, адаптация Н.Е. Водопьянова [Водопьянова Н.Е., 2009]). Сравнительный анализ проведен с помощью статистического критерия U-Манна Уитни и углового преобразования Фишера.

В пилотажном исследовании приняли участие 50 респондентов (25 мужчин и 25 женщин). Из них 25 чел. (50 %) состоят в романтических отношениях и проживают раздельно, а 25 чел. (50 %) находятся в браке и проживают вместе. В первой подвыборке (ро-

мантические отношения) участвовали 13 мужчин (52 %) и 12 женщин (48 %), во второй подвыборке (состоящие в браке) — 12 мужчин (48 %) и 13 женщин (52 %). Средняя продолжительность отношений среди всех респондентов составила 2,46 года ($\sigma = 2,51$). Для респондентов, состоящих в браке, среднее значение составило 3,14 года ($\sigma = 3,03$), а для тех, кто находится в романтических отношениях, — 1,78 года ($\sigma = 1,67$).

Результаты исследования

В нашем исследовании были выявлены основные трудности, с которыми сталкиваются партнеры в романтических отношениях и браке (рис. 1): несовпадение точек зрения, ценностей, идеалов; жилищная и бытовая неустроенность; проблемы с родителями партнера; низкий уровень дохода; ревность; отсутствие тепла в отношениях.

Рис. 1. Основные трудности партнеров в романтических отношениях и браке, %

Fig. 1. Main partners' in romantic relationships and in marriage, %

Также в ходе анализа анкет удалось выявить частоту возникновения трудностей у партнеров в романтических отношениях и в браке: довольно часто сталкиваются с трудностями — 20 % респондентов в браке и 4 % — в романтических отношениях; не возникают трудностей у 20 % респондентов в браке и 20 % — в романтических отношениях; возникают трудности периодически у 60 % респондентов в браке и 76 % — в романтических отношениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что партнеры, находящиеся в браке и в романтических отношениях, сталкиваются с трудностями в равной мере. В романтических отношениях трудности связаны с ревностью и несовпадением ожиданий и ценностей, а в браке — с финансами, жилищной и бытовой неустроенностью.

Для проверки достоверности представленного выше вывода был использован критерий углового преобразования Фишера. В ходе исследования были проведены сравнительные анализы частотных различий между парами, состоящими в романтических отношениях, и парами, находящимися в браке, по ряду переживаемых трудностей, что позволило выявить степень статистической значимости различий в процентах встречаемости различных трудностей в двух группах.

Полученные результаты показали, что наиболее выраженные различия наблюдаются в категориях «проблемы с родителями» ($\phi = -1,92$) и «низкий уровень дохода» ($\phi = -1,92$), что указывает на тенденцию к увеличению влияния данных факторов в брачных отношениях по сравне-

нию с романтическими. Однако данные различия не достигают уровня статистической значимости $\alpha = 0,05$ ($\phi_{кр.} = 1,96$), что не позволяет с уверенностью утверждать об их достоверности.

Анализ других трудностей показал, что различия в таких трудностях, как «Жилищная и бытовая неустроенность» ($\phi = -0,63$), «Несовпадение точек зрения, ценностей, идеалов» ($\phi = -0,57$), «Отсутствие тепла в отношениях» ($\phi = -0,78$), «Наличие вредных привычек» ($\phi = -0,88$) и «Отсутствие общих интересов» ($\phi = -0,88$) также не достигают статистически значимого уровня. Это позволяет предположить, что данные трудности являются характерными как для пар, находящихся в романтических отношениях, так и для пар в браке без существенного увеличения их частоты в одной из групп.

Такие трудности, как «Ревность» ($\phi = 0,00$) и «Проблемы с трудоустройством» ($\phi = 0,00$) продемонстрировали схожие показатели в обеих группах, что свидетельствует об отсутствии различий по данным факторам. В то же время

трудности «Неверность партнера» ($\phi = -1,42$) и «Желание одного из партнеров строить карьеру» ($\phi = -1,42$) показывают некоторое увеличение частоты данных проблем в браке, однако также не достигают уровня статистической значимости.

Таким образом, на основании проведенного анализа данных можно сделать вывод о том, что большинство исследуемых трудностей встречаются как в романтических отношениях, так и в браке с сопоставимой частотой. Тем не менее, выявленные тенденции увеличения влияния трудностей, связанных с родительскими отношениями и финансовым благополучием, в браке могут указывать на необходимость дальнейшего изучения данных аспектов с привлечением более крупных выборок и дополнительного анализа факторов.

Изучая эмоциональную сферу респондентов, испытывающих трудности в браке и романтических отношений, отметим доминирующие у них эмоциональные состояния (рис. 2).

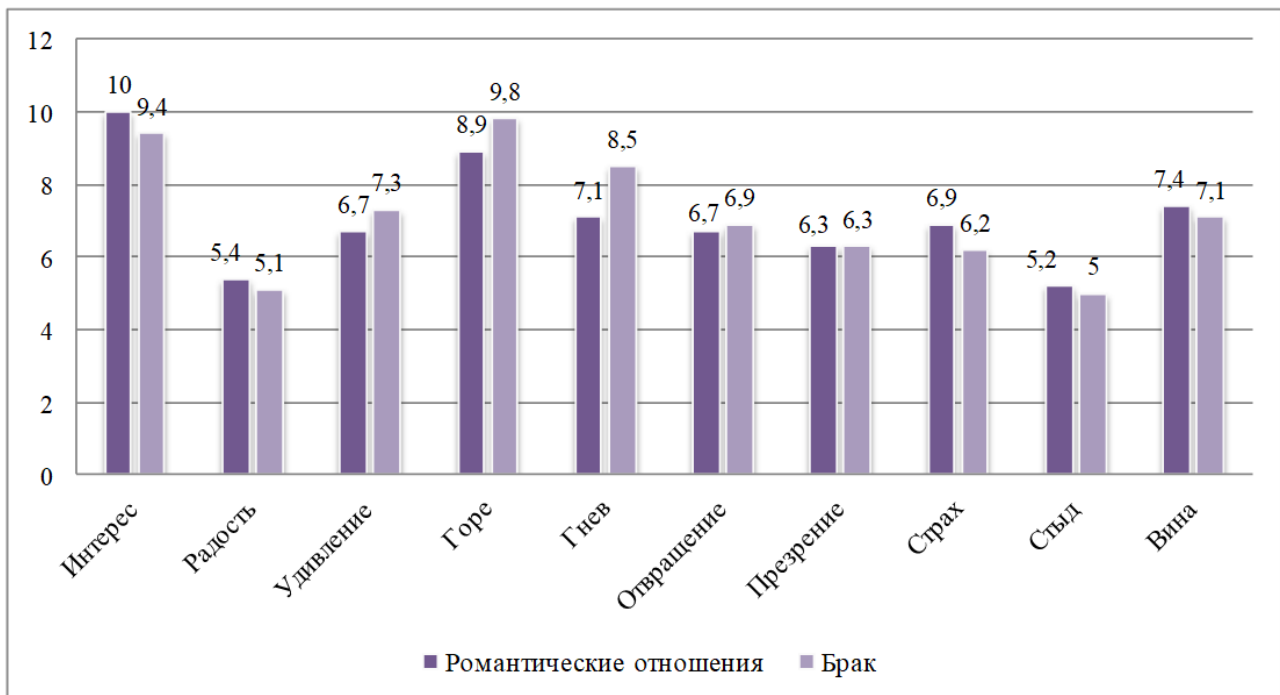

Рис. 2. Средние показатели эмоциональных переживаний у партнеров в романтических отношениях и в браке

Fig. 2. Average data of emotional experience of partners in romantic relationships and in marriage

На рис. 2 можно заметить, что доминирующими эмоциональными переживаниями у партнеров, находящихся в романтических от-

ношениях, выступают такие шкалы, как «Интерес» (10), «Горе» (8,9), «Вина» (7,4) и «Гнев» (7,1). Отметим, что у партнеров, находящихся в

браке, отмечается доминирование таких же шкал: «Горе» (9,8), «Интерес» (9,4), «Гнев» (8,5), «Вина» (7,4), однако шкала «Удивление (7,3)» более выражена у партнеров в браке.

Чтобы проверить различия в двух группах, на был применен U-критерий Манна-Уитни (табл. 1).

Таблица 1. Эмоциональные переживания у партнеров в романтических отношениях и в браке и результаты их сравнения с помощью U-критерия Манна-Уитни

Table 1. Emotional experiences of partners in romantic relationships and in marriage and the results of their comparison using the Mann-Whitney U-test

Шкалы	Медиана		U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
	Пары без брака	Пары в браке		
Интерес	10	9	266	0,366
Радость	5	3	290	0,662
Удивление	7	7	276,5	0,484
Горе	8	10	258	0,290
Гнев	7	9	243,5	0,180
Отвращение	6	7	288	0,634
Презрение	6	6	303	0,853
Страх	6	6	298,5	0,785
Стыд	4	4	304	0,869
Вина	7	4	304,5	0,876

Результаты, представленные в табл. 1, свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий при сравнении данных показателей.

Для анализа обобщенных показателей эмоциональных переживаний необходимо рассмотреть

результаты по трем градациям: индекс позитивных эмоций (интерес+радость+удивление), индекс острых негативных эмоций (горе+гнев+отвращение+презрение), индекс тревожно-депрессивных эмоций (страх+стыд+вина) (рис. 3).

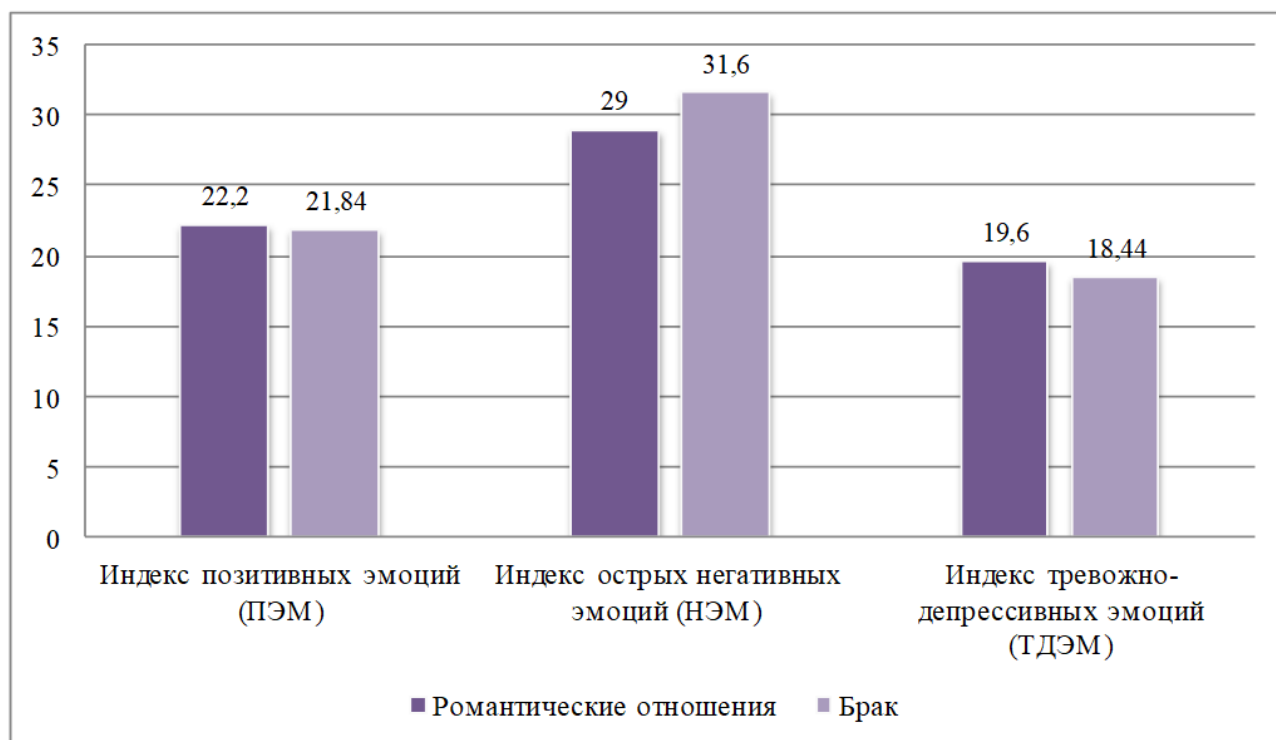

Рис. 3. Средние показатели индекса эмоций

Fig. 3. Average data of the emotion index

Полученные данные указывают на доминирование индекса негативных эмоций как у партнеров в романтических отношениях, так и в браке.

В ходе диагностики типичных способов преодоления стрессовых ситуаций были выявлены «негативные» и «позитивные» стратегии у респондентов, находящихся в романтических отношениях и в браке (рис. 4, 5).

У партнеров, находящихся в романтических отношениях и в браке, показатели «негативных» стратегий схожи. Доминирует такая стратегия, как «Заезженная пластинка». Менее выражены у партнеров в романтических отношениях стратегия «Жалость к себе», в браке — стратегия «Беспомощность». Для проверки различий в двух группах по данным показателям на был применен U-критерий Манна-Уитни (табл. 2).

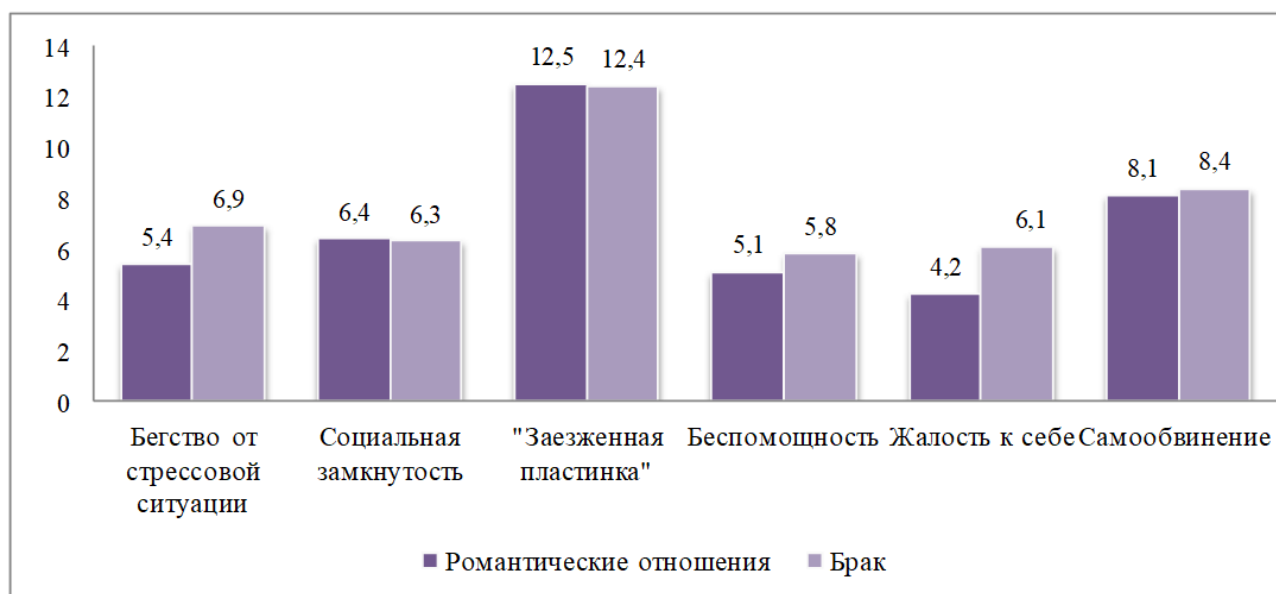

Рис. 4. Средние показатели «негативных» стратегий поведения у партнеров в романтических отношениях и в браке

Fig. 4. Average data of «negative» strategies of partners in romantic relationships and in marriage

Таблица 2. «Негативные» стратегии у партнеров в романтических отношениях и в браке и результаты их сравнения с помощью U-критерия Манна-Уитни

Table 2. The «negative» strategies of partners in romantic relationships and in marriage and the results of their comparison using the Mann-Whitney U-test

Негативные стратегии	Медиана		U-критерий Манна-Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Пары без брака	Пары в браке		
Поиск социальной поддержки	6	6	294,5	0,726
Антиципирующее избегание	11	11	309,5	0,953
Бегство от стрессовой ситуации	5	7	248	0,210
Социальная замкнутость	4	5	303	0,853
«Заезженная пластинка»	11	12	306,5	0,907
Беспомощность	4	6	266	0,366
Жалость к себе	3	5	232	0,118
Самообвинение	7	8	287,5	0,627
Агрессия	6	5	263,5	0,341
Прием лекарств	3	2	303	0,853

Результаты, представленные в табл. 2, свидетельствуют об отсутствии статистически значи-

мых различий при сравнении данных показателей.

При рассмотрении «позитивных» стратегий респондентов, находящихся в романтических отношениях, доминируют такие «позитивные» стратегии, как: «Контроль над ситуацией», «Позитивная самомотивация» и «Самоконтроль/Самообладание», наименее проявляются стратегии «Замещение», «Снижение значения стрессовой ситуации». Для респондентов, находящихся в браке, характерны такие стратегии,

как «Позитивная самомотивация», «Контроль над ситуацией», «Самоконтроль/Самообладание», «Отвлечение» и «Самоутверждение». Наименее выражена стратегия «Замещение» (рис. 5).

В ходе проведения статистического анализа были выявлены статистически значимые различия только по одной стратегии — «Отвлечение» ($p = 0,019$) (табл. 3).

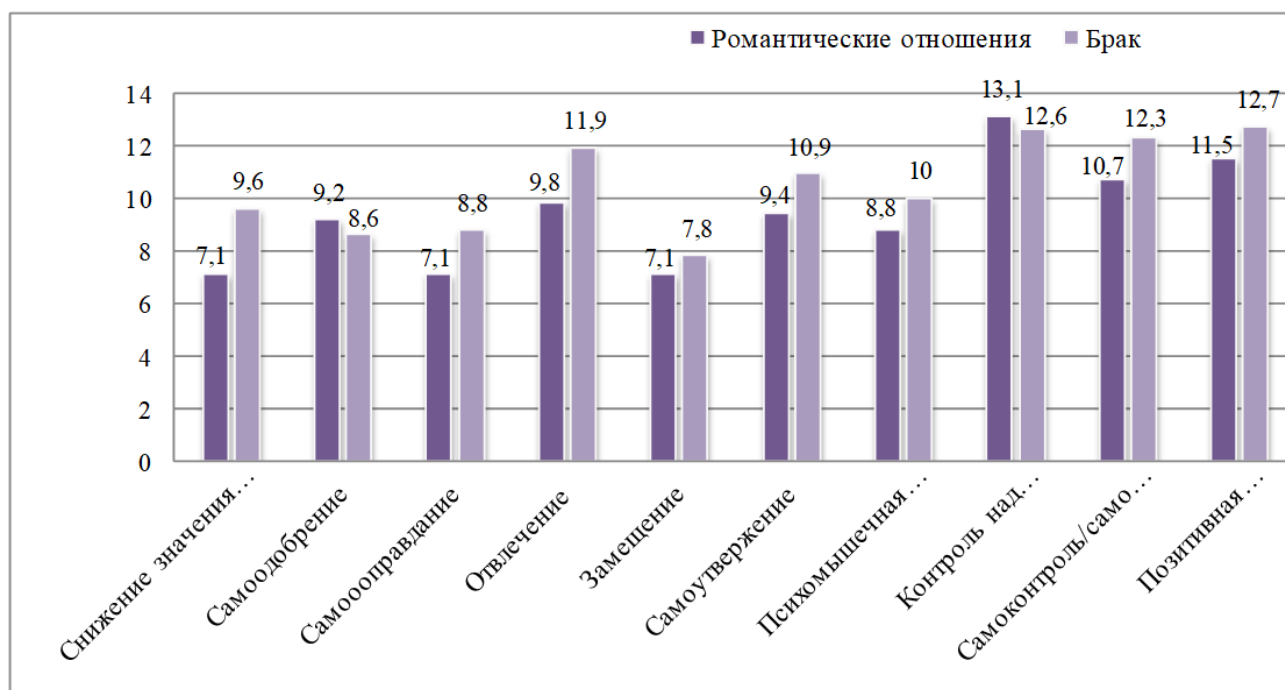

Рис. 5. Средние показатели «позитивных» стратегий поведения у партнеров в романтических отношениях и в браке

Fig. 5. Average data of «positive» strategies of partners in romantic relationships and in marriage

Таблица 3. «Позитивные» стратегии поведения у партнеров в романтических отношениях и в браке и результаты их сравнения с помощью U-критерия Манна-Уитни

Table 3. «Positive» behavior strategies of partners in romantic relationships and in marriage and the results of their comparison using the Mann-Whitney U-test

Негативные стратегии	Медиана		U-критерий Манна-Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Пары без брака	Пары в браке		
Снижение значения стрессовой ситуации	7	9	202,5	0,032
Самоодобрение	8	10	310	0,961
Самооправдание	7	8	220	0,072
Отвлечение	10	13	192	0,019
Замещение	7	8	276,5	0,484
Самоутверждение	10	11	238,5	0,151
Психомышечная релаксация	9	10	250	0,255
Контроль над ситуацией	13	13	288,5	0,641
Самоконтроль/самообладание	10	12	244	0,183
Позитивная самомотивация	7	9	202,5	0,032

Таким образом, на основании полученных результатов и проведенного статистического анализа данных стоит отметить, что независимо от того, состоят партнеры в браке или находятся в романтических отношениях, они в одинаковой степени прибегают как к «позитивным», так и «негативным» стратегиям поведения.

Обсуждение результатов

В ходе исследования было установлено, что с трудностями в отношениях сталкиваются респонденты как в романтических отношениях, так и браке, однако характер этих трудностей несколько отличается. Так, для тех, кому в романтических отношениях более свойственен эмоциональный контекст трудностей (ревность, несовпадение ожиданий, ценностей), для партнеров в браке трудности имеют более реалистичный контекст, значимый для благополучия семьи (жилищная и бытовая неустроенность, низкий уровень доходов).

Эмоциональные переживания во время трудностей у респондентов, находящихся в романтических отношениях и браке, сопровождаются разным спектром эмоций. Партнеры демонстрируют высокий уровень вовлеченности, проявляют внимательность, сосредоточенность и организованность. Партнеры не перекладывают ответственность друг на друга, проявляют заинтересованность в решении проблемы, предпринимают активные шаги для преодоления трудностей, однако в то же время могут чувствовать себя сломленными, унылыми и печальными, а также испытывают вину из-за случившихся трудностей. Проявление гнева, раздражения у партнеров стоит рассматривать как одну из распространенных реакций на возникновение трудностей. У партнеров в браке также присутствует удивление о возникших трудностях, несмотря на то что муж и жена вместе уже не первый год, а трудности либо остаются все те же, либо возникают вновь и вновь.

Обобщая изучение переживаний трудностей, отметим, что у партнеров, состоящих как в романтических отношениях, так и в браке, наиболее выражен индекс негативных эмоций, что подчеркивает определенную значимость этих отношений для партнеров: переживая трудности, выражая свои эмоции, они не

остаются безразличны к случившемуся. Полученные данные подтверждают наши предположения.

Далее опишем стратегии поведения, способствующие совладанию с трудными ситуациями. Мы предполагали, что конструктивные стратегии поведения снижают стрессовое состояние, уменьшают напряжение, способствуют поиску оптимального решения трудностей, деструктивные же могут усиливать стрессовое состояние, в меньшей степени способствовать снижению напряжения и поиску решения проблемы.

У партнеров как в романтических отношениях, так и в браке среди неконструктивных стратегий выражена «негативная» стратегия «Заезженная пластинка». При данных показателям мы можем отметить, что партнеры постоянно могут прокручивать ситуацию с трудностями в попытках найти решение или варианты, как можно было избежать ошибок, т. е. анализируют свои действия по отношению к партнеру, чтобы извлечь уроки из прошлых ошибок. С одной стороны, это можно рассматривать как опыт, с другой стороны, как трату времени, что тормозит поиск решения возникшей проблемы.

В большей степени у респондентов выражены конструктивные стратегии. К ним относятся: «Контроль над ситуацией», «Позитивная самомотивация», «Самоконтроль/Самообладание»; они присутствуют у партнеров обеих групп. Полученные результаты показывают, что партнеры склонны анализировать трудные ситуации, продумывать план по решению возникшей трудности, способны контролировать ситуацию, свое поведение, сохраняют самообладание.

Стратегии «Отвлечение» и «Самоутверждение» наиболее выражены у партнеров в браке. Используя стратегию «Отвлечение», партнерам удастся сместить фокус внимания с трудностей на более позитивные ситуации, переключиться для того, чтобы найти оптимальные пути решения. Именно потому, что партнеры в браке имеют общий быт, интересы, увлечения, это может способствовать быстрому переключению внимания и снятию эмоционального напряжения. Это значительно отличается от партнеров, находящихся в романтических отношениях, учитывая, что партнеры

не проживают вместе, не имеют обязательств друг перед другом, возможно, еще недостаточно узнали друг друга, это определенно может усложнять успешное применение стратегии «Отвлечение».

Стратегия «Самоутверждение» также наиболее выражена у партнеров в браке, что говорит об их стремлении самоутвердиться, достигать успеха в ходе решения трудностей, т.е. для мужа и жены данная стратегия как возможность решить ситуацию и утвердиться, например, в своей роли, статусе перед супругом, что может быть в меньшей степени актуально для партнеров в романтических отношениях.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что они частично подтвердили наши гипотезы относительно выбора стратегий, т.к. партнеры, переживая различные трудности, чаще прибегают к конструктивным, нежели деструктивным стратегиям совладания, что свидетельствует о желании сохранять отношения независимо от того, находятся партнеры в браке или романтических отношениях.

Заключение

Актуальность изучения совладающего поведения партнеров при переживании трудностей не вызывает сомнения. Проведенный теоретический анализ научных исследований позволяет заключить, что наиболее частыми причинами трудностей выступают конфликты, ссоры и диадические стрессы. Молодые люди, сталкивающиеся с трудностями в романтических отношениях, испытывают стресс и беспокойство по поводу того, что не могут совладать с имеющимися трудностями. Причинами негативных эмоций могут быть недостаточная информированность о партнере, недоверие и неуверенность в отношениях, ревность, несовпадение точек зрения, ценностей. Отсутствие конструктивных форм взаимодействия может способствовать ухудшению отношений в паре.

В ходе проведенного пилотажного исследования было установлено, что большинство партнеров, состоящих как в романтических отношениях, так и в браке, сталкиваются с различными трудностями: несовпадение точек зрения, ценностей, идеалов, ревность. Проблемы материального характера, отношений с родителями наиболее свойственны партнерам в браке.

При переживании трудностей партнеры преимущественно имеют негативный индекс эмоций. Для совладания с трудностями партнеры как в романтических отношениях, так и в браке склонны применять конструктивные стратегии, позволяющие снизить стрессовую ситуацию, а именно «Контроль над ситуацией», «Позитивная самомотивация», «Самоконтроль/Самообладание». Стратегии «Отвлечение» и «Самоутверждение» наиболее выражены у партнеров в браке, что может быть связано с совместной организацией отдыха, досуга, с грамотным распределением семейных обязанностей. Также имеются и выраженные неконструктивные стратегии; наиболее выражена стратегия «Заезженная пластинка»: выбор данной стратегии препятствует партнерам в решении проблемы, может усугублять стрессовую ситуацию.

В ходе исследования не было выявлено значимых статистических связей между исследуемыми параметрами у партнеров, состоящих в романтических отношениях и в браке, кроме стратегии «Отвлечение», имеются статистически значимые различия, наиболее выраженные у партнеров в браке.

Проведенное пилотажное исследование имеет практическую значимость для практикующих психологов, семейных специалистов, специалистов в сфере молодежной политики. Несмотря на то, что исследование пилотажное, можно сделать важный вывод о том, что партнеры, находящиеся в романтических отношениях, имеют схожие эмоциональные и поведенческие реакции при переживании трудностей в отношениях. Именно поэтому при разработке программ, курсов в ходе просвещения семейных ценностей стоит учитывать выявленные особенности.

Расширение выборки позволит точнее определить перечень трудностей, эмоциональные переживания и способы совладания с ними.

Список литературы

- Бассин Ф.В. Значение переживания и проблема собственно-психологической закономерности // Вопросы психологии. 1972. № 3. С. 105–124.
- Бычкова О.А., Крюкова Т.Л. Коммуникативные трудности партнеров как стрессоры в близких отношениях: возможности диадического копинга // Саморегуляция личности в контексте жизнедеятельности: материалы Всерос. науч.-

практ. конф. с междунар. участием (Омск, 5–6 октября 2017 г.). Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2017. С. 135–139.

Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.

Головей Л.А., Стрижицкая О.Ю. Особенности структуры повседневных стрессоров и ресурсов личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия, совладание: колл. моногр. / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 27–49.

Екимчик О.А. Стресс в близких гетеросексуальных отношениях // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 49. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/424/620> (дата обращения: 17.12.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i49.424>

Ильин Е.П. Психология любви. СПб.: Питер, 2012. 336 с.

Крюкова Т.Л. Совладание с жизненными стрессами у партнеров близких отношений: что способствует позитивным последствиям // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23, № 4. С. 70–76.

Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П. Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. 340 с.

Опекина Т.П., Голубева А.А. Переживание ревности в близких отношениях и психологическое благополучие взрослых мужчин и женщин // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2020. № 4. С. 53–59. DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.4.53-59>

Опекина Т.П., Екимчик О.А. Роль привязанности в совладании с трудностями на этапе начала совместного проживания романтических партнеров // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: субъект-субъектная коммуникация как фактор социализации индивида: материалы V Междунар. науч. конф. (Минск, 23–24 октября 2020 г.). Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2020. С. 189–195.

Bodenmann G., Randall A.K. Common factors in the enhancement of dyadic coping // Behavior Therapy. 2012. Vol. 43, iss. 1. P. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.beth.2011.04.003>

DeSteno D., Valdesolo P., Bartlett M.Y. Jealousy and the threatened self: Getting to the heart of the

green-eyed monster // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91, iss. 4. P. 626–641. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.4.626>

Lish J.D., Kavoussi R.J., Coccato E.F. Aggressiveness // Personality characteristics of the personality disordered / ed. by Ch.G. Costello. N.Y.: John Wiley & Sons, 1996. P. 24–47.

References

Bassin, F.V. (1972). [Significant experiences and the problem of the psychological regularity of the self]. *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 105–124.

Bodenmann, G. and Randall, A.K. (2012). Common factors in the enhancement of dyadic coping. *Behavior Therapy*. Vol. 43, iss. 1, pp. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.beth.2011.04.003>

Bychkova, O.A. and Krukova, T.L. (2017). [Communicative difficulties in close relationships partners: possibilities of dyadic coping]. *Samoregulyatsiya lichnosti v kontekste zhiznedeyatel'nosti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem (Omsk, 5–6 oktyabrya 2017 g.)* [Self-regulation of personality in the context of life activity: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Omsk, October 5–6, 2017)]. Omsk: OSU Publ., pp. 135–139.

DeSteno, D., Valdesolo, P. and Bartlett, M.Y. (2006). Jealousy and the threatened self: Getting to the heart of the green-eyed monster. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 91, iss. 4, pp. 626–641. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.4.626>

Ekimchik, O.A. (2016). [Stress in heterosexual relationships]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 9, no. 49. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/424/620> (accessed 17.12.2024). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i49.424>

Golovey, L.A. and Strizhitskaya, O.Yu. (2016). [The structure of everyday stressors and personality resources at different stages of adulthood]. *Psikhologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya, sovladanie, отв. red. A.L. Zhuravlev i dr.* [A.L. Zhuravlev et al. (eds.) Psychology of everyday and traumatic stress: Threats, consequences, coping]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 27–49.

Il'in, E.P. (2012). *Psikhologiya lyubvi* [The psychology of love]. St. Petersburg: Piter Publ., 336 p.

Kryukova, T.L. (2017). [Coping with life stresses in close relationships: What contributes to positive

outcomes]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 23, no. 4, pp. 70–76.

Kryukova, T.L., Ekimchik, O.A. and Opekina, T.P. (2019). *Psikhologiya sovladaniya s trudnostyami v blizkikh (mezhluchnostnykh) otnosheniyakh* [The psychology of coping with difficulties in close (interpersonal) relationships]. Kostroma: KSU Publ., 340 p.

Lish, J.D., Kavoussi, R.J. and Coccato, E.F. (1996). Aggressiveness. *Ch.G. Costello (ed.) Personality characteristics of the personality disordered*. New York: John Wiley & Sons Publ., pp. 24–47.

Opekina, T.P. and Ekimchik, O.A. (2020). [The role of attachment in coping with difficulties at the stage of starting cohabitation of romantic partners]. *Psikhosotsial'naya adaptatsiya v transformiruyushchetsya obshchestve: sub'yekt-sub'yektnaya kommunikatsiya kak faktor sotsializatsii individa: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Minsk, 23–24 oktyabrya 2020 g.)* [Psychosocial adaptation in a transforming society: subject-subject communication as a factor in the socialization of an individual: Proceedings of the V International scientific conference (Minsk, October 23–24, 2020)]. Minsk: BSU Publ, pp. 189–195.

Opekina, T.P. and Golubeva, A.A. (2020). [Experiencing of jealousy in close relationships and psychological well-being of adult men and women]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Herald of Omsk University. Series: Psychology]. No. 4, pp. 53–59. DOI: <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.4.53-59>

Vasilyuk, F.E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniya. Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy* [The psychology of experience: Analysis of overcoming critical situations]. Moscow: MSU Publ., 200 p.

Vodop'yanova, N.E. (2009). *Psikhodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. St. Petersburg: Piter Publ., 336 p.

Об авторах

Рожик Милана Александровна

студентка направления «Психология»,
кафедра общей и социальной психологии

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень ул. Володарского, 6;
e-mail: milkaro911@gmail.com
ResearcherID: MSZ-6726-2025

Яценко Анастасия Александровна

студентка направления «Психология»,
кафедра общей и социальной психологии

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень ул. Володарского, 6;
e-mail: 24anastasiya1003@gmail.com
ResearcherID: LXB-5150-2024

Володина Ксения Андреевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и социальной психологии

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень ул. Володарского, 6;
e-mail: k.a.volodina@utmn.ru
ResearcherID: KCJ-8358-2024

About the authors

Milana A. Rozhik

Psychology Student,
Department of General and Social Psychology

Tyumen State University,
6, Voldarsky st., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: milkaro911@gmail.com
ResearcherID: MSZ-6726-2025

Anastasia A. Yashchenko

Psychology Student,
Department of General and Social Psychology

Tyumen State University,
6, Voldarsky st., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: 24anastasiya1003@gmail.com
ResearcherID: LXB-5150-2024

Ksenia A. Volodina

Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department
of General and Social Psychology

Tyumen State University,
6, Voldarsky st., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: k.a.volodina@utmn.ru
ResearcherID: KCJ-8358-2024

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 364:316.422.42

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-99-112>

EDN: JHVTID

Поступила: 10.08.2024

Принята: 25.02.2025

Опубликована: 10.04.2025

К КРИТИКЕ РЫНКА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

*Гасумова Светлана Евгеньевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Представлены основные дискуссионные вопросы о рисках и негативных последствиях развитии рынка социальных услуг, сопровождаемые компиляцией экспертных критических оценок зарубежных и российских исследователей, статистическими данными Федеральной службы государственной статистики, Министерства труда и социальной защиты РФ, Аналитического центра НАФИ, анализом некоторых случаев причинения вреда получателям социальных услуг в России в негосударственном секторе. Показано, что в 1996–2002 гг. в Российской Федерации уже был опыт введения процедуры лицензирования деятельности по социальному обслуживанию, который государство планирует в ближайшем будущем отчасти воссоздать, но пока только в отношении стационарных форм предоставления социальных услуг для регулирования данного сегмента в некоторой мере стихийно развивающегося рынка. На основе зарубежного опыта использования цифровых технологий в модели общественного контроля за специалистами, осуществляющими профессиональную деятельность в области здоровья и ухода, формулируется идея о создании в форме удобного онлайн-сервиса для граждан единого реестра по социальному обслуживанию, позволяющего не только подбирать специалиста или социальную службу (независимо от ее организационно-правовой формы, наличия или отсутствия статуса поставщика), но и просматривать информацию о каждом из них, оценивать качество работы и подавать жалобы уполномоченному государственному органу на некачественно предоставленные услуги. При дальнейшем сохранении в российской государственной социальной политике курса на либерализацию и увеличение доли негосударственных поставщиков социальных услуг обсуждается риск постепенной оптимизации системы государственных социальных служб и закрытия затратных для бюджета учреждений, представляющих большую ценность для общества с их ресурсной базой и высококвалифицированными коллективами специалистов. Коммодификация социальных услуг может являться препятствием для повышения их качества и доступности, способствовать росту социального неравенства.

Ключевые слова: рынок социальных услуг, социальные услуги, социальное обслуживание, социальное государство, социальная политика, социальная защита, социальная работа, Россия.

Для цитирования:

Гасумова С.Е. К критике рынка социальных услуг // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 99–112. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-99-112>. EDN: JHVTID

TOWARD A CRITIQUE OF THE SOCIAL SERVICES MARKET

Svetlana E. Gasumova

Perm State University (Perm)

The study presents the main controversial issues relating to the risks and negative consequences of the development of the social services market, accompanied by a compilation of expert critical assessments of foreign and Russian researchers, statistical data of the Federal State Statistics Service, the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, and the Analytical Center NAFI, as well as an analysis of some cases of harm caused to recipients of social services in Russia in the non-governmental sector. In 1996–2002 the Russian Federation had experience of introducing a procedure for licensing activities in social services, which the state plans to partially recreate in the near future, but so far only in relation to stationary forms of providing social services, which is necessary to regulate this segment of a somewhat spontaneously developing market. Based on foreign experience in using digital technologies in the model of public control over specialists carrying out professional activities in the field of health and care, the author of the article suggests an idea of creating a single register of social services in the form of a convenient online service that would allow citizens not only to select a specialist or a social services establishment (regardless of its organizational and legal form, the presence or absence of the status of the provider) but also to view information about each of these, evaluate the quality of their work, and file complaints to the authorized state body about poorly provided services. If the Russian state social policy continues to pursue the course toward liberalization and increase in the share of non-state providers of social services, there is a risk of gradual optimization of the system of governmental social services and the closure of institutions that are costly for the budget, though being of great value to society due to their resource base and highly qualified teams of specialists. The commodification of social services can be an obstacle to improving their quality and accessibility and contribute to the growth of social inequality.

Keywords: social services market, social services, social service system, welfare state, social policy, social protection, social security, social work, Russia.

To cite:

Gasumova S.E. [Toward a critique of the social services market]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 99–112 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-99-112>, EDN: JHVTID

Введение

Российская модель системы социальных услуг, созданная в современной форме в 1990-е гг., за последние три с половиной десятилетия активно развивалась и трансформировалась под влиянием идей социального государства, либерализации и копирования передового опыта стран Запада. Фактически любые тенденции в данной сфере, характерные для западноевропейских стран и США, включая разгосударствление и формирование рынка социальных услуг, послужили образцом продуктивного опыта, внедрение которого рассматривалось как возмож-

ность сократить отставание российской государственной социальной политики от международных трендов.

В большинстве исследований российских ученых рынок социальных услуг, как правило, рассматривался в контексте необходимости его дальнейшего развития, расширения и стимулирования (И.А. Авилов, Л.В. Акулина, Е.Н. Летягина, С.Е. Чуранов, Е.Ю. Бобкова, А.Л. Фурсов, В.А. Тушавин, С.Р. Росс и Е.М. Редина, Н.А. Бухалова, О.А. Павлова и В.И. Литвинчук, Н.В. Горошко и Е.К. Емельянова, Г.М. Заболотная, Н.И. Ларионова, И.А. Несмеянова,

Н.Ф. Солдатова [Авилов И.А., 2014; Акулина Л.В. и др., 2018; Бобкова Е.Ю. и др., 2021; Бухалова Н.А. и др., 2020; Горошко Н.В., Емельянова Е.К., 2019; Заболотная Г.М., 2023; Ларионова Н.И., 2010; Несмеянова И.А., 2019; Солдатова Н.Ф., 2023]).

Однако некоторые зарубежные авторы, в странах которых разгосударствление в системе социальных услуг началось раньше, чем в России (Р. Столт, П. Бломквист и У. Винблад, Р. Джонс, Д. Бенн [Stolt R. et al., 2011; Jones R., 2018; Benn J., 2006]), не так оптимистичны в оценках этого процесса. Кроме того, копирование западного устройства социальной политики не всегда может положительно повлиять на создание в России с ее социально-экономическими, политическими и культурными особенностями собственной уникальной модели социальных услуг. С этой позиции встает вопрос об оценке социальных рисков во многом стихийно развивающегося сегодня рынка социальных услуг. Данная проблема требует научного осмысления, что и стало целью проведения представленного исследования.

Рассмотрим некоторые дискуссионные аспекты дискурса о рынке социальных услуг в российской и зарубежной научной литературе, проанализируем государственную политику России в обозначенной сфере (рассмотрим официальные документы), а также приведем некоторый фактологический материал и статистические факты, характеризующие проблемы и перспективы формирования российского рынка социальных услуг.

Научный дискурс о рынке социальных услуг

Необходимость и целесообразность развития рынка социальных услуг в мировой науке связывается с выбранным в последние десятилетия многими западными странами путем развития социальных государств, основанным на повышении роли гражданского общества и «третьего сектора», часто обозначаемом как «третий путь» в соответствии с опубликованной в 1999 г. широко известной концепцией британского социолога, директора Лондонской школы экономики и политики Э. Гидденса [Giddens A., 1999]. Современные государства, согласно данной концепции, могут развиваться и сохранять баланс интересов в социуме, только самореформировавшись и делегировав часть полно-

мочий институтам гражданского общества, поощряя гражданскую инициативу и деятельность сообществ [Giddens A., 2000, p. 64]. Роль государства в организации общественной жизни снижается, уступая место структурному плюрализму, взаимодействию различных субъектов. Общей для большинства стран становится возрастающая роль благотворительных, религиозных организаций, добровольных организаций и взаимопомощи [Spicker P., 2014].

В результате сформировавшаяся ранее и финансируемая из бюджета государственная система социального обслуживания населения постепенно замещается рынком социальных услуг. Он начинает играть все более важную роль в социально-сервисных государствах. Функции по предоставлению социальных услуг берут на себя, наряду с государственными организациями и учреждениями, новоявленные субъекты рынка — общественные организации, социальные предприятия и индивидуальные предприниматели. Государство наделяет часть из них статусом «поставщиков социальных услуг», распределяя между ними финансовые ресурсы и нагрузку по социальному обслуживанию наиболее нуждающихся в помощи социальных групп через механизмы социального заказа.

За счет появления новых акторов социальной политики система социальных услуг становится более гибкой и диверсифицированной, число социальных служб различных организационно-правовых форм растет. Усиливается субъектность и расширяются ресурсные возможности получателей социальных услуг, приобретших выбор при обращении за услугой. Это соответствует целям гармоничного общественного развития согласно «возможностному подходу» А. Сена, завоевавшему широкое признание в научном мире в исследованиях социального государства [Sen A., 1980]. Равенство возможностей в итоге становится основным принципом нового непатерналистского (неолиберального) государства со значительной активностью органов государства и гражданского общества [Родионова О.В., Родионова Е.В., 2018, с. 63–64].

Однако исследователи отмечают уникальность и специфику российской модели социального государства, которая наряду с неолиберальными новшествами во многом сохранила черты советской системы социальной защиты

[Антропов В.В., 2021, с. 14–15]. Ее эффективность для России обусловлена как раз «смешанным» характером. Соответственно, значимым направлением дискурса о российской модели социальных услуг может стать пересмотр взглядов на дальнейшую либерализацию и стремление к всемерному развитию рынка социальных услуг.

С одной стороны, общепринятой считается точка зрения, что разгосударствление социального обслуживания позволяет обеспечить диверсификацию социальных услуг, более широкий выбор для граждан и экономию бюджетных средств (например, за счет отсутствия необходимости содержать капитальные здания). Исследователи подчеркивают также преимущества внедрения новых методов управления, конкурентных и договорных отношений в социальном обслуживании [Сидорина Т.Ю., 2013, с. 201], расширения возможностей освобождения семьи от необходимости ухода (например, за инвалидами и пожилыми) за счет маркетизации [Тезадова Д.А., 2015].

С другой стороны, среди оценок российских ученых в отношении рынка социальных услуг появляются и критические. Прежде всего ставится под сомнение доступность маркетизированных социальных услуг. По мнению И.А. Григорьевой, И.Л. Первой и А.Н. Смирновой [Grigoryeva I.A. et al., 2015], она в результате перехода к неолиберальным ценностям социальной защиты не только не расширяется, а, напротив, снижается, поскольку возникает проблема разрыва в возможностях между состоятельными и несостоятельными клиентами социальных служб. Последние могут позволить себе обратиться только за бесплатными или дешевыми услугами официальных, аффилированных с государством поставщиков социальных услуг, что может к тому же потребовать ожидания в очереди. Таким образом, увеличивается социальное неравенство в обществе. Кроме того, коммодификация зачастую становится препятствием для повышения качества социальных услуг, поскольку коммерческие организации не стремятся тратить ресурсы на повышение квалификации сотрудников и другие издержки, снижающие прибыль.

Нужно отметить, что подобная дискуссия за рубежом ведется в последние десятилетия, только при этом используются термины «приватизация» социальных услуг (или социальной

работы). Хотя Ю.А. Кицай доказывает, что правильное использовать термин «разгосударствление», когда речь идет о делегировании полномочий государства частным структурам и допуске на рынок социальных услуг НКО, а между понятиями «приватизация» и «разгосударствление» нельзя ставить знак равенства [Кицай Ю.А., 2017, с. 112–114]), но, как показывают зарубежные литературные обзоры, под приватизацией социальных услуг там однозначно понимается привлечение на контрактной основе частных организаций для их оказания [Winston P. et al., 2002, p. 2].

Р. Столт, П. Бломквист и У. Винблад в 2011 г. в статье «Приватизация социальных услуг: различия в качестве ухода за пожилыми людьми в Швеции» [Stolt R. et al., 2011] описали тенденции, характерные сегодня и для России. Они отметили, что одной из основных политических тенденций последних десятилетий стала приватизация социальных услуг, которая достигла Швеции, где раньше почти не было частных поставщиков. Одной из наиболее «пострадавших» областей является уход за пожилыми людьми, т.е. услуги помощи на дому и ухода в интернатах, предоставляемые гражданам старше 65 лет, где доля частных поставщиков увеличилась с 1 % в 1990 г. до 16 % в 2010 г. Продолжающаяся приватизация в Швеции и других странах заставила поднять важный вопрос относительно последствий этой трансформации социальной политики. Проведя исследование по сравнению качества услуг в сфере частного и государственного ухода за пожилыми людьми, авторы пришли к выводу, что приватизация способствует как положительным, так и отрицательным изменениям качества услуг. Например, количество сотрудников в частном уходе за пожилыми людьми на одного клиента снижается (-9 %), но может повышаться качество питания (+26 %), вовлеченность клиента в составление плана ухода за ним (+7 %).

Сегодня звучат более жесткие оценки. Одним из известных трудов о вреде приватизации социальной работы и ложности либерального курса в этой сфере за рубежом является изданная в 2018 г. монография почетного профессора социальной работы в Кингстонском университете и Лондонском университете Святого Георгия, бывшего исполнительного директора Института передового опыта социального обеспе-

чения и председателя Британской ассоциации социальных работников Р. Джонса «В чьих интересах? Приватизация защиты детей и социальной работы» [Jones R., 2018]. В ней он пишет о провале приватизации, подразумевая продолжающееся открытие социальной работы в Англии для коммерческого рынка. Важные услуги социальной работы, в том числе для семей и детей, теперь передаются частным компаниям, что приводит к ухудшению их качества. Р. Джонс убежден, что эта тенденция угрожает безопасности и благополучию уязвимых детей и взрослых с ограниченными возможностями. Приватизация социальных услуг, на взгляд Р. Джонса, по сути, обращает кризис социальной работы в катастрофу.

Член парламента Великобритании Э. Льюэлл-Бак в отзыве на монографию Р. Джонса [Jones R., 2018] отмечает, что в ней «справедливо описан опасный и растущий приток приватизации в сектор социальных услуг, вызванный годами ошибочной политической идеологии. Поскольку коммерческая коммодификация ухода и социальной работы продолжается, а правительство стремится задуть эту профессию, данная книга является своевременной и должна послужить суровым предупреждением всем, кто ошибочно полагает, что услуги, ориентированные на прибыль, защитят уязвимые слои населения».

Д. Бенн из Колумбийского университета в статье «Приватизация социальной работы: отклонение или логическое развитие?» [Benn J., 2006] пишет, что с 1980-х гг. социальные работники все чаще уходили из государственного сектора и переходили к частной практике. Значительное количество социальных работников сегодня практикуют коммерческую клиентскую терапию, а не государственные услуги на основе агентств. Эти недавние изменения заставляют критиков задаться вопросом, не отклонился ли новый акцент социальной работы на коммерческих услугах от первоначальной цели социальной работы — сформировать преданность бедным, обездоленным и угнетенным? Является ли это изменение фокуса отказом от исторических принципов социальной работы? Или это просто современная и логичная эволюция? Д. Бенн исследует дебаты о плюсах и минусах частной и государственной практики социальной работы и приходит к выводу, что произошедшие изменения вынуждают эту сферу кри-

тически пересмотреть свою этику и миссию, что приведет к развитию профессии.

В 2018 г. нами было проведено интервью с профессором Университета Вустера (Великобритания) П. Анвином после ознакомительных посещений им государственных и частных социальных служб в Пермском крае в рамках международного проекта «Эффективная поддержка молодежи, утратившей значимые социальные связи» по гранту фонда Эразмус [Гасумова С.Е., 2018, с. 56]. Целью интервью было выяснить его впечатления после визитов. Будучи преподавателем дисциплин по социальной работе и известным исследователем и автором учебников и научных статей в этой сфере, П. Анвин отметил, что в Великобритании по мере развития рынка социальных услуг, к сожалению, постепенно закрывались государственные социальные службы, поскольку их содержание затратно для бюджета и невыгодно государству. Государству, на его взгляд, удобнее, дешевле и проще вообще все услуги передать негосударственным поставщикам и только регулировать их деятельность. Так, в результате государственных учреждений социального обслуживания в Великобритании уже практически не осталось, и необходимо понимать, что это невосполнимый урон для общества. П. Анвин убежден, что у заменивших их общественных организаций никогда не будет в распоряжении такой ресурсной базы, какая была у государственных, а коммерческие организации всегда зациклены на прибыли, а не на помощи человеку. Он добавил, что вместе с коллегами ходит на протестные митинги против приватизации социальной работы. В конце интервью он пожелал России не пойти по этому ошибочному пути развития рынка социальных услуг и сохранить наш богатый фонд государственных учреждений с их капитальными зданиями, бесценным оборудованием, наработанными методиками и высококвалифицированным персоналом, доступными любому нуждающемуся.

«Издержки» развития рынка социальных услуг в России: анализ последствий на практике

Как известно, вначале (в 1990-е гг.) система социальных услуг в России функционировала как государственная, а затем в 2000–2010-х гг. была постепенно реформирована: произошла «монетизация» части услуг и разгосударствление си-

стемы за счет маркетизации. В принятом в 2015 г. Федеральном законе «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» было введено новое понятие «поставщик социальных услуг» взамен использовавшегося ранее понятия «учреждение социального обслуживания». В каждом субъекте РФ на конкурсной основе органами социальной защиты были привлечены к оказанию услуг юридические лица и индивидуальные предприниматели. Сведения о них стали доступны населению в опубликованных в сети Интернет-реестрах.

По итогам 2021 г., по данным Министерства труда и социальной защиты РФ, доля негосударственных поставщиков социальных услуг в России достигла 28%, при этом их численность возросла за предыдущие три года с 1,3 до 1,9 тыс. [Регионы увеличивают..., 2022]. Деятельность поставщиков социальных услуг контролируется органами социальной защиты. И хотя качество предоставляемых ими услуг, как показала проведенная нами независимая оценка в Пермском крае, в большинстве случаев ниже, чем в государственных учреждениях [Гасумова С.Е., 2021, с. 105–154], тем не менее, со временем, набравшись опыта, они, вероятно, смогут работать эффективнее. Во всяком случае, находясь под контролем государства, они не представляют опасности для потребителей услуг.

Основные же риски для общества связаны с постепенным расширением круга участников производства социальных услуг за счет коммерческих организаций, официально не имеющих статуса поставщиков. Чаще всего это частные дома престарелых и организации, занимающиеся обслуживанием на дому пожилых и инвалидов. Этот бизнес востребован и прибылен во многом в результате дефицита подобных государственных услуг и очередей на их получение. Учитывая, что в России, по данным Федеральной службы государственной статистики на 2024 г., из 146 млн жителей 34,6 млн (или 23,7 % населения, т.е. почти каждый четвертый) — лица старше трудоспособного возраста [Численность населения..., 2024] и 11 млн инвалидов (или 7,5 %, т.е. примерно каждый тринадцатый) [Распределение инвалидов..., 2024], эта тенденция, по всей вероятности, сохранится.

Согласно сведениям Министерства труда и социальной защиты РФ, в 2023 г. деятельность по предоставлению стационарных социальных

услуг гражданам в качестве официально зарегистрированных поставщиков осуществляли 1967 государственных организаций и 192 негосударственные. Однако в то же время более 1400 негосударственных организаций (лишь на четверть меньше, чем государственных) осуществляли деятельность по уходу за пожилыми и инвалидами, предоставлению им проживания и питания без регистрации в качестве поставщиков социальных услуг [Пояснительная записка..., 2023]. Подобная деятельность никак не контролируется органами социальной защиты, а в заключаемых с гражданами договорах зачастую вообще указываются не социальные услуги, а услуги по найму жилого помещения, проживанию. Это является острой проблемой сегодня.

Не удивительно, что в России происходят случаи нарушения прав граждан и даже их гибели в подобных организациях в условиях отчасти стихийно функционирующего рынка социальных услуг. В 2023 г. Министерством труда и социальной защиты РФ разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части лицензирования деятельности по предоставлению социальных услуг в стационарной форме социального обслуживания)». В пояснительной записке к нему указывается, что в частных пансионатах для пожилых и инвалидов зафиксированы случаи гибели постояльцев от пожаров (например, в Республике Башкортостан в 2020 г. 11 чел., в Тюменской области в 2021 г. 7 чел. и др.) [Пояснительная записка..., 2023]. В Пермском крае в скандально известных пансионатах «Мария» и «Рассвет», закрытых правоохранительными органами в 2018 г. и 2017 г. соответственно, престарелых клиентов привязывали к кроватям веревками, плохо кормили [Гладких А., 2018; Кармазин И., 2018]. В подобных случаях по результатам проверок, как правило, возбуждаются уголовные дела по статье 238 УК РФ за «оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья», предусматривающей наказание от штрафа в размере до 300 тыс. руб. до лишения свободы сроком до 10 лет. В 2024 г. стало известно, что в Москве сотрудники «Гильдии социальных работников», оказывавшие услуги по уходу за пожилыми людьми на дому, уговаривали пенсионе-

ров заключить договоры ренты, после чего умерщвляли клиентов с помощью яда для завладения их недвижимостью. Банда совершила 8 убийств и одно покушение на убийство. Лидер группы получил пожизненное заключение, его сообщница — 24 года колонии, остальные соучастники осуждены к лишению свободы сроком от 10 до 16 лет [Бурлакова В., 2024].

Представитель «Центра социальных выплат и компенсаций Пермского края» А.А. Тетерина описывала также случаи, когда недобросовестные юридические компании в регионе предлагали пожилым людям услуги по социально-правовому консультированию, намеренно предоставляя ложную информацию о якобы полагающихся им мерах социальной поддержки и заранее склоняя граждан в случае отказа в органах социальной защиты к обращению в суды (и оплате соответствующих гонораров юристам по заведомо проигрышным делам) [Тетерина А.А., 2019].

Кроме того, популярностью среди представителей обеспеченных слоев общества пользуются услуги частнопрактикующих психологов. По данным проведенного Аналитическим центром НАФИ в 2024 г. опроса россиян, каждый третий (32 %) уже имеет опыт обращения к психологу. 24 % наших соотечественников получали единичные консультации один или несколько раз, а 8 % проводили терапию с серией сеансов у психолога. 3 % пользуются услугами психолога регулярно, 10 % — время от времени. Клиентами психологов становятся, к примеру, люди с высшим образованием (41 %), пережившие развод (39 %), женщины (36 %). Лишь четверть респондентов ищут возможность получить психологическую помощь бесплатно у поставщиков социальных услуг, остальные готовы их оплачивать. Средний чек, который россияне, сталкивающиеся с потребностью в психологической помощи, готовы оплатить за один сеанс с психологом — 2094 руб. 75 % респондентов по разным причинам не решились обратиться за психологической помощью, но готовы заплатить за сеанс в среднем 1931 руб. По расчетам НАФИ, в численном выражении это примерно 19 млн россиян, а соответственно, рынок психологических услуг предположительно недополучил 36,8 млрд руб., что свидетельствует о возможных перспективах его дальнейшего роста. Однако в этой области

россияне опасаются встретить шарлатанов, которые могут нанести клиенту вред. Эта причина — на втором месте среди объяснений тех, кто нуждался в психологической помощи, но не решился обратиться за ней. Респонденты подчеркивают отсутствие доступной информации о том, где можно найти хорошего специалиста. Об этом заявляют 31 % среди тех, кто не решился обратиться к психологу (22 % россиян) [25 млн россиян..., 2024].

Соответственно, вопрос о наведении порядка путем государственного регулирования во всех перечисленных сферах можно считать актуальным. Напомним, что в соответствии со ст. 20 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» все описанные нами выше виды деятельности являются видами социальных услуг: социально-бытовыми (поддержание жизнедеятельности в быту), социально-медицинскими (организация ухода) и социально-психологическими.

Таким образом, рынок социальных услуг развивается благодаря участию негосударственных субъектов (НКО, социальных предприятий и индивидуальных предпринимателей). С одной стороны, это позволяет расширить выбор и доступ для получателей услуг. Государственные социальные службы, как правило, расположены в основном только в крупных городах, поэтому у жителей небольших городов и сельской местности может появиться шанс получить услугу, если в их населенном пункте она будет предложена негосударственной организацией. Кроме того, материально обеспеченные слои населения могут намеренно выбирать дорогостоящие сервисы коммерческих субъектов рынка, желая получить эти услуги в максимально комфортных условиях. Например, в Москве, где у части населения довольно высокая платежеспособность, для пожилых людей и инвалидов функционируют в дорогом ценовом сегменте такие крупные коммерческие компании, как «Сениор Групп» (<https://www.seniorgroup.ru/>), предлагающие услуги пансионатов. Государственная политика стимулирования развития рынка социальных услуг через механизм делегирования полномочий по их оказанию негосударственным поставщикам за счет бюджетных средств способствует развитию некоммерческого сектора и

социального предпринимательства, а значит — гражданского общества. С другой стороны, неоспоримо, что социальные услуги связаны с риском нанесения вреда здоровью, благополучию и жизни человека в случае их некачественного оказания. Государство как главный актор социальной политики должно взять на себя ответственность за нивелирование этих рисков через введение регулирования во многом пока стихийно развивающегося рынка таких услуг. Рассмотрим возможные решения в этой области.

Как регулировать рынок социальных услуг? Шаг 1: поможет ли лицензирование?

В первую очередь регулировать рынок социальных услуг возможно через механизм государственного лицензирования деятельности по социальному обслуживанию граждан. Попытки его ввести в России уже предпринимались в 1990-х гг. Первое Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности в сфере социального обслуживания населения» было принято в 1996 г. Лицензированию подлежала практически любая деятельность по социальному обслуживанию: социальная поддержка населения, социально-бытовые, социально-медицинские, психолого-педагогические, социально-правовые услуги, социальная адаптация и реабилитация граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, и иные виды социального обслуживания. Лицензия должна была выдаваться на срок не менее 3 лет.

Однако в тот период негосударственные субъекты в системе социальных услуг только появлялись и испытывали существенные трудности в становлении своей деятельности. Например, грантовых фондов, способных поддерживать зарождавшиеся немногочисленные СО НКО и социальных предпринимателей, было крайне мало, поэтому многие эксперты полагали, что механизм лицензирования излишне «душил» эту и без того слабую активность гражданского общества.

Поэтому в 2000 г. взамен предыдущему было принято новое Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по социальному обслуживанию населения», которое сужало виды деятельности, подлежащие лицензированию,

до 4: социального обслуживания на дому, в стационарных условиях, предоставления временного приюта и организации дневного пребывания в стационарных условиях. Срок действия лицензии устанавливался от 3 до 5 лет, а лицензирующие органы должны были вести реестры выданных лицензий, содержащие открытую информацию.

Однако и это постановление было отменено в 2002 г.: так, процедура лицензирования деятельности по социальному обслуживанию в России с того момента по настоящее время была полностью упразднена. С тех пор делались отдельные попытки вернуть этот механизм в российскую практику. Например, в 2021 г. Курлутаем Республики Башкортостан в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «О внесении изменения в статью 12 Федерального закона “О лицензировании отдельных видов деятельности” (в части уточнения лицензируемых видов деятельности)».

В ближайшем будущем ситуация, вероятно, изменится. В 2023 г. Министерство труда и социальной защиты РФ разработало проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части лицензирования деятельности по предоставлению социальных услуг в стационарной форме социального обслуживания)». Как очевидно из названия законопроекта, виды деятельности, подлежащие лицензированию, на этот раз еще более сужены — только до стационарного обслуживания. Соответственно, в случае принятия он затронет только деятельность домов престарелых (домов-интернатов). Выдачу лицензий планируется начать с 1 января 2026 г., причем она потребует учреждениям и организациям любой организационно-правовой формы, включая государственные [Минтруд представил..., 2023].

Социальное обслуживание на дому (социально-бытовые услуги) и психологическая помощь (социально-психологические услуги) — еще два активно развивающихся в условиях рынка направления, несущих наряду с пользой и риски для общества в случае недобросовестного или некачественного оказания услуг, под лицензирование пока не подпадут и, по всей вероятности, продолжат осуществляться практически бесконтрольно. Решение этого вопроса остается задачей на будущее.

Шаг 2: общественный контроль субъектов рынка социальных услуг через цифровые сервисы и идея создания единого Реестра по социальному обслуживанию

Мало создать механизм лицензирования. Не менее важно предложить обществу удобный, общедоступный инструмент не просто информирования, а мгновенной проверки специалистов и организаций, предоставляющих социальные услуги.

Подобный инструмент создан в Великобритании, где при Правительстве учрежден Совет по профессиям в области здоровья и ухода. Представители различных профессий (арт-терапевты, диетологи, психотерапевты, психологи, логопеды, специалисты по оккупационной терапии и многие другие) обязаны получить разрешение на осуществление своей деятельности в Совете. Информация о каждом из них представлена на сайте Совета в общедоступном реестре (<https://www.hcpc-uk.org/>). Любой желающий житель Великобритании может в любое удобное время воспользоваться этим онлайн-сервисом. Достаточно указать в поиске профессию и фамилию специалиста, чтобы получить информацию о нем. Важно, что здесь же Совет обращается к гражданам Великобритании с просьбой обязательно доводить до него жалобы на недостаточно квалифицированную помощь, нарушение прав клиента и другие инциденты, чтобы приостановить деятельность специалиста и начать разбирательство. Подчеркивается, что несоответствующие профессиональным требованиям специалисты не должны оказывать помощь людям и создавать угрозу для общества.

Отметим, что, кроме того, британцы имеют доступ в сети Интернет к единому Реестру официально зарегистрированных благотворительных организаций, ведущемуся Комиссией по благотворительности при Правительстве Великобритании в виде удобного для пользователя онлайн-сервиса (<http://www.charitycommission.gov.uk/>). Считается, что общественные организации должны быть под особым контролем общества и государства. Подобный реестр СО НКО создан в российской практике — на сайте Министерства экономического развития РФ (<https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all>). В

нем на август 2024 г. представлена информация о 53 209 организациях. Однако кроме факта существования, даты включения в реестр и факта наличия или отсутствия грантовой поддержки либо субсидий от государства в нем какая-либо другая полезная для массовой аудитории информация пока отсутствует. В британском же Реестре можно в визуализированной форме (посредством диаграмм, смарт-фигур) увидеть, сколько человек работают в штате организации, сколько волонтеров они привлекли за предыдущий год, какую сумму благотворительных пожертвований собрали и др.

Представляется целесообразным создание в России единого онлайн-сервиса на каком-либо правительственном интернет-ресурсе (в идеале — на «Госуслугах»), где можно было бы просмотреть информацию о любом субъекте системы социального обслуживания и при необходимости написать жалобу (отзыв) на него. Пока механизм лицензирования деятельности по социальному обслуживанию в России не введен, возможно предусмотреть процедуру обязательной регистрации в едином Реестре по социальному обслуживанию всех субъектов, претендующих на оказание социальных услуг. При создании такого Реестра важно, чтобы он был реализован именно как простой и удобный, интуитивно понятный, графически визуализированный онлайн-сервис, предоставляющий возможность обратной связи.

Проблема в том, что органы государственной власти зачастую перегружают интернет-ресурсы сложными для восприятия обывателей новостями и детальной информацией об осуществленной деятельности, а полезные для граждан сервисы размещают глубоко в подразделах так, что найти их довольно сложно. Например, на сайте Министерства труда и социального развития Пермского края (<https://minsoc.permkrai.ru/>) Реестр поставщиков социальных услуг через верхнее меню в шапке сайта не находится. Пользователь обнаружит его, только если обратит внимание на ссылку «Социальное обслуживание» в футере (нижнем меню) сайта, при переходе по которой ему будет предложено скачать файл в формате Excel, а это сложно решаемая задача для некоторых целевых групп клиентов, особенно пожилых людей. В файле с Реестром нет ссылок на сайты

поставщиков — это осложняет задачу по поиску более подробной информации о них. Как показывает проведенный нами в Пермском крае опрос жителей [Гасумова С.Е. и др., 2022], вместо этого потенциальному потребителю социальной услуги было бы удобно, чтобы на главной странице сайта Министерства был размещен онлайн-сервис по подбору социальной услуги и социальной службы. С его помощью, ответив на несколько наводящих вопросов, пользователь мог бы узнать, как называется нужная ему услуга, какие поставщики ее предоставляют, и просмотреть информацию о них, чтобы выбрать наиболее приемлемый вариант. Далее сервис мог бы предложить подать заявку на получение услуги либо перейти на сайт социальной службы для ознакомления с детальными сведениями о ней. Именно такой подход целесообразно применить при создании единого Реестра по социальному обслуживанию.

Выводы

Обобщая описанные критические выводы относительно негативных последствий для общества в результате развития рынка социальных услуг, выделим несколько аспектов.

1. При недостаточном регулировании со стороны государства рынок социальных услуг развивается стихийно, порождая наряду с качественными, но зачастую дефицитными услугами официально зарегистрированных поставщиков, его «теневой сегмент», услуги в котором могут в отдельных случаях формально не позиционироваться именно как социальные, но по сути являться таковыми (например, услуги «проживания» вместо фактического социально-медицинского и социально-бытового обслуживания в стационарной форме), оказываться в определенной мере бесконтрольно и представлять угрозу для жизни, здоровья и благополучия их получателей.

2. Государство в ближайшее время планирует вернуть в практику процедуру лицензирования деятельности по социальному обслуживанию, попытки ввести которую уже предпринимались в 1996–2002 гг., но на этот раз она затронет лишь деятельность организаций, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме. Соответственно, социальное обслуживание на дому и психологическая помощь, довольно вы-

соко востребованные на коммерческой основе в России и активно развивающиеся, под регулирование пока не подпадут.

3. В России пока недостаточно развиты механизмы общественного контроля за негосударственными субъектами рынка социальных услуг, мало используются для этого цифровые технологии. Не создан в форме удобного онлайн-сервиса для граждан единый реестр по социальному обслуживанию, позволяющий не только подбирать специалиста или социальную службу (независимо от ее организационно-правовой формы, наличия или отсутствия статуса поставщика), но и просматривать информацию о каждом из них, оценивать качество работы и подавать жалобы уполномоченному государственному органу на некачественно предоставленные услуги.

4. По мере дальнейшего развития рынка социальных услуг и увеличения доли негосударственных поставщиков есть риск постепенной оптимизации системы государственных социальных служб и закрытия затратных для бюджета учреждений, представляющих большую ценность для общества с их ресурсной базой, высококвалифицированными коллективами специалистов. Именно в таких учреждениях существуют условия для оказания высококачественных услуг, разработки на научной основе инновационных технологий и методик их реализации, важные для развития социальной сферы. Кроме того, коммодификация социальных услуг может являться препятствием для повышения их качества и доступности, способствовать росту социального неравенства.

Безусловно, в сфере развития рынка социальных услуг в России необходимо больше исследований, оценивающих риски и негативные последствия его формирования. Например, случаи нарушения прав граждан в негосударственных организациях социального обслуживания могут стать предметом более детальных исследований. Проблема сохранения государственных учреждений социального обслуживания, вероятно, в будущем также нуждается в публичном и экспертном обсуждении. В рамках исследований по социальной работе должны быть предложены возможные пути решения этих проблем и конкретные технологии, позволяющие нивелировать риски.

Список литературы

25 млн россиян не решились пойти к психологу / Аналитический центр НАФИ. 2024. 25 мар. URL: <https://nafi.ru/analytics/25-mln-rossiyan-neshilis-poyti-k-psikhologu/> (дата обращения: 02.08.2024).

Авилов И.А. Совершенствование инструментов регулирования рынка социальных услуг: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2014. 22 с.

Акулина Л.В., Летьгина Е.Н., Чуранов С.Е. Проблемные аспекты развития рынка социальных услуг для пожилых граждан в России // Вестник современных исследований. 2018. № 7.1(22). С. 215–217.

Антропов В.В. Социальное государство: от теории к практике // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14, № 2. С. 6–15.

Бобкова Е.Ю., Фурсов А.Л., Тушавин В.А., Росс С.Р., Редина Е.М. К вопросу о развитии региональных рынков социальных услуг // Гуманитарный научный журнал. 2021. № 1. С. 195–200.

Бурлакова В. Сходили с ума и умирали. Сиделки лечили стариков ядом, выдавая за лекарство // Аргументы и факты. 2024. 30 мая. URL: <https://aif.ru/society/people/shodili-s-uma-i-umirali-sidelki-lechili-starikov-yadom-vydavaya-za-lekarstvo> (дата обращения: 02.08.2024).

Бухалова Н.А., Павлова О.А., Литвинчук В.И. Рынок социальных услуг: проблемы и перспективы развития // Вестник НГИЭИ. 2020. № 3(106). С. 112–121.

Гасумова С.Е. Международное сотрудничество кафедры социальной работы и конфликтологии Пермского государственного национального исследовательского университета // Отечественный журнал социальной работы. 2018. № 1. С. 49–56.

Гасумова С.Е. Цифровизация социальных услуг в современном российском обществе: социологический анализ: моногр. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2021. 252 с.

Гасумова С.Е., Безруков А.В., Старишнова А.В. Ожидания граждан от цифровизации в сфере социальной защиты и социальных услуг // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 315–328. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-315-328>

Гладких А. Постояльцев привязывали к кроватям, а одна старушка лежала в палате мертвой. Шокирующие результаты проверки в пермском доме престарелых // Комсомольская правда. 2018. 19 фев. URL: <https://www.perm.kp.ru/daily/26796.5/3831635/> (дата обращения: 02.08.2024).

Горошко Н.В., Емельянова Е.К. Социально-демографические процессы современной России как индикатор рынка гериатрических услуг и социальной поддержки граждан пожилого возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 2. С. 241–258. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-241-258>

Заболотная Г.М. Институционализация конкурентных способов организации предоставления услуг в социальной сфере // Теория и практика общественного развития. 2023. Вып. 3. С. 81–87. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.11>

Кармазин И. «Приковывали к кровати». Как пенсионеров мучили в «уральском Бухенвальде» // РИА Новости. 2018. 7 мар. URL: <https://ria.ru/20180307/1515879619.html> (дата обращения: 02.08.2024).

Кицай Ю.А. Разгосударствление социальной сферы: теория и практика // Интерактивная наука. 2017. № 11(21). С. 111–114. DOI: <https://doi.org/10.21661/r-464469>

Ларионова Н.И. Институционализация рынка социальных услуг: теория, методология: дис. ... д-ра экон. наук. Йошкар-Ола, 2010. 408 с.

Минтруд представил на общественное обсуждение законопроект по лицензированию домов-интернатов / Министерство труда и социальной защиты РФ. 2023. 06 окт. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/490> (дата обращения: 02.08.2024).

Несмеянова И.А. Рынок социальных услуг и активное долголетие // Самоуправление. 2019. Т. 2, № 1(114). С. 270–272.

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части лицензирования деятельности по предоставлению социальных услуг в стационарной форме социального обслуживания)»: подготовлен Минтрудом России 06.10.2023. URL: <https://base.garant.ru/56973143/> (дата обращения: 02.08.2024).

Распределение инвалидов по полу и возрасту / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rp_1.2.xlsx (дата обращения: 02.08.2024).

Регионы увеличивают финансирование негосударственным учреждениям соцобслуживания // ТАСС. 2022. 16 сент. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15773439> (дата обращения: 02.08.2024).

Родионова О.В., Родионова Е.В. Динамика социального государства в XXI веке // Научный поиск. 2018. № 1. С. 61–64.

Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния. От утопии к кризису. М.: РГГУ, 2013. 360 с.

Солдатова Н.Ф. Дифференциация потребительского поведения на рынке социальных услуг // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 2. С. 615–628. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.17.2.117245>

Тезадова Д. А. Социальная политика в современных государствах: основное содержание, направления и модели // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16, № 3. С. 90–106.

Тетерина А.А. Проблемы и перспективы информационной открытости системы социальной защиты в Пермском крае // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: современные механизмы преодоления бедности: сб. материалов XI Международ. науч.-практ. конф. ученых, преподавателей, специалистов, аспирантов / под общ. ред. З.П. Замараевой, М.И. Григорьевой; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2019. С. 90–94.

Численность населения Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_1.1.xlsx (дата обращения: 02.08.2024).

Benn J. The Privatization of social work: a deviation or a logical progression? // Columbia Social Work Review. 2006. Vol. 4, no. 1. P. 53–59. DOI: <https://doi.org/10.7916/cswr.v4i1.1910>

Giddens A. The third way and its critics. Cambridge, UK: Polity Press, 2000. 200 p.

Giddens A. The third way: the renewal of social democracy. Cambridge, UK: Polity Press, 1999. 166 p.

Grigoryeva I.A., Pervova I.L., Smirnova A.N. Inequalities in eligibility for social care: an international context // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13, № 2. P. 317–330.

Jones R. In whose interest? The privatisation of child protection and social work. Bristol, UK: University of Bristol, Policy Press, 2018. 402 p. DOI: <https://doi.org/10.46692/9781447351276>

Sen A. Equality of what? // The Tanner lecture on human values. Vol. 1 / ed. by S.M. McMurrin. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1980. P. 195–220.

Spicker P. Social policy: Theory and practice. 3rd ed. Bristol, UK: University of Bristol: Policy Press, 2014. 512 p. DOI: <https://doi.org/10.51952/9781447316138>

Stolt R., Blomqvist P., Winblad U. Privatization of social services: Quality differences in Swedish elder-

ly care // Social Science & Medicine. 2011. Vol. 72, iss. 4. P. 560–567. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.11.012>

Winston P., Burwick A., McConnell Sh., Roper R. Privatization of welfare services: A Review of the literature. Washington, DC: Mathematica Policy Research, Inc., 2002. 39 p.

References

25 mln rossiyan ne reshilis' poyti k psikhologu [25 million Russians did not dare to go to a psychologist]. Analytical center NAFI. 2024, Mar. 25. Available at: <https://nafi.ru/analytics/25-mln-rossiyan-ne-reshilis-poyti-k-psikhologu/> (accessed 02.08.2024).

Akulina, L.V., Letyagina, E.N. and Churanov, S.E. (2018). [Problematic aspects of the development of the social services market for elderly citizens in Russia]. *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Bulletin of Modern Research]. No. 7.1(22), pp. 215–217.

Antropov, V.V. (2021). [The social state: from theory to practice]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, Taxes and Law]. Vol. 14, no. 2, pp. 6–15.

Avilov, I.A. (2014). *Sovershenstvovanie instrumentov regulirovaniya rynka sotsial'nykh uslug: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Improving the instruments for regulating the social services market: Abstract of Ph.D. dissertation]. St. Petersburg, 22 p.

Benn, J. (2006). The privatization of social work: a deviation or a logical progression? *Columbia Social Work Review*. Vol. 4, no. 1, pp. 53–59. DOI: <https://doi.org/10.7916/cswr.v4i1.1910>

Bobkova, E.Yu., Fursov, A.L., Tushavin, V.A., Ross, S.R. and Redina, E.M. (2021). [On the issue of development of regional markets of social services]. *Gumanitarnyy nauchnyy zhurnal* [Humanitarian Scientific Journal]. No. 1, pp. 195–200.

Bukhalova, N.A., Pavlova, O.A. and Litvinchuk, V.I. (2020). [Social services market: problems and prospects for development]. *Vestnik NGIEI* [Bulletin of NGIEI]. No. 3(106), pp. 112–121.

Burlakova, V. (2024). [They went crazy and died. Nurses treated old people with poison, passing it off as medicine]. *Argumenty i fakty* [Arguments & Facts]. May 30. Available at: <https://aif.ru/society/people/shodili-s-uma-i-umirali-sidelki-lechili-starikov-yadom-vydavaya-za-lekarstvo> (accessed 02.08.2024).

Chislennost' naseleniya Rossiiskoy Federatsii [Population of the Russian Federation]. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_1.1.xlsx (accessed 02.08.2024).

Gasumova, S.E. (2018). [International cooperation of the Department of social work and conflictology of Perm State National Research University]. *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty* [Domestic Journal of Social Work]. No. 1, pp. 49–56.

Gasumova, S.E. (2021). *Tsifrovizatsiya sotsial'nykh uslug v sovremennom rossiyskom obschestve: sotsiologicheskii analiz* [Digitalization of social services in modern Russian society: sociological analysis]. Perm: PSU Publ., 252 p.

Gasumova, S.E., Bezrukov, A.V. and Starshinova, A.V. (2022). [Citizens' expectations from digitalization in the sphere of social welfare and social services]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 315–328. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-315-328>

Giddens, A. (1999). *The third way: the renewal of social democracy*. Cambridge, UK: Polity Press, 166 p.

Giddens, A. (2000). *The third way and its critics*. Cambridge, UK: Polity Press, 200 p.

Gladkikh, A. (2018). [Residents were tied to their beds, and one old woman lay dead in the ward. Shocking results of an inspection in a Perm nursing home]. *Komsomolskaya pravda*. Feb. 19. Available at: <https://www.perm.kp.ru/daily/26796.5/3831635/> (accessed 02.08.2024).

Goroshko, N.V. and Emel'yanova, E.K. (2019). [Socio-demographic processes in modern Russia as an indicator of the market of geriatric services and social support for the elderly]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 241–258. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-2-241-258>

Grigoryeva, I.A., Pervova, I.L. and Smirnova, A.N. (2015). Inequalities in eligibility for social care: an international context. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13, no. 2, pp. 317–330.

Jones, R. (2018). *In whose interest? The privatization of child protection and social work*. Bristol, UK: University of Bristol Publ., Policy Press, 402 p. DOI: <https://doi.org/10.46692/9781447351276>

Karmazin, I. (2018). [«Chained to the bed». How pensioners were tortured in the «Ural Buchenwald»]. *RIA News*. Mar. 7. Available at: <https://ria.ru/20180307/1515879619.html> (accessed 02.08.2024).

Kitsay, Yu.A. (2017). [Denationalization of social sphere: theory and practice]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science]. No. 11(21), pp. 111–114. DOI: <https://doi.org/10.21661/r-464469>

Larionova, N.I. (2010). *Institutsionalizatsiya rynka sotsial'nykh uslug: teoriya, metodologiya: dis. ... d-ra ekon. nauk* [Institutionalization of the social services market: theory, methodology: dissertation]. Yoshkar-Ola, 408 p.

Mintrud predstavil na obschestvennoe obsuzhdenie zakonoproekt po litsenzirovaniyu domov-internatov [The Ministry of Labor presented a draft law on licensing boarding houses for public discussion]. Ministry of labour and social affairs of the Russian Federation. 2023, Oct. 6. Available at: <https://mintrud.gov.ru/social/490> (accessed 02.08.2024).

Nesmeyanova, I.A. (2019) [Social services market and active longevity]. *Samoupravlenie* [Self-government]. Vol. 2, no. 1(114), pp. 270–272.

Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii (v chasti litsenzirovaniya deyatel'nosti po predostavleniyu sotsial'nykh uslug v statsionarnoy forme sotsial'nogo obsluzhivaniya)»: podgotovlen Mintrudom Rossii 06.10.2023 [Explanatory note to the draft Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding Licensing activities for the provision of social services in the inpatient form of social services)»: prepared by the Ministry of Labor of Russia on October 10, 2023]. Available at: <https://base.garant.ru/56973143/> (accessed 02.08.2024).

Raspredelenie invalidov po polu i vozrastu [Distribution of disabled people by gender and age]. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_1.2.xlsx (accessed 02.08.2024).

Regiony uvelichivayut finansirovanie negosudarstvennym uchrezhdeniyam sotsobslyzhivaniya [Regions increase funding for non-governmental social service institutions]. TASS. 2022, Sept. 16. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/15773439> (accessed 02.08.2024).

Rodionova, O.V. and Rodionova, E.V. (2018). [Dynamics of the social state in the 21st century]. *Nauchnyy poisk* [Scientific Search]. No. 1, pp. 61–64.

Sen, A. (1980). Equality of what? S.M. McMurrin (ed.) *The Tanner lecture on human values. Vol. 1*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 195–220.

Sidorina, T.Yu. (2013). *Gosudarstvo vseobshego blagosostoyaniya. Ot utopii k krizisu* [Welfare state. From utopia to crisis]. Moscow: RSUH Publ., 360 p.

Soldatova, N.F. (2023). [Differentiation consumer behavior in the social services market]. *Kreativnaya*

ekonomika [Creative Economy]. Vol. 17, no. 2, pp. 615–628. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.17.2.117245>

Spicker, P. (2014). *Social policy: Theory and practice*. 3rd ed. Bristol, UK: University of Bristol Publ., Policy Press, 512 p. DOI: <https://doi.org/10.51952/9781447316138>

Stolt, R., Blomqvist, P. and Winblad, U. (2011). Privatization of social services: Quality differences in Swedish elderly care. *Social Science & Medicine*. Vol. 72, iss. 4, pp. 560–567. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2010.11.012>

Teterina, A.A. (2019). [Problems and prospects of information openness of the social protection system in the Perm region]. *Sotsial'naya bezopasnost' i zaschita cheloveka v usloviyakh novoy obschestvennoy real'nosti: sovremennye mekhanizmy preodoleniya bednosti: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Social security and human protection in the context of a new social reality: modern mecha-

nisms for overcoming poverty: proceedings of the XI International scientific and practical conference of scientists, teachers, specialists, postgraduates]. Perm: PSU Publ., pp. 90–94.

Tezadova, D. A. (2015). [Social policy in modern states: main content, directions and models]. *Che-lovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. Vol. 16, no. 3, pp. 90–106.

Winston, P., Burwick, A., McConnell, S. and Roper, R. (2002). *Privatization of welfare services: a review of the literature*. Washington, DC: Mathematica Policy Research Publ., 39 p.

Zabolotnaya, G.M. (2023). [Institutionalization of competitive ways for organizing the provision of services in the social sphere]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. Iss. 3, pp. 81–87. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.11>

Об авторе

Гасумова Светлана Евгеньевна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы
и конфликтологии юридического факультета,
доцент Института компьютерных наук и технологий

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetagasumova@ya.ru
ResearcherID: O-4789-2017

About the author

Svetlana E. Gasumova

Candidate of Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department of Social Work
and Conflictology of the Law Faculty,
Associate Professor of the Institute of Computer
Science and Technology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: svetagasumova@ya.ru
ResearcherID: O-4789-2017

УДК 304.44

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-113-124>

EDN: JOHTAM

Поступила: 27.12.2024

Принята: 03.03.2025

Опубликована: 10.04.2025

СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РАБОЧИМ КОЛЛЕКТИВОМ И ПРОДОЛЖЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ РАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ

Галкин Константин Александрович

*Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург)*

В статье рассмотрены особенности коммуникации с коллективом и продолжения занятости пожилых людей, достигших пенсионного возраста. Основой эмпирических данных настоящей статьи стали полуструктурированные интервью с пожилыми людьми, проживающими в Санкт-Петербурге и Петрозаводске. Всего было собрано 50 интервью, что позволило получить достаточно полное представление о мотивах и стратегиях взаимодействия пожилых работников с коллективами. В рамках проведенного исследования были выделены три основные стратегии взаимодействия пожилых людей с коллективом на работе. Каждая из них характеризуется уникальными особенностями коммуникации, спецификой взаимодействий, а также различными мотивами продолжения трудовой деятельности. В статье подчеркивается важность сохранения занятости пожилыми людьми как для поддержания их социальной активности, так и для обеспечения их интегрированности в общественную жизнь. Одной из ключевых находок исследования стало выявление ведущей роли коммуникации в коллективе. Признание пожилого человека со стороны коллег усиливает его мотивацию продолжать работать. Ощущение значимости в коллективе также служит мощным стимулом для сохранения занятости и отказа от выхода на пенсию. В статье особо отмечено, что поддержание уважительных и конструктивных отношений в коллективе способствует не только продлению профессиональной активности, но и улучшению общего психологического состояния пожилых работников. Таким образом, исследование демонстрирует, что стратегический подход к поддержанию занятости пожилых людей требует внимания к аспектам межличностного взаимодействия, корпоративной культуры и мотивирующих факторов внутри трудового коллектива. Это открывает возможности для дальнейших исследований в области возрастной занятости и социальных практик поддержки пожилых работников.

Ключевые слова: пожилые люди, молодые пенсионеры, коммуникация в коллективе, выход на пенсию, работающие пожилые.

Для цитирования:

Галкин К.А. Стратегии взаимодействия с рабочим коллективом и продолжения занятости работающих пенсионеров // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 113–124.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-113-124>. EDN: JOHTAM

STRATEGIES FOR INTERACTION WITH COLLEAGUES AND CONTINUED EMPLOYMENT OF WORKING PENSIONERS

Konstantin A. Galkin

*The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)*

The article discusses continued employment of older people who have reached the retirement age, with particular focus on their communication with colleagues. The empirical data of this article is based on semi-structured interviews with seniors living in St. Petersburg and Petrozavodsk. A total of 50 interviews were collected, which made it possible to obtain a fairly complete picture of the motives and strategies for interaction between older workers and teams they work in. In the study, three main strategies for interaction between seniors and their colleagues were identified. Each of them is characterized by unique communication features, the specifics of interactions, as well as various motives for continuing work. The article highlights the importance for older people to stay employed, both in order to keep socially active and to ensure their integration into public life. One of the key findings of the study is the identification of the leading role of communication in a working team. Recognition of an older person by colleagues increases his/her motivation to continue working. A sense of being important within the team also serves as a powerful incentive to stay employed and avoid retirement. The article highlights that maintaining respectful and constructive relationships with colleagues contributes not only to prolonged professional activity but also to improving general psychological state of older workers. Thus, the study demonstrates that a strategic approach to maintaining employment among seniors requires attention to the aspects of interpersonal interaction, corporate culture, and motivating factors within the working team. This opens up opportunities for further research in the field of age-related employment issues and social support practices aimed at older workers.

Keywords: older people, «young» retirees, team communication, retirement, working seniors.

To cite:

Galkin K.A. [Strategies for interaction with colleagues and continued employment of working pensioners]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 113–124 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-113-124>, EDN: JOHTAM

Введение

Продолжение занятости пожилых людей в России — достаточно часто встречающееся и распространенное явление, характерное практически для всех регионов страны. Согласно данным официальной статистики, около 45 % пенсионеров, вышедших на пенсию, продолжают свою трудовую деятельность [Богданова Е.А., 2016]. Однако официальные данные отражают только тех пожилых людей, которые трудоустроены официально, и не учитывают тех, кто работает неофициально. Одной из ключевых причин продолжения занятости пожилыми людьми является сравнительно низкий уровень пенсий. Кроме того, необходимость помогать

членам семьи и родственникам также становится важным стимулом для продолжения трудовой деятельности. Исследования показывают, что доход от заработной платы у пожилых людей значительно превышает доход от пенсии, что делает работу экономически выгодной [Kolev A., Pascal A., 2002]. Другим важным фактором является пенсионная реформа, направленная на повышение пенсионного возраста. Эта реформа в сочетании с развитием концепций активного долголетия стимулирует пожилых людей оставаться активными через трудовую деятельность. Важную роль также играют программы переобучения, которые помогают пенсионерам осваивать новые навыки,

монетизировать свои хобби или совмещать пенсию с подработками [Григорьева И.А., Квасова О.С., 2019; Доброхлеб В.Г., 2019; Василенко И.В., 2020; Галкин К.А., 2023а]. Исследования показывают, что продолжение занятости после выхода на пенсию имеет ярко выраженные гендерные особенности. Женщины чаще достигают пенсионного возраста, чем мужчины, и численно их доля в старшей возрастной группе превышает мужскую [Григорьева И.А., Сизова И.Л., 2018]. По мере увеличения возраста этот разрыв становится еще более заметным. Эти различия создают дополнительные вызовы в контексте занятости, особенно с учетом социальных и экономических факторов. Женщины чаще воспринимают работу после пенсии как вынужденную необходимость, тогда как мужчины чаще сохраняют трудовую деятельность в привычной для себя роли [Григорьева И.А., Сизова И.Л., 2018].

В России продолжают дискуссии на высшем уровне, касающиеся пенсионной реформы. Основной вектор обсуждений сводится к повышению пенсионного возраста и включению пожилых людей в экономическое развитие страны [Доброхлеб В.Г., 2017; Малева Т.М., Синявская О.В., 2010; Баскакова Ю.М., 2010]. Однако многие пенсионеры воспринимают продолжение занятости скорее как вынужденную меру, нежели как желание оставаться активными. Тем не менее, современные исследования подчеркивают важность занятости в сохранении социальной активности, коммуникации и интеграции пожилых людей в общественную жизнь.

Особенность взаимодействий пожилых работников с работодателями в России заключается в том, что, как правило, они регулируются общими корпоративными правилами без учета возрастных особенностей. В отличие от некоторых европейских стран и США, в России отсутствуют проработанные инструкции или тренинги для работодателей, направленные на обучение взаимодействию с пожилыми сотрудниками [Богданова Е.А., 2006; McCann R., Giles H., 2002; Taylor P., Walker A., 1998]. Тем не менее, исследователи отмечают необходимость создания условий, способствующих конструктивному диалогу между работодателями и работающими пенсионерами. Такие меры могли бы не только улучшить коммуникацию, но и

способствовать более эффективному использованию профессионального опыта пожилых работников.

В настоящей статье акцент сделан на том, как пожилые работающие пенсионеры взаимодействуют с коллективом. Особое внимание уделено стратегиям взаимодействия и их влиянию на профессиональную деятельность. Исследование показало, что мнение пожилых людей о своей роли в коллективе и их профессиональной значимости играет важную роль в формировании эффективного взаимодействия. Индивидуальный подход к решению возникающих проблем и создание благоприятных условий для работы могут существенно повысить удовлетворенность пожилых сотрудников и их мотивацию продолжать трудовую деятельность.

Обзор исследований: развитие пенсионной системы и занятость пожилых людей

Развитие пенсионной системы, которое традиционно связывают с законодательством о социальном страховании, предложенным О. фон Бисмарком в 1880-х гг., сформировало представления о фиксированном возрасте выхода на пенсию. Эти реформы стали революционными для своего времени, т. к. разорвали устойчивую ассоциацию старости с бедностью [Esping-Andersen G., 1990]. Постепенно пенсионный возраст превратился в символ окончания трудового периода жизни, а также границы между средним возрастом и старостью. Работа, преимущественно принудительная в те годы, уступала место представлениям о счастье пенсионного возраста как периода свободы от труда и возможности самостоятельно планировать свою жизнь [Григорьева И.А. и др., 2014].

В СССР из-за низких требований к стажу и возрасту выхода на пенсию население стало воспринимать ранний выход на пенсию как благо, предоставляющее время для отдыха и самостоятельного распоряжения жизнью [Григорьева И.А., 2017]. Однако мало кто задумывался о том, что пенсионный возраст часто сопровождается одиночеством, болезнями и социальным исключением. В условиях преимущественно физического труда здоровье часто не позволяло людям быть активными или продолжать работу после достижения пенсионного возраста [Henretta J.C. et al., 1992]. Сегодня исследователи отмечают, что связь между про-

должением трудовой деятельности и поддержанием здоровья становится все более значимой. Трудовая активность пожилых людей рассматривается как важный фактор, способствующий их социальной интеграции и сохранению активности. Политика создания условий для занятости пожилых становится приоритетной задачей социальной политики многих государств [Роик В.Д., 2011; Елютина М.Э., Чеканова Э.Е., 2003]. Работы, посвященные старению, акцентируют внимание на том, что занятость пожилых людей играет ключевую роль в их мотивации к активной жизни и самообеспечению [Lotherington A.Th. et al., 2017].

Принципы самостоятельного выбора продолжения занятости определены и международными организациями, такими как ООН. В принципах ООН в отношении пожилых людей отмечается право на независимость пенсионеров [Галкин К.А., 2022]. Это включает возможность самостоятельно выбирать время выхода на пенсию и продолжение трудовой деятельности, а также участие в программах профессиональной подготовки и переквалификации. В Мадридском плане по проблемам старения (2002) подчеркивается важность гибкости пенсионной системы и адаптации пенсионного возраста с учетом индивидуальных особенностей и социальных условий [Сидоренко А.В., Михайлова О.Н., 2013].

Оценить влияние реформ пенсионного возраста на социальное исключение пожилых людей в России сложно. Отсутствие четких правил индексации пенсий и наличие большого сектора серой занятости затрудняют расчеты и начисления пенсионных выплат [Малева Т.М., Синявская О.В., 2005]. Кроме того, стратегию получения пенсий часто реализуют с минимальными трудовыми вложениями, включая поиск выслуг, дающих право на более ранний выход на пенсию, или оформление инвалидности.

Советское наследие фиксированного пенсионного возраста — 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин — сформировало устойчивые стереотипы, связывающие возраст выхода на пенсию с началом старости. Это привело к созданию значительной группы активных и работоспособных пенсионеров, готовых к продолжению трудовой деятельности, но ограниченных стереотипами и установленными возрастными рамками [Малева Т.М., Синявская О.В., 2005;

Григорьева И.А., Чернышова С.П., 2009]. Такие стереотипы часто заставляют пожилых людей воспринимать выход на пенсию как обязательный шаг, что ограничивает их участие в трудовой деятельности. Несмотря на стереотипы, значительная часть пожилых людей в России заинтересована в продолжении работы. Многие из них находят возможности для самореализации через монетизацию хобби или участие в волонтерской деятельности. Важно понимать, какие цели пожилые люди ставят перед собой, продолжая занятость, и как это влияет на их здоровье и активность. Исследования показывают, что продолжение трудовой деятельности способствует самообслуживанию, улучшению здоровья и социальной интеграции [Парфенова О.А., Галкин К.А., 2023a, 2023b]. Анализ занятости пожилых людей показывает, что важно учитывать: индивидуальные цели и мотивацию пожилых работников; особенности коммуникации и взаимодействия в трудовых коллективах; риски дискриминации пожилых сотрудников на рабочем месте. Отсутствие программ для обучения работодателей работе с пожилыми сотрудниками создает дополнительные сложности. В отличие от некоторых европейских стран и США, в России практически отсутствуют тренинги и рекомендации по эффективному взаимодействию с пожилыми работниками [Axelrad H. et al., 2022; Loretto W., White Ph., 2006]. Это приводит к необходимости разрабатывать новые стратегии, включающие профориентацию, переподготовку и обучение пожилых людей.

Гарантии занятости для пожилых работников важны не только с точки зрения их экономической стабильности, но и для поддержания их социальной значимости и мотивации. Создание условий для активного долголетия через трудовую деятельность позволяет укрепить социальные связи и повысить качество жизни пожилых людей.

Методология и эмпирическая база

Эмпирическое исследование, представленное в статье, было проведено в Санкт-Петербурге и Петрозаводске в 2024 г. Всего было собрано 50 полуструктурированных интервью с работающими пожилыми людьми. Возраст информантов варьировался от 65 до 72 лет. Все информанты представляли различные профессии и

уровни квалификации, но после выхода на пенсию продолжали официально работать. Следует отметить, что в выборке наблюдался небольшой перекос в сторону женщин, однако при проведении исследования соблюдался баланс по полу. Большинство информантов имели высшее образование. Поиск информантов осуществлялся на основе целенаправленной выборки, а завершение интервьюирования происходило до достижения теоретического насыщения, т.е. когда новые нарративы начали повторять уже зафиксированные. Для обозначения стратегий взаимодействия с коллегами был проведен тематический анализ нарративов интервью. Процесс анализа включал несколько последовательных этапов.

Выделение смысловых структур

На первом этапе были идентифицированы секвенции в интервью, отражающие основные темы исследования:

– Индивидуальные факторы, такие как уровень образования, профессиональная квалификация и личные особенности, оказывают значительное влияние на коммуникацию пожилых людей с коллегами. Препятствиями могут выступать предвзятое отношение со стороны младших коллег и недостаток навыков работы с современными технологиями.

– Социальные факторы включают поддержку со стороны руководства и коллег, корпоративную культуру и наличие программ адаптации для пожилых работников, которые способствуют взаимодействию и уменьшению напряженности в коллективе.

– Возрастные особенности коммуникации проявляются в различии подходов к решению задач, темпе работы и восприятию изменений, что иногда может вызывать сложности в межпоколенческом взаимодействии.

– Семейные и трудовые активности, включая необходимость заботы о близких и совмещение профессиональной деятельности с домашними обязанностями, также влияют на участие пожилых людей в коллективной жизни и их мотивацию оставаться активными.

Выделение ключевых субтем

– Роль профессиональной деятельности и ее значение для пожилых людей проявляется в поддержании их социальной активности, укреп-

лении чувства значимости и способности влиять на профессиональную сферу. Для многих пожилых людей сохранение работы становится важным фактором в укреплении их идентичности и предотвращении социальной изоляции.

– Значимость коммуникации на работе и ее влияние на повседневную жизнь выражается в создании условий для взаимодействия с коллегами, формирования поддерживающей среды и обмена опытом между поколениями. Подобные коммуникации помогают пожилым сотрудникам чувствовать себя востребованными и мотивированными.

– Поиск нового места работы и смена рабочих мест нередко связаны с необходимостью адаптации к новым условиям труда, расширением профессиональных навыков и освоением новых технологий. Для пожилых работников это может быть как вызовом, так и возможностью для личностного роста.

– Проблемы и сложности в рамках взаимодействия и коммуникации в коллективе включают возрастные стереотипы, различия в подходах к выполнению задач и отсутствие программ адаптации для пожилых сотрудников. Эти факторы требуют внимания со стороны работодателей и общества в целом.

Результаты исследования

В результате эмпирического исследования удалось выделить три основные стратегии взаимодействия пожилых людей в рабочих коллективах после выхода на пенсию и продолжения занятости:

– Сохранение занятости на прежнем месте работы. Эта стратегия предполагает благополучное продолжение трудовой деятельности на одном предприятии. Пожилые люди сохраняют привычные коммуникации с коллегами, что способствует их стабильности и социальной интеграции.

– Поиск новой занятости. Вторая стратегия связана с необходимостью смены места работы. Это требует адаптации к новому коллективу и выстраивания новых форм взаимодействия. Для пожилых людей такой вариант нередко сопряжен с дополнительными сложностями, включая необходимость адаптации к новым условиям труда.

– Занятость по вынужденным обстоятельствам. Третья стратегия обусловлена финансо-

выми трудностями в семье. В таких случаях пожилые люди продолжают работать не по собственному желанию, а из-за необходимости обеспечивать родственников или решать семейные проблемы. Эта стратегия является наименее благополучной с точки зрения психологического и физического состояния пожилых работников.

Каждая из выделенных стратегий будет подробно рассмотрена в статье с использованием цитат из собранных интервью. Эти данные иллюстрируют, как пожилые люди выстраивают свои стратегии взаимодействия с коллективами, какие трудности и возможности они видят, а также как их опыт зависит от социальных и индивидуальных факторов.

Стратегия сохранения прежней занятости

Наиболее предпочтительным вариантом с точки зрения сохранения прежней коммуникации и комфортной обстановки в коллективе для пожилых людей является продолжение работы на прежнем месте после выхода на пенсию. В этом случае сохраняются практически все прежние отношения, которые существовали у работающих пожилых сотрудников до их выхода на пенсию. Изменения в основном касаются характера взаимодействия: коммуникация с такими пожилыми сотрудниками становится более ответственной. Пожилые люди отмечают, что в таких ситуациях они ощущают большую заботу о себе:

«Вы знаете, т.к. я уже без малого здесь 30 лет работаю, то как я уже перешла там на позицию консультанта в силу возраста и понятное дело, после выхода на пенсию отношение даже более бережное стало и когда пандемия была, то берегли меня, и когда там если заболеешь, надо тебе отпроситься, всегда дают дни и всегда говорят, что можно и по телефону давать консультации» (ж., 68, инженер, Санкт-Петербург).

Следует отметить, что в таких ситуациях важен моральный компонент, который побуждает относиться к пожилым сотрудникам с большей деликатностью, чем к работникам других возрастов. Такое отношение порождает ряд моральных дилемм, актуальных как для работодателей, так и для пенсионеров. В выстраивании коммуникации и взаимодействии с коллегами и руководством большое значение име-

ет чувство социальной ответственности работодателей. Они часто ощущают «долг» перед сотрудниками, которые долгое время работали на предприятии. Это проявляется в поддержке таких сотрудников, например, через продолжение их занятости или перевод на экспертные должности. Стратегия сохранения прежней занятости наиболее характерна для пожилых людей, работающих на крупных государственных предприятиях или в академической среде, где подобная практика считается естественной:

«Вы знаете, а мне начальство наше даже всегда так и говорит, хорошо, что вы с нами и что вы у нас работаете, это значимо для нас! Потому что им важно было сохранить тех людей, которые еще с самого начала пришли сюда работать и продолжают и сегодня. Это как некий эталон, а для меня это тоже часть гордости, что давно я здесь работаю и продолжаю работать» (ж., 70, преподаватель частного вуза, Санкт-Петербург).

В рамках этой стратегии пожилым людям могут предоставляться дополнительные льготы, такие как дополнительные отпускные дни или возможность увольнения без двухнедельной отработки, предусмотренной законодательством Российской Федерации. Многие информанты отмечали, что сохранение работы в организации, где они работали до выхода на пенсию, позволяет поддерживать привычную коммуникацию в коллективе. Работая в знакомой среде, они сохраняют профессиональную репутацию и статус, что важно для их самоуважения и мотивации.

Переход на другую работу в рамках этой стратегии чаще ассоциируется с неопределенностью, которая воспринимается не всегда позитивно. Это может быть связано с испытанием различного рода стрессов, адаптацией к новому коллективу и условиям работы. Информанты отмечали, что подобная стратегия сохранения прежней занятости характерна преимущественно для пожилых людей, проживающих в крупных городах, имеющих высшее образование и занимающих высокие позиции на прежнем месте работы. Эти факторы обеспечивают уважительное отношение в коллективе и способствуют комфортной работе даже после достижения пенсионного возраста.

Стратегия смены места работы

Данная стратегия представляет собой гораздо менее благополучную траекторию. Как правило, подобная стратегия формируется в случае потери места работы, которая нередко может быть связана с выходом на пенсию, или при необходимости смены рабочего места или переобучения, которое требуется после выхода на пенсию. В интервью информанты отмечали довольно ограниченные возможности трудоустройства для пожилых людей и необходимость часто задумываться о смене работы и переходе на другую должность. Такая смена, как правило, была связана с потерей квалификации и переходом на низкооплачиваемую работу:

«Раньше я работала экономистом до выхода на пенсию и в принципе все было нормально, но вот после выхода на пенсию все изменилось, и достаточно кардинально. Потому что работодатель решил, что сотрудники возрастные уже не могут или вообще не должны занимать такие должности, и в итоге было увольнение мое, вот и все в итоге, а потом пришлось проучиться на курсах, в принципе довольно простых, администраторов и устроиться на новую работу, и если раньше, там, на старой работе, все было знакомо — и коллектив, и работа, в принципе в коллективе да и относились ко мне вообще нормально, то теперь все стало наоборот, и в итоге теперь вот отсидела от звонка до звонка и домой иду, потому что сама уже, честно сказать, особенно и не знаю, не вписалась в коллектив новый и молодой, да и желания особо вписываться нет сейчас» (ж., 68, администратор, Петрозаводск).

Круг вакансий, которые предлагаются пожилым людям, достаточно узкий. В таком случае пожилым приходится часто подстраиваться под имеющиеся вакансии и особенности работы в коллективе. Наиболее популярными и открытыми вакансиями для пожилых людей становятся позиции в сфере обслуживания. При этом пожилые люди отмечают, что им довольно сложно адаптироваться и подстраиваться под новые отношения в коллективе. Следовательно, они вынуждены работать по графику, избегая совместного общения и взаимодействия в коллективе.

Еще одной нишей трудоустройства для представителей данной стратегии является сфера неквалифицированного труда: консьержи, вахтеры, работники киосков и уборщицы. В таких случаях коммуникация с коллективом может отсутствовать или ограничиваться взаимодействиями с такими же пожилыми людьми. Это позволяет выстраивать комфортные отношения и быстрее интегрироваться в коллектив:

«Вы знаете, я раньше очень переживал, что больше не могу вообще работать водителем, можно сказать, даже тосковал и достаточно сильно тосковал по своей предыдущей работе, но теперь вот как устроился дворником, вернее, как скорее здесь на фирме выполняю роль такого разнорабочего, что-то принести — летом трава, а зимой снег, в общем, то даже понял, что это мое место. У нас здесь еще есть там несколько человек моего возраста, тоже пенсионеры уже, и у нас с ними, надо сказать, очень хорошо вообще общение складывается и это, конечно, очень приятно, что в итоге мне удалось найти, скажем так, свою нишу» (м., 73, разнорабочий, Санкт-Петербург).

Подобная стратегия чаще характерна для пожилых людей, которые ранее не занимались интеллектуальным трудом или занимали позиции клерков в офисах. Она также встречается преимущественно в крупных региональных городах, где круг вакансий для пожилых людей остается ограниченным. Эта стратегия подчеркивает необходимость улучшения условий для переобучения и адаптации пожилых сотрудников на новых рабочих местах.

Стратегия вынужденного продолжения занятости

Одним из мотивов вынужденного продолжения занятости в рамках данной стратегии был мотив необходимости получения дополнительного заработка. Как правило, подобный мотив был связан с тем, что пожилым людям было необходимо помогать своим детям и внукам, что является довольно частой закономерностью для пожилых людей в России. Информанты отмечали в интервью, что нехватка средств для существования взрослых детей или внуков служила одной из главных причин продолжения занятости:

«Я бы уже, конечно, не работала, все-таки возраст уже почти семьдесят лет, но выбора нет. Нужно помогать семье сына, и поэтому приходится продолжать работать, хотя, конечно, я бы уже с удовольствием отдыхала бы на пенсии» (ж., 69, бухгалтер, Санкт-Петербург).

Таким образом, стратегия продолжения занятости была связана не только с необходимостью дополнительного заработка, но и с заботой о близких. Как правило, те, кто продолжал работать для помощи родственникам, старались сохранять прежние профессиональные связи и взаимодействие с коллективом. Для них важным аспектом было продолжение работы на прежнем месте, где коллектив и обстановка были знакомыми и комфортными. Однако пожилые люди, вынужденные менять место работы ради дополнительного дохода, испытывали трудности в адаптации к новому коллективу и часто минимизировали взаимодействие с коллегами:

«Раньше была учительницей, а теперь, чтобы сыну помочь, пришлось устроиться в ресторан уборщицей здесь недалеко у себя в районе. Конечно, я не привыкла к такому коллективу и к такому стилю общения, все кажется для меня не тем, и работаешь только потому, что надо» (ж., 75, уборщица, Петрозаводск).

Еще одним мотивом продолжения занятости у представителей данной стратегии были личные финансовые ограничения. В таком случае продолжение работы рассматривалось как возможность улучшить свое финансовое положение и получить прибавку к пенсии:

«Пенсия, конечно, очень маленькая, а все равно, если человек привык жить достаточно нормально, то на такую пенсию довольно сложно в целом прожить. Вот приходится в таком случае, конечно, продолжать работать. Но я, в целом, для себя неплохой способ нашла — работаю в салоне красоты, и это не только занятие для себя, но и ощутимая прибавка к пенсии» (ж., 68, мастер маникюра, Санкт-Петербург).

Те, кто рассматривал работу как возможность дополнительного заработка, старались мини-

мально взаимодействовать с коллективом, но при этом отмечали важность хороших профессиональных отношений и комфортного рабочего окружения. Подобная стратегия встречалась как у пожилых людей, занимающихся высококвалифицированным трудом, так и у тех, кто занимался низкоквалифицированным трудом.

Данная стратегия связана не только с необходимостью пожилых людей иметь дополнительный доход помимо пенсии и возможностью помогать своим родственникам, но и с нежеланием подводить коллектив, особенно если работа связана с долгосрочными профессиональными обязанностями.

Как отмечали информанты в интервью, желание не подводить коллектив не всегда основывалось на рациональном выборе. Нередко пожилым людям приходилось оставаться на работе, поскольку отношения в коллективе были для них очень значимыми, как и профессиональные роли, которые они исполняли:

«Как я могу так просто уйти!? Я ведь здесь очень давно работаю, и я знаю, что в коллективе меня ценят и знают, и поэтому для меня это как с семьей проститься. Я уйти не могу отсюда пока» (ж., 67, директор библиотеки, Санкт-Петербург).

Эта стратегия была также характерной для пожилых людей, которые ощущали себя нужными в коллективе. Кроме того, ее придерживались те, кто проживал отдельно и сохранял занятость как способ поддержания социального общения. Общение в коллективе оказывалось важным в преодолении одиночества:

«Я ведь семью так и не создал, и жизнь такая выходит, что вообще хоть волком вой в итоге, а так все же есть отдушина и есть в общем-то хоть какое-то общение, пусть и в коллективе, что сто лет меня знает. Мне все равно это очень ценно и важно» (м., 70, электрик, Петрозаводск).

Таким образом, взаимодействия пожилых людей с коллективом регулируются не только необходимостью пополнения дохода из-за небольшой пенсии или помощи родственникам, но и привязанностью к коллективу. Также важным фактором является сохранение общения и активности, которые связаны с продолжением

занятости. Информанты часто подчеркивали значимость работы в уже знакомом коллективе, что позволяло чувствовать себя комфортно. Они были готовы к переходу на менее престижную должность или к понижению в должности, лишь бы сохранить связь с привычной средой:

«Я просто не представляю себя где-то еще. Здесь я знаю каждого, и меня знают. Для меня это значит стабильность и уверенность, даже если пришлось меньше зарабатывать» (ж., 69, бухгалтер, Москва).

Подобная стратегия была характерна как для пожилых людей из крупных городов, так и из городов регионального значения. Тем не менее, она встречалась реже, чем другие стратегии, описанные в настоящей статье. Важным аспектом данной стратегии является ее социальный компонент, играющий ключевую роль в поддержании качества жизни пожилых людей, особенно тех, кто проживает в одиночестве или испытывает недостаток общения вне рабочего пространства. Мотивация получения дополнительного дохода в таких случаях становилась вынужденной мерой, связанной либо с необходимостью поддержки родственников, либо с финансовой нестабильностью, характерной для значительной части пенсионеров в России.

Заключение

Данные исследования свидетельствуют о том, что достижение пенсионного возраста для пожилых людей становится «мягким» барьером, который не означает обязательное прекращение трудовой деятельности, но ознаменует смену стратегии и определенные перемены, связанные с поиском или сохранением прежнего места работы.

Выделенные в рамках настоящего исследования стратегии показывают, что пожилые люди, как правило, стремятся продолжать занятость. Мотивы к продолжению трудовой деятельности напрямую зависят как от сферы, в которой работает пожилой сотрудник, так и от характера общения и коммуникации в коллективе.

Наиболее значимой является стратегия сохранения прежнего места работы. Она позволяет пожилым людям сохранить свои преимущества в коллективе и оставаться интегрированными в трудовой коллектив. Стратегия смены места ра-

боты, напротив, часто связана с необходимостью адаптации к новому коллективу, иной коммуникации и возможными сложностями. Промежуточным вариантом является стратегия вынужденного продолжения занятости. Она обусловлена необходимостью поддержания дохода и сохраняет за пожилыми сотрудниками их прежние позиции, но нередко сопряжена с моральным выбором, связанным с вынужденным характером продолжения работы.

Также следует отметить, что возраст работающего пенсионера существенно сокращает его или ее шансы найти хорошо оплачиваемую работу или перейти на новую должность. Продолжение занятости становится важным фактором не только для финансового обеспечения, но и для сохранения активности и преодоления одиночества, особенно для пожилых людей, проживающих отдельно. Коммуникация и возможность быть частью коллектива становятся едва ли не основными причинами продолжения работы для многих пожилых сотрудников.

Отношения в коллективе между пожилым человеком и его коллегами представляют собой сложную серию взаимных уступок и дилемм. Такие отношения, как правило, характеризуются гибкостью, моральными нормами и взаимопониманием. Важную роль играет желание пожилого человека продолжать трудовую деятельность и оставаться активным участником социальной жизни. Таким образом, успешная интеграция пожилых работников в трудовые коллективы требует создания условий, которые учитывают их профессиональный опыт, потребности и особенности, что способствует их включенности и благополучию.

Список литературы

Баскакова Ю.М. Проблема повышения пенсионного возраста в зеркале опросов ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5(99). С. 226–237.

Богданова Е.А. Советский опыт регулирования правовых отношений, или «в ожидании заботы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 1. С. 77–90.

Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 535–550.

Василенко И.В. Ожидания населения от пенсионной реформы 2018 г. как основа формирования социальной напряженности // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 2. С. 269–282. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-269-282>

Галкин К.А. Адаптация пожилых людей и различные неравенства в постпандемийное время // Вестник университета. 2023. № 8. С. 193–200. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-8-193-200>

Галкин К.А. Новые тренды в исследованиях возраста и старения в постпандемийный период (обзор исследований) // Успехи геронтологии. 2023. Т. 36, № 3. С. 284–291. DOI: <https://doi.org/10.34922/ae.2023.36.3.001>

Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 239–252. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>

Григорьева И.А. Сто лет трансформаций социальной политики в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 4. С. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514>

Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 3. С. 151–167.

Григорьева И.А., Квасова О.С. Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 4. С. 37–56. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.2>

Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 2. С. 109–135. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2018-27-2-109-135>

Григорьева И.А., Чернышова С.П. Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 186–196.

Доброхлеб В.Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2, № 2. С. 79–90.

Доброхлеб В.Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной

демографической ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. 2019. Т. 15, № 1. С. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10054>

Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 43–49.

Малева Т.М., Синяевская О.В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы: анализ. докл. М.: Поматур, 2005. 75 с.

Малева Т.М., Синяевская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 8. С. 117–137.

Парфенова О.А., Галкин К.А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26, № 1. С. 200–223. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>

Роик В.Д. Пенсионная реформа в России: трудный путь становления страховых институтов // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2011. № 3. С. 4–23.

Сидоренко А.В., Михайлова О.Н. Осуществление Мадридского Международного плана действий по проблемам старения в странах СНГ: Первые 10 лет // Успехи геронтологии. 2013. Т. 26, № 4. С. 585–593.

Axelrad H., Kalev A., Lewin-Epstein N. How do employers think about older workers? // Qualitative Research in Organizations and Management. 2022. Vol. 17, iss. 2. P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1108/qrom-10-2019-1830>

Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. 260 p.

Henretta J.C., Chan Ch.G., O'rand A.M. Retirement reason versus retirement process: Examining the reasons for retirement typology // Journal of Gerontology. 1992. Vol. 47, iss. 1. P. S1–S7. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronj/47.1.s1>

Kolev A., Pascal A. What keeps pensioners at work in Russia? Evidence from household panel data // Economics of Transition. 2002. Vol. 10, iss. 1. P. 29–53. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0351.00102>

Loretto W., White Ph. Employers' attitudes, practices and policies towards older workers // Human Resource Management Journal. 2006. Vol. 16, iss. 3. P. 313–330. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1748-8583.2006.00013.x>

Lotherton A.Th., Obstfelder A., Halford S. No place for old women: a critical inquiry into age in lat-

er working life // *Ageing & Society*. 2017. Vol. 37, iss. 6. P. 1156–1178. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0144686x16000064>

McCann R., Giles H. Ageism in the workplace: A communication perspective // *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons* / ed. by T.D. Nelson. Cambridge, MA: The MIT Press. 2002. P. 163–199. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/1157.003.0010>

Taylor Ph., Walker A. Employers and older workers: attitudes and employment practices // *Ageing & Society*. 1998. Vol. 18, iss. 6. P. 641–658. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0144686x98007119>

References

Axelrad, H., Kalev, A. and Lewin-Epstein, N. (2022). How do employers think about older workers? *Qualitative Research in Organizations and Management*. Vol. 17, iss. 2, pp. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1108/qrom-10-2019-1830>

Baskakova, Yu.M. (2010). [The problem of raising the retirement age in the mirror of VTSIOM polls]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5(99), pp. 226–237.

Bogdanova, E.A. (2006). [The Soviet experience of regulating legal relations, or «waiting for care»]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 9, no. 1, pp. 77–90.

Bogdanova, E.A. (2016). [Labor relations involving pensioners: care or manipulation?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 14, no. 4, pp. 535–550.

Dobrokhleb, V.G. (2017). [Employment of the elderly in Russia: causes and consequences]. *Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye* [Migration and Social Development]. Vol. 2, no. 2, pp. 79–90.

Dobrokhleb, V.G. (2019). [Social challenges of the new pension reform in the current demographic situation in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. Vol. 15, no. 1, pp. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10054>

Elutina, M.E. and Chekanova, E.E. (2003). [An elderly person in the educational space of modern society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7, pp. 43–49.

Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press., 260 p.

Galkin K.A. (2022). [Social policy of active longevity in Russia and the welfare states of Europe: the experience of comparative analysis]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Vol. 15, no. 2, pp. 239–252. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.15>

Galkin K.A. (2023). [Adaptation of the elderly and various inequalities in post-pandemic time]. *Vestnik universiteta*. No. 8, pp. 193–200. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-8-193-200>

Galkin K.A. (2023). [New trends in age and aging research in the post-pandemic period (research review)]. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. Vol. 36, no. 3, pp. 284–291. DOI: <https://doi.org/10.34922/ae.2023.36.3.001>

Grigor'eva I.A. (2017). [One hundred years of social policy transformations in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15, no. 4, pp. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514>

Grigor'eva, I.A., Bershadskaya, L.A. and Dmitrieva, A.V. (2014). [Towards a normative model of society's relations with the elderly]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 17, no. 3, pp. 151–167.

Grigor'eva I.A. and Chernyshova, S.P. (2009). [New approaches to the prevention of social exclusion of the elderly]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 12, no. 2, pp. 186–196.

Grigor'eva, I.A. and Kvasova, O.S. (2019). [Public dissatisfaction with pension reform: a gender perspective]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22, no. 4, pp. 37–56. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.2>

Grigor'eva, I.A. and Sizova, I.L. (2018). [Aging trajectories of women in modern Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 27, no. 2, pp. 109–135. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2018-27-2-109-135>

Henretta, J.C., Chan, Ch.G. and O'rand, A.M. (1992). Retirement reason versus retirement process: Examining the reasons for retirement typology. *Journal of Gerontology*. Vol. 47, iss. 1, pp. S1–S7. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronj/47.1.s1>

Kolev, A. and Pascal, A. (2002). What keeps pensioners at work in Russia? Evidence from household panel data. *Economics of Transition*. Vol. 10, iss. 1,

pp. 29–53. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0351.00102>

Loretto, W. and White, Ph. (2006). Employers' attitudes, practices and policies towards older workers. *Human Resource Management Journal*. Vol. 16, iss. 3, pp. 313–330. DOI:

<https://doi.org/10.1111/j.1748-8583.2006.00013.x>

Lotherington, A.Th., Obstfelder, A. and Halford, S. (2017). No place for old women: a critical inquiry into age in later working life. *Ageing & Society*. Vol. 37, iss. 6, pp. 1156–1178. DOI:

<https://doi.org/10.1017/s0144686x16000064>

Maleva, T.M. and Sinyavskaya, O.V. (2005). *Pensionnaya reforma v Rossii: istoriya, rezyl'taty, perspektivy* [Pension reform in Russia: history, results, prospects]. Moscow: Pomatur Publ., 75 p.

Maleva, T.M. and Sinyavskaya, O.V. (2010). [Raising the retirement age: pro et contra]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 8, pp. 117–137.

McCann, R. and Giles, H. (2002). Ageism in the workplace: A communication perspective. *T.D. Nelson (ed.) Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons*. Cambridge, MA: The MIT Press, pp. 163–199. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/1157.003.0010>

Parfenova, O.A. and Galkin, K.A. (2023). [Social activity and participation of older Russians in the context of active ageing]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 26, no. 1, pp. 200–223. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.8>

Roik, V.D. (2011). [Pension reform in Russia: the difficult path of formation of insurance institutions]. *Vserossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal «EKO»* [All-Russian Economic Journal «ECO»]. No. 3, pp. 4–23.

Sidorenko, A.V. and Mikhaylova, O.N. (2013). [Implementation of the Madrid International Plan of Action on Aging in the CIS Countries: The first 10 years]. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. Vol. 26, no. 4, pp. 585–593.

Taylor, P. and Walker, A. (1998). Employers and older workers: attitudes and employment practices. *Ageing & Society*. Vol. 18, iss. 6, pp. 641–658. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0144686x98007119>

Vasilenko, I.V. (2020). [Responses to the 2018 pension reform as a key source of social tension]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 18, no. 2, pp. 269–282. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-269-282>

Об авторе

Галкин Константин Александрович

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник

Социологический институт РАН –
филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, 25/14;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ResearcherID: A-8784-2016

About the author

Konstantin A. Galkin

Candidate of Sociology, Senior Researcher

The Sociological Institute of the RAS –
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences,
25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., Saint Petersburg,
190005, Russia;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ResearcherID: A-8784-2016

УДК 316.453

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-125-138>

EDN: JSNCWS

Поступила: 12.01.2025

Принята: 03.03.2025

Опубликована: 10.04.2025

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ: КЕЙС ПЕРМСКОГО КРАЯ

Родачев Владислав Алексеевич, Волегов Владимир Сергеевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Статья посвящена анализу показателей воспроизводства кадровой структуры в системе общего образования. Авторы обращают внимание на формирование валидных и адекватных показателей, характеризующих процесс воспроизводства педагогических кадров на уровне образования. Важность подобных данных обосновывается нарастанием кадровой напряженности, характерной для отечественно рынка труда, а также фиксируемом росте среднего возраста педагогических работников и росте числа вакантных ставок. На основании анализа сложившихся в научной практике эмпирических подходов авторы делают вывод о наличии серьезных различий в воспроизводстве учительских кадров в различных территориальных условиях, в первую очередь — разнице между городскими и сельскими школами, а также между школами, расположенными в районах с различными экономическими условиями. Для уточнения структуры педагогических кадров в статье используется несколько источников, включая данные официального статистического наблюдения Министерства просвещения РФ, а также данные контент-анализа сайтов образовательных организаций Пермского края, содержащие сведения о кадровом составе. Сопоставление данных, полученных из указанных источников, показало, что наиболее существенные различия в структуре педагогических кадров определяются не типом населенного пункта, в котором расположена школа, а расположением школы в региональной столице или вне ее. Так, школы, расположенные в г. Перми, существенно отличаются по средней величине педагогического стажа и большей доле педагогов со стажем до 5 лет. Более того, именно в этих школах чаще используется практика привлечения сотрудников без профильного педагогического образования. Еще один вывод, сделанный в статье, касается необходимости расширения диапазона педагогического стажа, используемого в статистических наблюдениях, т.к. установленная планка в 20 и более лет не отражает реального распределения и показатели центральной тенденции.

Ключевые слова: педагогические кадры, воспроизводство социально-профессиональной структуры, общее образование, Пермский край, территориальная структура, молодые педагоги, величина педагогического стажа.

Для цитирования:

Родачев В.А., Волегов В.С. Сравнительный анализ показателей воспроизводства педагогических кадров: кейс Пермского края // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 1. С. 125–138. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-125-138>. EDN: JSNCWS

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INDICATORS OF TEACHING STAFF REPRODUCTION: THE CASE OF PERM KRAI

Vladislav A. Rodachev, Vladimir S. Volegov

Perm State University (Perm)

The article analyzes indicators of the personnel structure reproduction in the system of general education. The authors draw attention to the formation of valid and adequate indicators characterizing the process of reproduction of teaching staff. The importance of such data is substantiated by the rising tension in the human resources sphere, characteristic of the Russian labor market, as well as an increase in the average age of teaching staff and in the number of vacant positions. Based on an analysis of existing empirical approaches, the authors conclude that there are major differences in the reproduction of teaching staff in territories characterized by various conditions. Most pronounced are the differences between urban and rural schools, as well as between schools located in areas with different economic conditions. To clarify the structure of teaching staff, the article uses several sources, including official statistical observation data from the Ministry of Education of the Russian Federation and data from a content analysis of the websites of Perm Krai's educational organizations that contain information on the staff. A comparison of the data obtained from these sources has shown that the most significant differences in the structure of teaching staff are determined not by the type of settlement in which the school is situated, but by the location of the school in the regional capital or outside it. For example, schools located in the city of Perm differ significantly in the average length of teaching experience and have a larger proportion of teachers with up to five years of experience. Moreover, the practice of hiring employees without specialized pedagogical education is more common to these schools. Another conclusion is about the need to expand the range of teaching experience used in statistical observations, since the established bar of 20 years or more does not reflect the real distribution and the indicators of the central tendency.

Keywords: teaching staff, reproduction of the socio-professional structure, general education, Perm Krai, territorial structure, young teachers, length of teaching experience.

To cite:

Rodachev V.A., Volegov V.S. [A comparative analysis of the indicators of teaching staff reproduction: the case of Perm Krai]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 1, pp. 125–138 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-1-125-138>, EDN: JSNCWS

Введение

Проблема воспроизводства педагогических кадров в системе образования длительный период времени находится в центре внимания не только самого профессионального сообщества и органов управления образованием, но и исследователей. Контексты подобного интереса могут быть разнообразными: от соответствия педагогических работников новым требованиям к подготовке и квалификации, эффективной профессиональной подготовки потенциальных работников, до попыток оценить потребность в новых

работниках. Последний аспект в настоящее время становится все более и более актуальным.

Причины повышения важности анализа реальной и плановой потребности в педагогических кадрах связаны с несколькими обстоятельствами. С одной стороны, к этим обстоятельствам относятся позитивные изменения в нормативном регулировании (ориентация на переход к организации обучения в одну смену [Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2015 № 2145-р]) и демографические процессы (увеличение численности обучающихся начальных классов), требующие привлечения дополни-

тельных сотрудников. С другой стороны, наблюдается отток педагогических работников и увеличение числа вакантных ставок [Заир-Бек С.И. и др., 2020]. Кадровая напряженность на данном этапе не является специфической чертой отрасли образования, напротив, как показывают исследования, потребность в рабочей силе возрастает практически во всех сферах занятости [Андреев К. Д. и др., 2024, с. 32]. Более того, рост потребности в работниках, наблюдающийся в иных отраслях, потенциально способен повлиять и на кадровую ситуацию в образовании: как формируя альтернативные варианты профессионального развития для выпускников педагогических направлений, так и провоцируя отток работников из школы.

В этой связи возникает необходимость в более точном понимании существующей структуры педагогических кадров: их численности, возрастной и образовательной структуре, а также внутренней дифференциации этих показателей и влиянии, которое на них оказывают территориальные факторы. Иными словами, важно не только фиксировать увеличение средней величины стажа педагогических работников, но и понимать, происходит ли этот рост за счет слабого притока молодых педагогов, или за счет увеличения возраста более многочисленной когорты «возрастных» учителей, или причина в отсутствии кадров средней возрастной группы. Более того, имеющиеся данные официальной ведомственной статистики [Сведения по форме..., 2023] предполагают только две позиции, связанные с поселенческой структурой — это городские и сельские школы. Однако в первую группу, как правило, попадают крайне неоднородные муниципальные образования: не только региональный центр с численностью населения более 1 млн чел., но и малые города, обладающие принципиально иными социально-экономическими условиями функционирования.

В центре внимания данной статьи находится попытка уточнения показателей воспроизводства педагогических кадров в системе общего образования на примере Пермского края путем сопоставления данных официальной ведомственной статистики Министерства просвещения РФ и данных о педагогическом составе общеобразовательных организаций, размещенных в открытом доступе.

Показатели воспроизводства педагогических кадров: обзор эмпирических подходов

На сегодняшний день существует большой массив отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблемам воспроизводства кадровой структуры в системе образования, а также обсуждения эффективности различных показателей и методик расчета дефицита кадров.

Одно из наиболее популярных направлений связано с анализом общероссийских данных о структуре и динамике педагогических кадров на основе результатов федерального статистического наблюдения. Исследователями (Л.В. Васильева, К.В. Лебедев, Е.С. Суменова, В.С. Волегов, С.И. Заир-Бек, Т.А. Мерцалова, К.М. Анчиков, Ю.С. Пиньковецкая, К.А. Чуркин, Л.М. Нуриева, С.Г. Киселев) описываются общие тенденции, связанные с изменением контингента учителей, а также специфика этих тенденций на уровне макрорегионов. Так, например, в исследовании С.И. Заир-Бек и соавторов [Заир-Бек С.И. и др., 2020] рассматриваются проблемы кадрового обеспечения российских школ с акцентом на дефицит педагогических работников и изменение возрастной структуры педагогических кадров системы общего образования. Авторы обращают внимание на то, что численность учителей не успевает за ростом числа учащихся, особенно в условиях постоянных изменений образовательных стандартов. Ключевым фактором, по мнению авторов, является старение педагогического состава. Так, например, более четверти от всех педагогов составляет группа лиц, старше 55 лет, что ведет к усилению кадрового дефицита. Более того, за последние годы возросло количество вакансий по таким предметам, как математика, иностранные языки, физика. Помимо предметной специфики, в данной группе исследований обращается внимание на наличие разницы в воспроизводстве кадров между городскими и сельскими образовательными организациями. При этом в качестве характеристик устойчивости кадровой системы авторами используются показатели, связанные с долей занятых ставок и долей выбывших педагогов [Заир-Бек С.И. и др., 2020, с. 4–5].

Одну из существенных попыток уточнения показателей кадровой структуры представляют исследования Ю.С. Пиньковецкой [Пиньковец-

кая Ю.С., 2022a, 2022b], посвященные анализу половозрастных аспектов учительского сообщества в разрезе регионов России. На основе применения методов статистического анализа автор определяет средний возраст педагогических работников как 46 лет, рассматривая его как потенциально проблемный [Пиньковецкая Ю.С., 2022a, с. 105–106]. Более того, в статье подробно разбирается вопрос территориальной специфики возрастной структуры учительских кадров. Анализируя данные о доле педагогов в различных возрастных группах, автор приходит к выводу об отсутствии влияния территориального расположения субъектов Федерации «на максимальные и минимальные значения показателей» [Пиньковецкая Ю.С., 2022a, с. 109]. Помимо показателей возраста, автор анализирует гендерную структуру работников образования, изучая долю мужчин в разных возрастных категориях и по регионам России. В среднем по России доля мужчин учителей составляла 11 %, при этом наибольшая доля мужчин наблюдается в группе младше 30 лет (14,9 %), наименьшая — в группе 40–49 лет (8,1 %). Диспропорция в соотношении мужчин и женщин на уровне общего образования сохраняется во всех возрастных группах, что, по мнению автора, свидетельствует о существовании гендерных стереотипов в образовании и влиянии структурных факторов экономики (уровня оплаты труда в разные временные периоды) [Пиньковецкая Ю.С., 2022b, с. 47]. В статье также постулируется вывод об отсутствии влияния географического положения регионов. Однако в обеих статьях автор концентрируется на обобщенных данных на уровне региона, без детализации по типам населенных пунктов и учета половозрастной структуры населения регионов в целом.

Попытка поиска социально-экономических факторов, влияющих на процесс воспроизводства кадровой структуры и привлечение молодых педагогов в общем образовании, предпринята в статье «Численность молодых учителей и показатели социально-экономического развития регионов» [Волегов В.С., 2023]. Автор анализирует статистические данные по численности учителей разных возрастных групп, делая акцент на педагогах моложе 35 лет и связи возрастной структуры с такими показателями, как уровень безработицы, уровень заработной пла-

ты и развитие наукоемких отраслей экономики. Исследование показало значительные различия в численности молодых учителей, связанные с типом населенного пункта: доля молодых педагогов выше и устойчивее в городских населенных пунктах. Как свидетельствует статистический анализ, на показатели вовлеченности молодых педагогов в городской и сельской местности влияют различный набор социально-экономических показателей. Более того, для сельских школ обнаружено большее количество социально-экономических факторов, имеющих отрицательное влияние [Волегов В.С., 2023, с. 588].

В статье Л.В. Васильевой, К.В. Лебедева и Е.С. Суменовой рассматриваются методические вопросы, связанные с формированием прогнозной модели возрастной структуры педагогических работников в общем образовании [Васильева Л.В. и др., 2021]. В рамках предварительного анализа научной литературы авторы указывают на ряд существенных параметров, специфически влияющих на кадровую динамику в системе образования. К ним относятся неравенство социально-экономического положения регионов, демографических процессов (соотношение различных возрастных когорт среди взрослых, численность детей в разных возрастных группах), а также различная потребность в учителях разных предметных областей. Наибольшая напряженность фиксируется среди «преподавателей науки, техники, инженерии и математики (STEM)» [Васильева Л.В. и др., 2021, с. 145]. Опираясь на статистические данные Министерства просвещения РФ, а также результаты международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения, проведенного в 2018 г., авторы делают вывод о принципиальной сопоставимости средний показателей возрастной структуры педагогических кадров в России и других странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). При этом указывается на существенные региональные расхождения по доле молодых педагогов и педагогов старшего возраста. Поэтому при последующем формировании прогнозной модели применяются процедуры и критерии, связанные с учетом региональной динамики. На основании использованных методов прогнозирования авторы приходят к выводу относительно ситуации с долей молодых педаго-

гов (до 29 лет) на фоне увеличения доли учителей в старших возрастных группах [Васильева Л.В. и др., 2021, с. 157–159].

Представленная методика расчета тенденций в кадровой структуре общего образования основывается на экстраполяции имеющихся трендов и не учитывает смежные процессы, связанные с изменением численности обучающихся по уровням образования и типам населенных пунктов. Как отмечается рядом авторов [Чуркин К.А. и др., 2014, с. 12], подобные подходы применяются в различных исследованиях, но не позволяют получить качественные результаты. Фактический результат, как правило, существенно отличается от прогнозируемого. Альтернативный вариант связан с формированием прогнозной модели, основанной на показателях рождаемости и численности детей в соответствующих возрастных группах, а также нормативных характеристиках общего образования (трудоемкость предметов учебного плана и размеры класс-комплекта). Дополнительные параметры связаны с учетом потребности в восполнении кадров (в связи с достижением предельного возраста или смены работы). На основе авторской методики расчета авторы ожидали рост потребности в педагогических кадрах на уровне Российской Федерации и отдельных регионов (для расчета используется пример Омской области), который, однако, должен быть частично компенсирован увеличением численности обучающихся в учебных группах [Чуркин К.А. и др., 2014, с. 16–17].

Проблема поиска и обоснования адекватных источников данных о структуре и кадровой динамике в школьном образовании широко представлена в исследованиях американских социологов. В связи с отсутствием общенациональных статистических данных авторы используют методики косвенного определения масштабов имеющихся вакансий, а также изучения дефицита учительских кадров. Оставляя в стороне дискуссию о релевантности подобных замеров (см. напр., [Pennington McVey K., Trinidad J., 2019]), необходимо более подробно остановиться на выделяемых параметрах для анализа. Одним из наиболее продуктивных оказывается подход, относящий к формам скрытого дефицита кадров не только незаполненные ставки, но и привлечение педагогических работников, не прошедших сертификацию по преподава-

нию, или замещение вакансии учителем, специализирующемся на другом предмете [Nguyen T.D. et al., 2022, p. 9]. Более того, даже исследователи, критически оценивающие масштабы кадровых проблем, указывают на неравномерность их проявления по территориальному признаку (нехватка учителей чаще наблюдается в районах проживания менее обеспеченных слоев населения) и предметной области (наиболее дефицитные — учителя математики и естественнонаучных предметов) [Pennington McVey K., Trinidad J., 2019, p. 13, 36]. Схожие тенденции описываются в отношении английской школьной системы. В первую очередь авторами фиксируется дифференциация укомплектованности кадрами в благополучных и неблагополучных районах Лондона, а также иных территориях и пригородах, при этом выделяется слабая связь между оплатой труда педагогов в различных территориальных условиях. Более того, подтверждается и предметная специфика: «Нехватка наиболее остра в предметах, где выпускники могут рассчитывать на более высокую зарплату вне преподавания (в основном математика и естественные науки)» [Sibieta L., 2020, p. 8]. Еще одна закономерность, значимая в рамках настоящего обзора, связана с динамическими показателями. По данным автора, происходит усиление оттока кадров, причем наиболее сильно этот отток проявляется среди начинающих педагогов (сохранение учительского состава за первые 5 лет работы составляет 60 %, а среди учителей математики и естественных наук — около 50 %) [Sibieta L. 2020, p. 7].

Значительное количество работ посвящено анализу проблем воспроизводства педагогического состава общеобразовательных организаций на уровне отдельных Субъектов Федерации (И.Н. Буркова, Л.П. Квашко, Н.В. Репш, Н.Б. Буренина, Ю.Ю. Яцык, Г.Х.Ц. Гунжитова, О.П. Осипова, С.А. Горохов). Для большинства статей характерно использование тех же данных федерального статистического наблюдения, на которые ссылаются отечественные авторы, чьи исследования описаны выше. Иногда привлекаются дополнительные источники данных, в том числе о профессиональной подготовке и переподготовке [Гунжитова Г.Х.Ц., 2015].

Анализ, представленный в статье [Буркова И.Н. и др., 2022], описывает особенности

кадровой ситуации в регионах Дальнего востока (ДФО) в сравнении с общероссийской картиной. Особое внимание уделяется специфике Приморского края. Авторами указывается на несколько существенных особенностей: меньшую обеспеченность дальневосточных Субъектов Федерации педагогическими работниками по сравнению с общероссийскими показателями, а также внутреннее неравенство этих Субъектов. В частности, выделяются такие параметры для сравнения, как уровень и профиль образования педагогов: для Приморского края наблюдается не характерно низкий для России уровень учителей с педагогическим образованием [Буркова И.Н. и др., 2022, с. 66]. Особенностью статьи является сопоставление данных по обеспеченности кадрами не только учебной деятельности, но и воспитательной работе. Наблюдается существенная неоднородность регионов ДФО по численности обучающихся в расчете на одного педагога-психолога: в Приморском крае этот показатель выше среднего по России в 2,5 раза, и в 5,5 раз выше, чем в Камчатском крае [Буркова И.Н. и др., 2022, с. 67]. В качестве причин, влияющих на кадровые проблемы в системе общего образования Приморского края, авторы выделяют отсутствие профильных педагогических вузов в регионе [Буркова И.Н. и др., 2022, с. 68]. Однако наличие соответствующих организаций высшего образования не является единственным существенным фактором кадровой ситуации. Анализируя рынок труда учителей в ДФО, О.П. Осипова и С.А. Горохов указывают на неравномерное распределение контрольных цифр приема на педагогические направления подготовки в дальневосточных Субъектах РФ, причем бóльшая их часть приходится на непрофильные вузы [Осипова О.П., Горохов С.А., 2021, с. 140].

Запрос на профессиональную переподготовку также является важным показателем дефицитов кадровой структуры образования на уровне отдельного региона. Так, например, по данным Г.Х.Ц. Гунжитовой, в Республике Бурятия наблюдается территориальная дифференциация потребности в получении дополнительной квалификации педагогами [Гунжитова Г.Х.Ц., 2015]. Только 19 % заявок на переобучение учителей приходится на столицу региона Улан-Удэ, а остальные сформированы районами республики [Гунжитова Г.Х.Ц., 2015,

с. 64]. Помимо этого, в статье описывается предметная специфика дефицита кадров: она выражена в нехватке педагогов по математике, английского и русского языков, начальных классов [Гунжитова Г.Х.Ц., 2015, с. 64].

Особенное внимание привлекают работы, связанные с анализом кадровой структуры общего образования в сельской местности, а также ее связи с динамикой численности обучающихся и численностью образовательных организаций [Буренина Н.Б., Яцык Ю.Ю., 2020]. Анализируя кадровые дефициты в Республике Крым, авторы указывают на двукратное сокращение за 20 лет количества общеобразовательных организаций в сельской местности, произошедшее на фоне уменьшения численности учеников на 20 % и увеличении педагогической нагрузки до 1,5–2,0 ставок. При этом 70 % педагогов, работающих в сельской местности, являются внешними совместителями [Буренина Н.Б., Яцык Ю.Ю., 2020, с. 140].

Еще одну группу составляют исследования, не ориентированные напрямую на изучение показателей кадровой структуры в системе общего образования, но, тем не менее, затрагивающие данный аспект. Прежде всего, к ним относятся работы в области педагогики и психологии профессиональной деятельности, посвященные условиям, влияющим на удержание педагогов или факторам их увольнения. Так, например, в центре внимания авторов оказываются вопросы морального стимулирования педагогов и оценки ими статуса собственной профессии [Хуснутдинова М.Р., 2017]. При этом, что в исследовании М.Р. Хуснутдиновой описываются показатели оценки престижа профессии учителя со стороны самого профессионального сообщества, одним из важных аспектов, затронутых автором, является динамика факторов, влияющих на эту оценку на этапе профессионального старта и в процессе трудовой деятельности. По данным статьи, экономические факторы, не являясь существенными, тем не менее, проявляются у большего количества педагогов по мере получения профессионального опыта [Хуснутдинова М.Р., 2017, с. 44]. Еще один важный аспект связан с удовлетворенностью собственной работой: несмотря на все проблемы, связанные с оценкой социального статуса профессии и условиями труда в ней, отмечается высокий показатель удовлетворенности (91 %) опрошенных. Одна-

ко, что особенно важно для целей настоящей статьи, отрицательный ответ чаще выбирали педагоги со стажем менее 5 лет, они же чаще говорили про желание уволиться [Хуснутдинова М.Р., 2017, с. 44]. Иными словами, описанные данные позволяют предположить, что на структуру педагогических кадров влияет не малый приток выпускников педагогических направлений подготовки, а их высокий отсев в течение первых пяти лет. Особенно на этот процесс влияет отсутствие доплат, связанных со стажем и педагогической категорией [Аврамова Е.М., Логинов Д.М., 2017, с. 70].

Помимо различий в удовлетворенности профессиональной деятельностью, на возрастную структуру учителей способен повлиять уже имеющийся коллектив образовательных организаций: с одной стороны, молодые специалисты в большей степени ощущают давление «возрастных» коллег, с другой, наблюдается ориентация родителей на обучение у более опытного педагога [Аврамова Е.М., Логинов Д.М., 2017, с. 67]. Таким образом, к показателям, характеризующих возрастную структуру педагогов, возможно отнести соотношение различных возрастных групп в рамках одной образовательной организации. Еще один важный фактор, отмеченный в статье, связан с территориальной спецификой: из-за малой наполняемости классов и нестабильности набора, сельским школам, в особенности малокомплектным, оказывается сложнее планировать свой кадровый состав и привлекать молодых педагогов [Аврамова Е.М., Логинов Д.М., 2017; Подстрешная В.А., Лактионов В.В., 2019].

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что воспроизводство педагогических кадров в системе общего образования зависит от большого числа факторов, оказывающих свое влияние как на макросоциальном уровне, так и на «нижних этажах» социальной системы (включая, например, особенности межличностного взаимодействия и мотивы социальных субъектов). Наиболее серьезным проявлением первой группы, если следовать логике проанализированных статей, является специфика территориальных условий: в работах акцентируется внимание на существенных различиях в воспроизводстве учительских кадров в сельской и городской местности. Более того, на уровне городских образований также заметна существенная разница.

Еще один вывод, который следует из анализа литературы, касается показателей самой структуры кадров: показатели среднего возраста и (или) величины стажа не являются достаточными характеристиками, поскольку не учитывают соотношение различных целевых групп, а также перспектив выбытия. В проанализированных работах к таким «группам риска», имеющим повышенную вероятность увольнения, относятся молодые педагоги (со стажем менее 5 лет), а также их более возрастные коллеги. Более того, в подобном анализе целесообразно учитывать предметную специфику, выделенную авторами.

Источники и методы исследования

Анализ показателей воспроизводства кадровой структуры педагогических кадров общеобразовательных организаций на уровне конкретного региона (в данном случае — Пермского края) предполагает сопоставление нескольких групп источников: данных официальной ведомственной статистики Министерства просвещения РФ и данных о педагогическом составе общеобразовательных организаций, размещенных в открытом доступе.

В качестве данных официальной ведомственной статистики используются Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023–2024 учебного года [Сведения по форме..., 2023].

Отраженные в федеральной статистике показатели не в полной мере позволяют зафиксировать особенности кадровой структуры, выделенные в обзоре эмпирических исследований: имеют большую градацию величины стажа педагогических работников, не учитывают совмещение разных предметных областей, не принимают во внимание территориальную специфику муниципальных образований. Поэтому для уточнения выделенных характеристик используются данные, представленные на официальных сайтах образовательных учреждений, исследование проводилось путем анализа раздела «Руководство. Педагогический (научно-педагогический) состав» на официальных сайтах общеобразовательных организаций Пермского края.

Для формирования выборочной совокупности использовался гнездовой метод, при котором отдельные школы выступали в роли гнезд. В качестве источника данных о генеральной совокупности был использован полный список общеобразовательных учреждений Пермского края [Актуальный реестр организаций..., 2023]. Из этого списка исключались учреждения с особыми условиями финансового и кадрового обеспечения, в результате чего генеральная совокупность уменьшилась с 474 до 434 организаций. Затем список был разделен на три кластера: школы г. Перми, школы других городов Пермского края и сельские школы региона, что позволило учесть социально-экономические особенности муниципальных образований. Объем выборки, рассчитанный при максимальной погрешности $\pm 2,5\%$ при вероятности 95 %, составил 204 образовательные организации. Эти организации были пропорционально отобраны по трем выделенным выше кластерам.

В ходе анализа были собраны данные по 7707 педагогам, что составляет около 43 % от общего числа учителей в Пермском крае, которые, по данным Министерства просвещения РФ, составляют 17 886 чел. [Сведения по фор-

ме..., 2023]. Проведен контент-анализ индивидуальных данных педагогов по таким параметрам, как: уровень и профиль образования; категория; величина общего и педагогического стажа; количество предметных областей, в которых задействован педагог; перечень предметных областей.

Результаты и обсуждение

По данным, представленным Министерством просвещения РФ (представлены на рис. 1), распределение педагогов Пермского края по территориальному признаку и группам с разным педагогическим стажем неравномерно. 2/3 учителей являются работниками городских школ, причем превышение наблюдается по всем исследуемым группам. Разрыв между территориальными группами особенно сильно наблюдается среди учителей со стажем менее 5 лет (разница более чем в 3 раза). По мере увеличения величины стажа наблюдается относительное выравнивание указанной разницы: меньше всего разрыв в доле городских и сельских педагогов относительно общей численности кадров фиксируется среди работников с наибольшим стажем (20 лет и более).

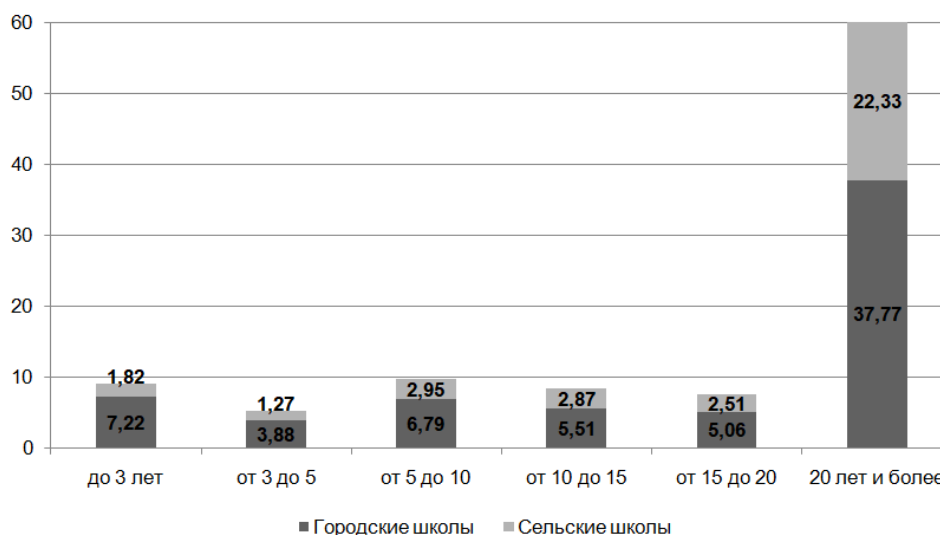

Рис. 1. Доля педагогов городских и сельских школ по величине педагогического стажа от общей численности педагогов [Сведения по форме..., 2023]

Fig. 1. The share of teachers in urban and rural schools by length of teaching experience from the total number of teachers [Svedeniya po forme..., 2023]

Наиболее наполненной группой педагогов, включающей более 60% учителей в Пермском крае, оказалась категория «стажистов», т.е. работников, имеющих стаж педагогической дея-

тельности более 20 лет. При этом остальные группы по величине стажа не превышают 10 %. Необходимо отметить и вторую специфическую черту, связанную с неоднородностью дру-

гих групп педагогов. Учитывая, что Министерством просвещения РФ используется разная величина диапазонов (3 года, 2 года, 5 лет), можно предположить, что по мере увеличения показателя педагогического стажа наблюдается уменьшение доли педагогов. Особенно сильно это снижение замечено среди педагогов со стажем от 3 до 5 лет, причем за счет работников городских школ.

В целом, структура педагогических кадров системы общего образования Пермского края, представленная в официальных статистических данных Министерства просвещения РФ, подтверждается результатами контент-анализа сайтов образовательных организаций, воспроизводя основные территориальные и возрастные особенности. Фактическое отклонение данных по доле педагогов в группах с разной величиной педагогического стажа, полученных двумя методами, колеблется в диапазоне от -1,3 % до 3,5 %. Зафиксированное расхождение фиксируется как среди городских, так и сельских педагогов. Одной из причин, объясняющих подобное отклонение от ведомственных статистических

данных, может выступать одновременная занятость педагогов в нескольких учебных заведениях (на условиях внешнего совмещения и работы по договорам гражданско-правового характера), факт которой невозможно исключить при выборочном обследовании.

Частотное распределение доли педагогов в зависимости от величины педагогического стажа, представленное на рис. 2, позволяет зафиксировать несколько важных характеристик. Выделяется нелинейное распределение педагогов по различным группам величины стажа и большой диапазон этого распределения: максимальная зафиксированная величина показателя — 58 лет, что сильно выше формально установленной границы выделения интервалов в данных Министерства просвещения РФ. При этом, несмотря на существенный разброс показателей, поиск статистических выбросов и аномальных значений при помощи графического метода и критерия Шовене дал отрицательный результат, что говорит об их пригодности для анализа мер центральной тенденции.

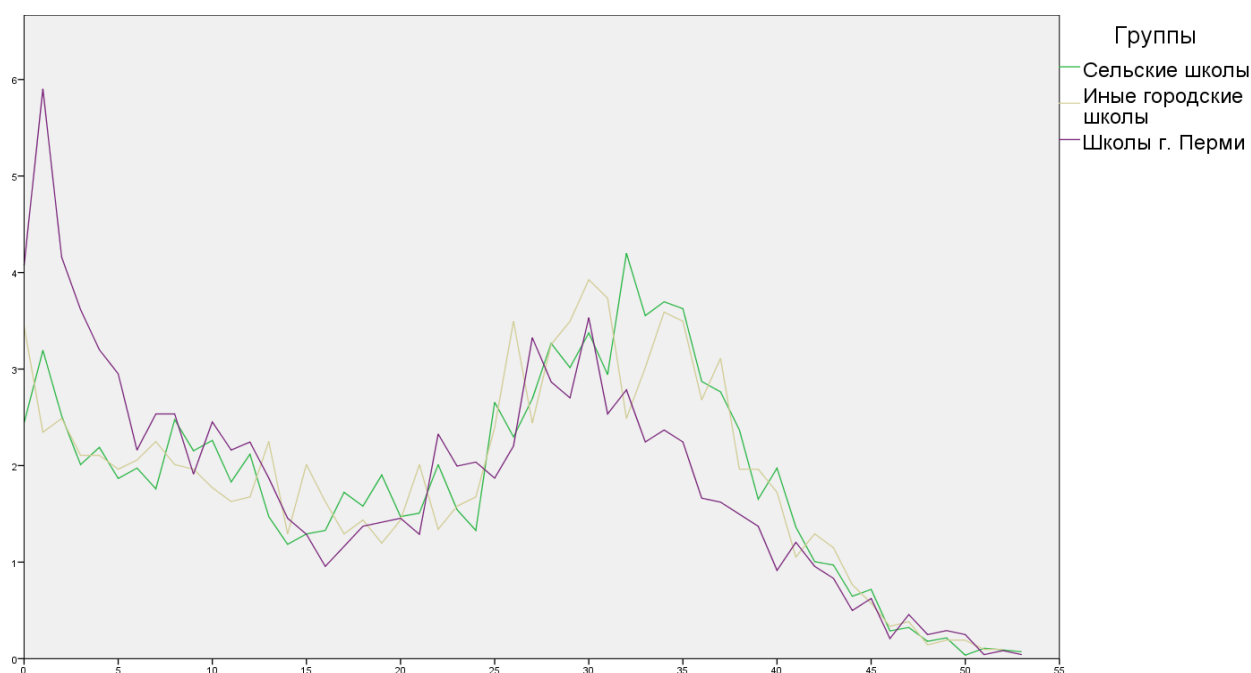

Рис. 2. Частотное распределение доли педагогов по годам педагогического стажа и типу населенного пункта

Fig. 2. Frequency distribution of the proportion of teachers by years of teaching experience and type of settlement

Анализ мер центральной тенденции в целом по массиву также демонстрирует большой раз-

брос значений: средняя величина (\bar{X}) педагогического стажа составляет 21,62 года, медиана

(Me) — 24 года, а модельное значение (Mo) — 1 год. При этом асимметрия признака составила -0,097, что говорит о сдвиге в область больших значений признака, однако близость распределения к нормальному. Существенные различия наблюдаются при сравнении различных типов населенных пунктов: так, значения средней величины педагогического стажа и медианы в сельских школах и городских школах, расположенных вне г. Перми, оказались равными ($\bar{X} = 22,7$, $Me = 26$, $Mo = 32$ и 30 лет соответственно), в то время как для школ региональной столицы эти показатели существенно ниже: $\bar{X} = 19,3$, $Me = 20$, $Mo = 1$. Более того, только в подвыборке пермских школ зафиксирована положительная величина асимметрии (0,153). С другой стороны, полученные в ходе контент-анализа данные демонстрируют серьезное снижение численности педагогов со стажем от 10 до 20–25 лет, происходящее независимо от типа населенного пункта. Самой большой категорией педагогов в трех рассматриваемых группах становятся педагоги с педагогическим стажем около 30 лет: несмотря на возможность выхода на пенсию после достижения 25 лет педагогического стажа, именно в диапазоне 25–35 лет наблюдается рост численности работников. Имеющиеся данные позволяют предположить, что используемые Минпросом РФ интервалы деления по педагогическому стажу не позволя-

ют детально описать реальную структуру педагогических кадров, поскольку не учитывают фактический диапазон распределения учительских кадров.

В связи с тем, что распределение педагогов по величине педагогического стажа в трех рассматриваемых группах отклоняется от нормального по результатам применения одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова, для сравнения средних значений применялись критерии, рассчитанные на порядковые шкалы. Критерий Краскала-Уоллиса показывает, что средние величины в трех выделенных группах различаются ($p = 0,000$), однако более детальный анализ позволяет уточнить эту картину. Для детализации влияния типа населенного пункта на среднюю величину педагогического стажа использовался U-тест Манна-Уитни. Различия признавались статистически значимыми на уровне $p < 0,05$.

Представленные в таблице результаты применения теста Манна-Уитни показывают наличие статистической разницы в средней величине педагогического стажа учителей в зависимости от типа населенного пункта, однако эти различия наблюдаются не между городскими и сельскими школами, а между школами регионального центра и всеми остальными учебными заведениями.

Значения U-теста Манна-Уитни по средней величине педагогического стажа в зависимости от типа населенного пункта

Mann-Whitney U-test values for average length of teaching experience depending on the type of settlement

	<i>Школы г. Перми</i>	<i>Иные городские школы</i>
Иные городские школы	U Манна-Уитни 2131781,000 W Вилкоксона 5027402,000 p = 0,000	-
Сельские школы	U Манна-Уитни 2827253,000 W Вилкоксона 5722874,000 p = 0,000	U Манна-Уитни 2896405,000 W Вилкоксона 5079410,000 p = 0,780

Иными словами, существенные различия в структуре педагогических кадров в общеобразовательных организациях Пермского края определяются не типом населенного пункта как таковым, а специфическими условиями развития городской среды, ее социально-экономическими условиями. Особенно сильно эти различия наблюдаются в крайних значениях величины педагогического стажа: ввиду наличия нескольких высших учебных заведе-

ний, выпускающих потенциальных педагогических работников, г. Пермь демонстрирует существенно более высокую долю молодых учителей со стажем педагогической деятельности до 5 лет, однако здесь же наблюдается и наименьшие показатели «сохранности» контингента. Падение доли педагогов со стажем от 1 года до 6 лет составляет 80 %. В то же время для школ краевой столицы характерен более ранний период прекращения трудовой деятель-

ности, что заметно по доле учителей с величинной стажа более 30 лет.

Еще одна важная характеристика кадровой структуры образования, выделяемая в научной литературе как показатель скрытого дефицита, — доля учителей без педагогического образования. В целом по массиву, полученному методом контент-анализа, этот показатель оказался равен 19 %. Однако на него, как и на другие анализируемые показатели, влияет тип населенного пункта. Наиболее распространенной практика привлечения к преподаванию лиц без профильного образования оказалась именно в Пермских школах (24,5 % против 13,5 в сельских школах). Использование критерия χ^2 подтверждает (при асимптотической значимости на уровне 0,000) наличие связи между типом населенного пункта и увеличением доли педагогов без специализированного образования.

Выводы

На основании проведенного анализа показателей воспроизводства педагогических кадров на примере общеобразовательных организаций можно сделать несколько выводов. Прежде всего, необходимо констатировать, что воспроизводство учительских кадров является сложным социальным процессом, который необходимо рассматривать на различных уровнях социальной организации: на национальном уровне, в условиях конкретных регионов и их групп, в условиях конкретной образовательной организации. Более того, каждый из упомянутых уровней анализа предполагает учет действия множества факторов, имеющих социально-экономическую и социально-психологическую природу.

Независимо от страны, уровня ее социально-экономического развития, исследователи сходятся в важности учета территориальных условий и существовании существенных различий в возрастной и образовательной структурах педагогических кадров в различных типах населенных пунктах. В настоящей статье была предпринята попытка детализовать данные структуры на примере общеобразовательных организаций Пермского края. Как показал анализ эмпирического материала, традиционное деление школ на городские и сельские не в полной мере отражает реальные различия в структуре педагогических кадров. Принципиальные различия в практике привлечения молодых педагогов и

вовлечение специалистов из других областей (не имеющих педагогического образования) наблюдаются между региональным центром и всеми другими школами, независимо от типа населенного пункта, в котором они находятся. С другой стороны, именно в пермских школах наблюдается и наибольший отток начинающих учителей. Можно предположить, что пермские школы, имея большие возможности для привлечения выпускников вузов ввиду территориальной близости предпринимают меньшие усилия для их удержания. Однако подтверждение или опровержение данной гипотезы требует дополнительных исследований.

Еще один вывод, сформулированный в рамках исследования, касается имеющихся подходов к выделению структуры кадров по величине педагогического стажа. Эмпирические данные показывают, что сложившийся в ведомственной статистике Министерства просвещения РФ подход к выделению интервалов педагогического стажа не учитывает реальный разброс значений данного признака. С одной стороны, выделяемые диапазоны не учитывают законодательной специфики (период адаптации и поддержки «молодых» педагогов, условия для выхода на пенсию и др.), с другой, игнорируют фактическое распределение педагогов, искусственно сокращая число градаций признака.

Список литературы

- Аврамова Е.М., Логинов Д.М. Какие кадры работают в школах России? // Народное образование. 2017. № 3–4(1461). С. 65–79.
- Актуальный реестр организаций для НОКО 2023 г. / Министерство образования и науки Пермского края. 2023. URL: <https://minobr.permkrai.ru/dokumenty/283869/> (дата обращения: 14.09.2024).
- Андреев К.Д., Демьянова А.В., Лола И.С., Покровский С.И., Рябова А.Д., Усов Н.А. Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. I квартал 2024 года. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 53 с.
- Буренина Н.Б., Яцык Ю.Ю. Подходы к решению проблемы кадрового дефицита в сельских школах Республики Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6(16), вып. 1. С. 135–144.
- Буркова И.Н., Квашко Л.П., Репи Н.В. Школы Приморского края: кадровый голод (сравнительный анализ) // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 11(213). С. 64–69.

Васильева Л.В., Лебедев К.В., Суменова Е.С. Среднесрочный прогноз возрастной структуры педагогических работников общеобразовательных школ в субъектах Российской Федерации // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 2. С. 140–169. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-2-140-169>

Волегов В.С. Численность молодых учителей и показатели социально-экономического развития регионов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 579–591. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-579-591>

Гунжитова Г.Х.Ц. Структура спроса на педагогические кадры на рынке труда Республики Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2015. № 2. С. 60–65.

Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. Кадры школьного образования: возможности и дефициты // Мониторинг экономики образования: информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических исследований. 2020. № 18 / НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354427472/release_18_2020.pdf (дата обращения: 08.07.2023).

Осипова О.П., Горохов С.А. Педагогические кадры на локальном рынке труда: проблемы и дефициты (на примере Дальневосточного Федерального Округа) // Наука и школа. 2021. № 2. С. 136–146. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463x-2021-2-136-146>

Пиньковецкая Ю.С. Возрастная структура педагогического персонала общеобразовательных школ в регионах России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2(77). С. 99–112. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.77.2.003>

Пиньковецкая Ю.С. Оценка доли мужчин в численности педагогических работников в школах // Статистика и экономика. 2022. Т. 19, № 2. С. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-43-51>

Подстрешная В.А., Лактионов В.В. Актуальные проблемы сельского учителя (на основании опроса учителей Подгоренского района Воронежской области) // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» (Санкт-Петербург, декабрь 2018) / под ред. Ю.Ф. Эльзессера. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2019. С. 51–53.

Распоряжение Правительства РФ от 23 октября 2015 г. № 2145-р «О программе “Содействие

созданию в субъектах Российской Федерации (исходя из прогнозируемой потребности) новых мест в общеобразовательных организациях” на 2016–2025 годы». URL: <http://government.ru/docs/all/103979/> (дата обращения: 05.10.2024).

Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года / Министерство просвещения Российской Федерации. 2023. URL.: <https://docs.edu.gov.ru/document/dd4cf021660425786495d744405367f0/?yclid=ltzpg4clnd880426369> (дата обращения: 14.08.2024).

Хуснутдинова М.Р. Социальный статус профессии учителя: самоопределение Российских педагогов // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22, № 4. С. 38–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2017220406>

Чуркин К.А., Нуриева Л.М., Киселев С.Г. К вопросу о потребности в педагогических кадрах // Экономика образования. 2014. № 4. С. 11–21.

Nguyen T.D., Lam Ch.B., Bruno P. Is there a national teacher shortage? A systematic examination of reports of teacher shortages in the United States // EdWorkingPaper. 2022. No. 22–631. URL: <https://edworkingpapers.com/sites/default/files/ai22-631.pdf> (accessed: 18.09.2024). DOI: <https://doi.org/10.26300/76eq-hj32>

Pennington McVey K., Trinidad J. Nuance in the noise: the complex reality of teacher shortages / Bellwether Education Partners. 2019. 87 p. URL: https://bellwether.org/wp-content/uploads/2019/01/Nuance-In-The-Noise_Bellwether.pdf (accessed: 18.09.2024).

Sibieta L. Teacher shortages in England: analysis and pay options / Economic Policy Institute. 2020. 50 p. URL: https://epi.org.uk/wp-content/uploads/2020/02/Teacher-shortages-and-pay_2020_EPI.pdf (accessed: 18.09.2024).

References

Aktual'nyy reestr organizatsiy dlya NOKO 2023 g. [Current register of organizations for NOKO 2023]. Ministry of education and science of Perm Krai. 2023. Available at: <https://minobr.permkrai.ru/dokumenty/283869/> (accessed 14.09.2024).

Andreev, K.D., Dem'yanova, A.V., Lola, I.S., Pokrovsky, S.I., Ryabova, A.D. and Usov, N.A. (2024). *Rynok truda ot del'nykh otrasley ekonomiki*

Rossii: tekuschaya situatsiya i ozhidaemyy fokus peremen. I kvartal 2024 goda [The labor market of individual sectors of the Russian economy: the current situation and the expected focus of change. 1st quarter of 2024]. Moscow: HSE Publ., 53 p.

Avraamova, E.M. and Loginov, D.M. (2017). [What kind of personnel work in Russian schools?]. *Narodnoe obrazovanie* [Public Education]. No. 3–4 (1461), pp. 65–79.

Burenina, N.B. and Yatsyk, Yu.Yu. (2020). [Approaches to solving the problem of personnel shortage in rural schools of the Republic of Crimea]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions]. Vol. 6(16), iss. 1, pp. 135–144.

Burkova, I.N., Kvashko, L.P. and Repsh, N.V. (2022). [Schools in Primorsky Krai: teaching staff shortage (comparative analysis)]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. No. 11(213), pp. 64–69.

Churkin, K.A., Nurieva, L.M. and Kiselev, S.G. (2014). [On the issue of the need for teaching staff]. *Ekonomika obrazovaniya* [Economics of Education]. No. 4, pp. 11–21.

Gunzhitova, G.Kh.Ts. (2015). [The structure of demand for teaching staff in the labor market of the Republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment* [BSU Bulletin. Economy and Management]. No. 2, pp. 60–65.

Khusnutdinova, M.R. (2017). [Social status of the teaching profession: self-determination of Russian teachers]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 22, no. 4, pp. 38–48. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2017220406>

Nguyen, T.D., Lam, Ch.B. and Bruno, P. (2022). Is there a national teacher shortage? A systematic examination of reports of teacher shortages in the United States. *EdWorkingPaper*. No. 22–631. Available at: <https://edworkingpapers.com/sites/default/files/ai22-631.pdf> (accessed 18.09.2024). DOI: <https://doi.org/10.26300/76eq-hj32>

Osipova, O.P. and Gorokhov, S.A. (2021). [Pedagogical personnel in the local labor market: problems and deficits (on the example of the Far Eastern Federal District)]. *Nauka i shkola* [Science and School]. No. 2, pp. 136–146. DOI: <https://doi.org/10.31862/1819-463x-2021-2-136-146>

Pennington McVey, K. and Trinidad, J. (2019). *Nuance in the noise: the complex reality of teacher shortages*. Bellwether Education Partners, 87 p. Available at: [https://bellwether.org/wp-](https://bellwether.org/wp-content/uploads/2019/01/Nuance-In-The-Noise_Bellwether.pdf)

[content/uploads/2019/01/Nuance-In-The-Noise_Bellwether.pdf](https://bellwether.org/wp-content/uploads/2019/01/Nuance-In-The-Noise_Bellwether.pdf) (accessed 18.09.2024).

Pinkovetskaya, Yu.S. (2022). [Age structure of teachers of secondary schools in Russian regions]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Surgut State Pedagogical University Bulletin]. No. 2(77), pp. 99–112. DOI: <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.77.2.003>

Pinkovetskaya, Yu.S. (2022). [Assessment of the proportion of men in the number of teaching staff in schools]. *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics]. Vol. 19, no. 2, pp. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-43-51>

Podstreshnaya, V.A. and Laktionov, V.V. (2019). [Actual problems of a rural teacher (based on a survey of teachers in the Podgorensky district of the Voronezh region)]. *Sbornik izbrannykh statey po materialam nauchnykh konferentsiy GNII «Natsrazvitie» (Sankt-Peterburg, dekabr' 2018)* [Conference materials of the State Research Institute «Natsrazvitie» (Saint Petersburg, December 2018)]. St. Petersburg: SRI «Natsrazvitie» Publ., pp. 51–53.

Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossii ot 23 oktyabrya 2015 g. № 2145-r «O programme "Sodeystvie sozdaniyu v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii (iskhodya iz prognoziruemoy potrebnosti) novykh mest v obsheobrazovatel'nykh organizatsiyakh" na 2016–2025 gody» [Order of the Government of the Russian Federation of October 23, 2015 No. 2145-r «On the program “Assistance in the creation of new places in general education organizations in the constituent entities of the Russian Federation (based on the projected need)” for 2016–2025»]. Available at: <http://government.ru/docs/all/103979/> (accessed 05.10.2024).

Sibieta, L. (2020). *Teacher shortages in England: analysis and pay options*. Economic Policy Institute, 50 p. Available at: https://epi.org.uk/wp-content/uploads/2020/02/Teacher-shortages-and-pay_2020_EPI.pdf (accessed 18.09.2024).

Svedeniya po forme federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya № OO-1 «Svedeniya ob organizatsii, osuschestvlyayushey obrazovatel'nyu deyatel'nost' po obrazovatel'nyim programmam nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya» na nachalo 2023/24 uchebnogo goda [Information on the federal statistical observation form No. OO-1 «Information on the organization carrying out educational activities under educational programs of primary general, basic general, secondary general education» at the beginning of the 2023/24 academic year]. Ministry of education of the Russian Federation. 2023. Available at:

<https://docs.edu.gov.ru/document/dd4cf021660425786495d744405367f0/?ysclid=lztpg4clnd880426369> (accessed 14.08.2024).

Vasil'eva, L.V., Lebedev, K.V. and Sumenova, E.S. (2021). [Medium-term forecast of the age structure of teachers in secondary schools in the Russian Federation]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. Vol. 23, no. 2, pp. 140–169. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-2-140-169>

Volegov, V.S. (2023). [The number of young teachers and the indicators of socio-economic development of the regions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology].

Iss. 4, pp. 579–591. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-4-579-591>

Zair-Bek, S.I., Mertsalova, T.A., Anchikov, K.M. (2020). [Personnel of school education: opportunities and deficits]. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya: informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam statisticheskikh i sotsiologicheskikh obsledovaniy* [Information and analytical materials of Monitoring the education economy based on the results of statistical and sociological surveys]. HSE University, no. 18. Available at: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354427472/release_18_2020.pdf (accessed 12.06.2024).

Об авторах

Родачев Владислав Алексеевич
аспирант кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vrodachev@inbox.ru
ResearcherID: MAH-6842-2025

Волегов Владимир Сергеевич
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ResearcherID: HKE-9846-2023

About the authors

Vladislav A. Rodachev
Postgraduate Student of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: vrodachev@inbox.ru
ResearcherID: MAH-6842-2025

Vladimir S. Volegov
Candidate of Sociology,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: wsvolegov@mail.ru
ResearcherID: HKE-9846-2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «>», «/», «\» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastroyki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatsti», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennyye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-13122024.pdf>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2025 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	10 апреля
в № 2 — до 01 мая	3 июля
в № 3 — до 01 августа	2 октября
в № 4 — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2025

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 10
No 2 May 1	July 3
No 3 August 1	October 2
No 4 October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2025
Выпуск 1

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 07.04.2025
Дата выхода в свет 10.04.2025
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 16,97
Тираж 34 экз. Заказ 844

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Философско-социологический факультет.
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке